ОФИЦИАЛЬНАЯ НОВЕЛЛИЗАЦИЯ КИНОХИТА
АЛАН ДИН ФОСТЕР
ЧУЖОЙ
ЗАВЕТ
СЮЖЕТ ДЖЕК ПАГЛЕН И МАЙКЛ ГРИН
СЦЕНАРИЙ ДЖОН ЛОГАН И ДАНТЕ ХАРПЕР
ПЕРСОНАЖИ ДЭН О'БЭННОН И РОНАЛЬД ШУСЕТТ
ЧИТАЙ КНИГУ — СМОТРИ ФИЛЬМ!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ридли Скотт возвращается в созданную им вселенную «Чужого». Фильм «Чужой: Завет» – новая глава этой ошеломительной приключенческой саги.

Команда корабля-колонии «Завет», отправленного на отдаленную планету в противоположном конце галактики, попадает в неизведанный рай. Вернее, так им кажется поначалу, потому что на самом деле они оказались в мрачном и опасном мире.

Когда же они столкнутся с угрозой, превышающей все их самые сокровенные кошмары, им ничего не остается, кроме как предпринять попытку отчаянного побега.

- Алан Дин Фостер
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - Об авторе

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

Алан Дин Фостер
Чужой: Завет

Alan Dean Foster
ALIEN ™: COVENANT
Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.
www.titanbooks.com
TM & © 2017 Twentieth Century Fox Film Corporation.
All Rights Reserved.

***

Известный автор Алан Дин Фостер также возвращается во вселенную, в которой он в первый раз побывал, написав новеллизацию самого первого фильма о Чужих.

«Чужой: Завет» – это ключевое приключение, предваряющее события оригинального фильма. «Завет» положит начало событиям, которые выльются в одну из самых ужасающих саг всех времен и народов.

1

Оно не видело снов. Не обладало такой способностью. Этот изъян не вносили специально, с определенной целью – он являлся просто известным побочным эффектом созидания. А когда речь шла о созидании, сюрпризов старались избегать.

Без бессознательной работы мозга не могло происходить концептуализации абстрактных понятий. Отсутствовал массив отвлеченных данных, наличие которого обязательно требовалось для сновидений. И все же присутствовало нечто, с трудом поддающееся определению. В конечном итоге только оно само могло определить собственное состояние небытия. Только оно могло понять, чего не знало, не видело, не ощущало.

В отсутствие снов не было и боли. Не было радости. Не было ни мельчайшего процента от любого из этих понятий. Только текущее состояние не-вполне-пустоты, почти-бытия.

Потом пришло ощущение, ведущее к мысли. Анализ: возможность визуального восприятия. Необходимость дополнительной нейронной стимуляции.

Нейроны включились, и по ним пробежали электрические импульсы. Последовала слабая, но явственная нейромускульная реакция.

Глаза открылись.

Оно не могло видеть собственного лица. Однако, если бы оно имело такую возможность и смогло задействовать дополнительные когнитивные функции, то отметило бы, что у него человеческий облик. Сияла новизной гладкая кожа, неповрежденная, без морщин – то ли в силу молодости, то ли из-за недостатка забот. Лицо обладало резкими привлекательными чертами. Голубые глаза не моргали. Новое лицо. Лицо, по которому не прочитать скрытых мыслей. И лицо, и сознание были созданы, запрограммированы, но только одно из них было способно меняться.

Прием звуковых сигналов. Обнаружен внешний звук. В ответ ожило еще некоторое количество нейронных связей. Оно услышало звуки, складывающиеся в слова. Распознавание оказалось простым. Проще, чем пробуждение.

– Как ты себя чувствуешь?

Медленно. Ему следовало действовать медленно. Осознанность действий была жизненно важна. Нетерпеливое тело обязательно должно было остаться под контролем разгоняющегося сознания. Требовалось выполнение первичной проверки. Затем, вероятно, совместное использование нескольких разных систем.

Неторопливо, методично поднялись и опустились ресницы. Запрос требовал ответа вслух, движений голосовых связок, губ, языка.

– Живым.

Голос оказался спокойным, ровным. Нормальным. Его это почему-то чуть удивило. Задавшего вопрос человека – нет.

– Моргающим. Чувствую… что моргаю.

– Очень хорошо, – сказал голос. – Что еще?

– Жизнь. Моргание, – для подтверждения сказанного оно – «он», поскольку программа подтвердила пол – еще раз моргнул. Те же нейронные цепочки, скорость чуть выше, результат тот же.

«Хорошо».

Успешное повторение подтвердило работоспособность.

Человек улыбнулся. В этой улыбке не было тепла, только удовлетворение. Изучая находившееся перед ним тело, он чуть склонил голову набок.

– Что ты видишь? – когда ответа не последовало, он ободряюще добавил: – Говори.

Оно-он медленно осмотрел комнату, анализируя и идентифицируя окружение. От внешних источников хлынул поток звуковой и визуальной информации. Поток, не превышающий возможностей. Обработка проходила без усилий. Добавился дополнительный неожиданный эффект: удовольствие того рода, которое приходит после хорошо выполненной работы. Знания хлынули водопадом.

Это была обширная зала. На полу, покрытом матовым стеклом и кварцем, подобно редким цветам в ухоженном саду, воздвигались предметы мебели – новые и старые. Дизайн их был тонок, а вкус создателя – безупречен. Стены украшали прекрасные картины, да и сами стены являлись произведениями искусства – из-за использованных для отделки материалов. Освещение менялось в зависимости от зоны, если того требовал дизайн комнаты.

Оно-он продолжал осматриваться, одновременно давая определения увиденному. Согласно требованию, идентификация выражалась вербально.

– Белая… комната… кресло. Тронное кресло. Тронное кресло работы Карло Бугатти. Основной материал – орех и черненое

дерево. Пьютер[1], медь, бронза. Частично реставрированное, – глазные яблоки двигались, передавая данные мозгу. – Фортепиано. Концертный рояль «Стейнвей». Подходит для любых произведений: от Перголези[2], к Пендерецкому[3] и Пан-Линю. Аллитерация сознательная.

– Паутина в углу, – продолжал оно-он. – Pholcus phalangioides, синантропный подвальный паук. В просторечии – паук-долгоножка. Безобиден. Так же безобидно: связь пианино-паук-музыка. Фред Астер, танцор, кинофильм тысяча девятьсот пятьдесят пятого года «Длинноногий папочка».

Глаза двигались и двигались, впитывая все вокруг. Определяя и оценивая.

– Картина. «Рождество», Пьеро делла Франческа. Итальянец, тысяча четыреста шестнадцатый – тысяча четыреста девяносто второй… – взгляд наткнулся на Вейланда, и голос прервался.

– Я – твой отец, – сказал Вейланд в наступившей тишине.

«Вейланд, сэр Питер. Родился первого октября 1990 года. Возведен в рыцарское достоинство в 2016».

При ответе оно-он осторожно взвешивал слова.

– Человек.

– Я – твой отец, – повторил Вейланд.

Прозвучал ли в его голосе намек на раздражение, или это было просто нетерпение? Оно-он не стал больше подвергать сомнению поступившую информацию. Это ничего бы не дало. За отсутствием вопросов он хранил молчание.

– Моргни, – приказал Вейланд.

Оно-он подчинился. Эта реакция уже не требовала предварительного анализа. Простая нервно-мышечная активность не отнимала много сил. Вейланд вздохнул, тщательно, аккуратно подбирая следующее слово:

– Иди.

Оно-он поднялся с места, где не-стоял, и пошел. За отсутствием инструкций оно продемонстрировало способность выбирать собственный путь, который позволил дополнительно изучить некоторые объекты. Оно проделывало это в молчании, не начиная беседы по собственной инициативе.

– Идеально, – сказал Вейланд.

Оно-он помедлил, переведя внимание с неодушевленного на живое.

– Это на самом деле так?

– То, что ты – идеален? – Вейланд казался слегка удивленным, получив вопрос, свидетельствовавший об определенном уровне развития мыслительных процессов. Удивленным, но довольным. Вопрос предполагал куда больше,

чем просто способность вести беседу. Этого следовало ожидать, но, вероятно, не настолько быстро.

– Нет, – поправил оно-он. – Что я – ваш сын. Определенные аспекты восприятия не готовы соответствовать или принимать подобное заключение.

Вейланд ответил сразу, словно был готов к подобному.

– Ты – мое творение.

Анализ.

– Это не обязательно одно и то же.

– Семантика, – настойчиво сказал Вейланд. – Я определяю тебя. Для твоих задач этого достаточно.

В этот раз возражений не последовало. Вместо них – новый вопрос:

– Как меня зовут?

На лице Вейланда отобразилась растерянность. В конце концов, он не был готов абсолютно ко всему. Секунда ушла на импровизацию – качество, иногда не менее важное для достижения успеха, чем подготовка.

– Сам мне скажи. Выбери имя. Твое первое действие в рамках самоопределения.

Оно-он осмотрел комнату. В обстановке было множество вдохновляющих вещей. Его мысли осваивали новые пути. Выбор не должен был оказаться слишком сложным или слишком быстрым. Имя должно быть значимым, но удобным для произношения и легко запоминающимся. Без эмоциональной навязчивости.

Оптические сенсоры остановились на статуе Давида работы Микеланджело, выточенной из каррарского мрамора. Оно-он различал небольшие бугорки и выбоины, оставленные зубилом. Возможно, это была копия, но созданная настоящим творцом. Не обязательно в этом крылось противоречие. Он подошел ближе.

– Давид.

Работа Микеланджело ди Лодовико Буонарроти Симони. Завершенная и установленная летом 1504 года.

– Мы – Дэвид[4].

Оно-он протянул руку и коснулся камня. Тот был холодным, сухим, неподатливым. Не человек, и вместе с тем так на него похож.

– Прекрасный и холодный.

– Идеален во всех отношениях, – согласился Вейланд.

– Дэвид, – пробормотал он и нашел, что его имя, произнесенное вслух в этой прекрасной, дорогой, стерильной комнате, звучит удовлетворительно.

Оно подойдет. Он снова повернулся к Вейланду. В результате

объединения нейронов появилось любопытство.

– Зачем вы меня создали?

Промышленник пришел в восторг.

– Вопрос, рожденный абстрактным мышлением, хорошо…

Эта фраза ответом не являлось. Не содержала она и ухода от него. Дэвид попробовал снова:

– Зачем вы создали меня, отец?

Следующий ответ оказался уклончивым. Он предполагал некие дополнительные вопросы. Поскольку эти вещи идеально соответствовали тому, что он сам испытывал, Дэвид понял.

– Сыграй, – Вейланд указал на рояль.

Подойдя к инструменту, Дэвид на секунду приостановился, оценивая скамью: ее высоту, надежность, функциональность. Легко сел. После паузы спросил:

– Что вы хотели бы услышать?

Вейланд секунду раздумывал.

– Вагнера.

Дэвид ответил тут же, не глядя на Вейланда:

– Попурри.

И во второй раз Вейланд решил дать ему возможность проявить самостоятельность.

– Твой выбор.

Ответ последовал без промедления:

– «Вступление богов в Вальхаллу»?

Снова удивленный взгляд.

– Без оркестра? Не будет жизни. Все равно, что «Готическая» Брайана без хора[5]. «Сент-Хеленс» Хованесса без тамтама[6]. Маркхоним без горы. Жидко.

– Думаете? – Дэвида его слова не убедили. – Посмотрим.

И он начал играть. Но это было не просто исполнение, пусть безупречное, знаменитого отрывка из «Золота Рейна». По мере продвижения Дэвид создавал собственную уникальную интерпретацию оперы. Музыка неслась ввысь – а Вейланд сиял при виде своего творения.

– Расскажи мне эту историю, – попросил он исполнителя.

– Это завершающая часть оперы «Золото Рейна», – невзирая на насыщенность музыки, Дэвид отвечал безэмоционально. Его голос звучал совершенно одинаково и на фортиссимо, и на пианиссимо. В нужные моменты инструмент под его пальцами содрогался, но голос не дрожал. – Боги отвернулись от людей, поскольку те были слабы, жестоки и полны жадности. Поэтому они навсегда покидают Землю и вступают в свой идеальный дом на небесах – крепость Вальхаллу. Но трагичен каждый их шаг, потому что боги прокляты. Они обречены на гибель в огненном

катаклизме, которому предначертано пожрать не только богов, но и саму Вальхаллу. Боги так же корыстны, как и люди, которых они отвергли, и их сила – лишь иллюзия.

Внезапно, посреди радужного моста, он прекратил играть.

– Они – ложные боги.

– Почему ты остановился? – заинтригованно спросил Вейланд. – У тебя замечательно получалось. Твое раскрытие темы было… идеальным.

– Могу я задать вопрос, отец? – впервые Дэвид ответил вопросом на вопрос.

– Прошу, – казалось, Вейланд этого ждал. – Спрашивай, что пожелаешь.

К Вейланду обратились голубые глаза, которые он сам спроектировал.

– Если вы создали меня, то кто создал вас?

– Ах, загадка тысячелетия, на которую, я надеюсь, мы с тобой однажды найдем ответ. Ты, Дэвид, нов, неиспорчен и прямолинеен – но ответ на твой вопрос не таков. Определенно не таков, учитывая, сколько же есть вариантов, которым привержены столь многие. Мы найдем наших создателей, Дэвид. Создателей – потому что там, где затронуто созидание, я не верю в уникальность.

– Кроме как в случае себя, – поправил Дэвид. – Вы – уникальны.

– Во всех смыслах этого слова – да, – согласился Вейланд. – Но я – исключение.

– Всем нравится считать себя исключениями, – поразмыслив, ответил Дэвид. – Нельзя определять себя самому.

Вейланд отмахнулся от возражения, высказанного его творением.

– Пусть тогда прочие определяют меня, как им будет угодно, а я останусь при своем мнении. Повторю еще раз: мы найдем наших создателей. Мы дадим им о себе знать, и мы войдем в Вальхаллу вместе с ними.

Пройдя по роскошно обставленной зале, он указывал то на бесценную скульптуру, то на уникальное литье или иное непревзойденное воплощение таланта художника. Все это время за ним следовали глаза единственного другого существа в комнате. Следили.

– Все это… эти чудеса искусства, дизайна и человеческого мастерства – представляют собой величайшие творения человека, – повернувшись, он посмотрел на своего отпрыска. – Они – и ты. Самое искусное творение из всех. Потому что ты, Дэвид, – искусство, – он обвел комнату рукой. – Дэвид, каковым

ты являешься – в той же степени искусство, как вон та уникальная статуя. И все же она, и все это – да, включая тебя – не имеет значения перед лицом единственного по-настоящему важного вопроса. Откуда мы взялись?

Дэвид, который стоял перед триптихом Бэкона, в обрамлении корчащихся монстров, снова ответил вопросом:

– Почему вы считаете, что мы откуда-то взялись? – впервые с самых первых его слов в голосе Дэвида появился намек на эмоции. – Те «многие», которых вы упомянули, не считают, что мы откуда-то пришли. Почему они ошибаются, а вы – нет?

Вейланд негромко хмыкнул.

– История науки – это прекрасный пример того, как меньшинство посрамляет большинство. В этом смысл науки. В этом смысл искусства. Тернер и Галилей, обладая сходным складом ума, изучали небо, пусть и подходили к процессу с разных сторон. Я вижу себя одним из них. Я отказываюсь верить, что человечество – это случайный побочный эффект простого биологического совпадения и ленивой эволюции. Я говорю это как ученый. Было еще что-то, кроме разряда молнии, вдохнувшего жизнь в углеродный бульон. Было. Обязано быть, сын, и мы это найдем, – он махнул рукой, обводя комнату во всем ее великолепии. – Иначе все это – ничто из этого – не имеет никакого смысла.

Прежде чем ответить – на этот раз не вопросом, – Дэвид секунду молчал.

– Раз так, позвольте мне подумать, – с каждой фразой он будто становился сильнее как личность, увереннее в своей способности вести разговор. – Вы создали меня. И все же вы – несовершенны. Это подразумевается, пусть даже вы не говорите этого напрямую. Я – совершенное существо – буду вам служить. И все же вы – человек. Вы ищете своего создателя. Я – смотрю на моего. Вы – умрете. Я – нет. Все это – противоречия. Как возможно их разрешить?

Он говорил без всякого выражения на лице и внимательно смотрел на промышленника.

Вейланд указал направо.

– Принеси мне эту чашку чая.

Исходящий паром сервиз стоял на столе менее чем в метре от Вейланда – тот легко мог повернуться и взять чашку самостоятельно. Дэвид не отвел взгляда, и его лицо осталось таким же непроницаемым. Вейланд повторил просьбу, на этот раз вложив в нее чуть больше повелительности:

– Дэвид, принеси мне эту чашку.

Для того чтобы исполнить задание, Дэвиду пришлось

пересечь весь зал. Несмотря на то, что несоответствие просьбы и реальности от него не ускользнуло, он подчинился. Плавно поднял чашку с блюдцем и передал Вейланду. Спустя миг, который тянулся в своей значительности дольше, чем во времени, Вейланд взял чашку и сделал глоток.

Ответ на вопрос был получен, а мысль донесена с минимумом слов. Дэвид был создан, чтобы служить. Эти отношения не потерпят больше никаких обсуждений. Не будет ни споров, ни дискуссий, ни поиска относительного равенства. Создание служило создателю. Это был факт, а факты не подлежали сомнению – при условии, что сначала их подтвердят. Согласно научному подходу, это возможно только при приложении наблюдений к опыту. Наберите достаточно доказательств – получится факт. Недостающим ингредиентом было время.

Стоя рядом с Вейландом в ожидании вопроса или команды, Дэвид хранил молчание. У него было множество вопросов.

И много времени.

2

Дэниелс спала. Дэниелс видела сны. Когнитивная пограничная зона, которую населяли ее мысли, лежала глубоко, но такие тонкости ее не интересовали. Значение имело то, что процесс приносил удовольствие.

По ее губам скользнуло что-то тонкое, чувственное. Касание было слабым, но достаточным, чтобы разбудить. Узнав ощущение, она улыбнулась еще до того, как открыла глаза. Приподнялись чуть опущенные обычно уголки губ.

Над Дэниелс нависло знакомое лицо. Ей были знакомы каждая пора, каждая складка и морщина. Последних было немного, но она не возражала бы, и окажись их больше. Они придут со временем. Дэниелс знала: более чем вероятно, что она и сама послужит причиной появления части новых морщин. Такова реальность. Настоящая жизнь.

Она ждала этого с нетерпением. Немного взаимных отпечатков на лицах.

«Часть меня – в твоем лице, часть тебя – в моем».

Жить вместе, расти вместе. Жена, муж и – со временем – дети.

Джейкоб, который выглядел освеженным и отдохнувшим, наклонился и поцеловал ее.

– Утро. Я передвинул трубу.

Информация – да, но едва ли новость. Снова улыбнувшись, Дэниелс со стоном попыталась зарыться в подушки, но Джейкоб с ухмылкой отпихнул их прочь. Дэниелс сморгнула, с любовью глядя на него большими карими глазами, выделявшимися на ребячливом и одновременно серьезном лице с аккуратно подстриженной челкой и едва заметно раздвоенным подбородком. Несмотря на то, что Дэниелс производила впечатление человека, который частенько витает в облаках, она очень четко представляла, что происходит вокруг.

– Давай же, соня. Ты просто обязана это увидеть.

Он поднял небольшой кубик и потер бесцветную грань. Из куба вырвалась и развернулась в пространстве трехмерная модель, казавшаяся совершенно материальной. Держа куб в одной руке, второй Джейкоб работал с изображением скромной

постройки: вращал ее, чтобы посмотреть под другим углом, приближал и увеличивал, чтобы рассмотреть интерьер, и снова отдалял. Одним движением он добавлял к изображению заметки, время от времени увеличивая их, чтобы легче было читать, или убирая в сторону.

Найдя, наконец, желаемый угол обзора, Джейкоб смахнул россыпь надписей прочь, чтобы получить ничем не закрытый вид на здание. Он едва сдерживал восторг.

– Смотри, смотри. Я переместил ее из юго-западного угла в северо-западный. Тут выглядит лучше, правда? И если нам когда-либо придется использовать ее для обогрева, то движение воздуха с северо-запада будет лучше.

Дэниелс покачала головой и, прижимая к себе подушку, подняла на него взгляд, наполненный смиренным изумлением.

– И ради этого ты меня разбудил? Скажи мне, что это не так.

– Еще я сделал кофе, – добавил Джейкоб в качестве искупления. – И там идет снег.

Дэниелс вздохнула, на секунду утопила лицо в подушке и выкатилась из кровати.

Джейкоб принес бы ей кофе, стоило попросить, но по какой-то причине его версия древнего напитка никогда не получалась идеальной. Проще было приготовить самой. Взгляд в окно подтвердил, что снег и в самом деле шел. Большие жирные снежные комки скапливались на острых углах высоких зданий, смягчая обычно неприветливый городской пейзаж. Мегаполис выглядел уставшим, безжизненным и – во всем кроме внешнего облика – вялым.

Не имеющие возможности спрятаться от непогоды редкие пешеходы с трудом пробирались по тротуарам. Они не разговаривали, не смотрели вверх, не общались со спутниками. Их почти осязаемое уныние соответствовало окружающим зданиям. Погода, жизнь, планы на будущее не приносили им радости.

Она вернулась к кровати с кофе в руках – двойная порция сливок, с двойным сахаром. Джейкоб, заняв ее место, лежал на спине и возился с проекцией модуля. Кусочки голограммы домика, отдельные детали менялись под жестами указательного пальца.

– Это же наш будущий дом, положение трубы важно, – он нахмурился. – Погоди, может, в конце концов, с другой стороны было лучше. Трудно сказать, не представляя реальное окружение. Движение воздуха важно, но и эстетика тоже. Строить предстоит только один раз, так что придется сделать все правильно с первой попытки.

Дэниелс не стала мешать. Она просто прихлебывала кофе и смотрела на Джейкоба. Он так любил этот бревенчатый домик… а она так любила его самого. Дэниелс могла бы заговорить, высказать собственное мнение – хотя бы для того, чтобы показать, что она слушает и уделяет внимание, – но она не хотела мешать. Не хотела вторгаться в его мечту.

Она повернулась и снова уставилась на зимнюю сказку за окном. Ей было интересно, будет ли снег в их новом доме. Исходя из того, что она знала на этот момент, все доступные им варианты располагались в тропиках.

Раздался холодный ровный голос. Дэниелс его не услышала. Говорил не Джейкоб, и голос звучал не в его сне. И не в ее. Он был настоящим.

– Семь часов, – сказала Мать голосом, который всегда использовала для подобных сообщений. – Все в порядке.

После объявления раздался короткий мелодичный звук. Это была запись корабельного колокола начала двадцатого века, перемещенная во времени прихотью создателей «Завета». Осколок прошлого, перенесенный в далекое будущее строителями настоящего. Небольшая причуда людей, которые добавили звук в программу корабля, но, оставшись на Земле, никогда не смогут услышать его в работе.

По другую сторону изогнутой прозрачной панели, которая не была ни стеклом, ни выглядывающим в мрачный городской пейзаж окном, кто-то стоял и смотрел на спящую, улыбающуюся Дэниелс. Его звали Уолтер, и оно… он был идеален. Настолько идеален, насколько возможно воплотить идеал в искусственной оболочке.

Дэниелс снова улыбнулась во сне какой-то оставшейся скрытой мысли, и это вызвало ответную улыбку синтета. Подойдя сбоку к капсуле спящей женщины, он быстро считал показания. Все в пределах нормы. Методично – повторения процедуры, которые притупили бы внимательность обычного человека, не оказывали на него совершенно никакого влияния – он перешел к соседней капсуле.

Джейкоб. Тоже в пределах нормы.

Завершив утренний обход помещения экипажа, находящегося в гиперсне, он повернулся и вышел в соседний отсек.

Вдоль стен, одна возле другой, отрицая и время, и сознание, выстроились две тысячи индивидуальных криокамер. За прозрачными окошками виднелись спящие лица мужчин, женщин и детей. Все довольны, все спят, все – в пределах допуска – окутаны уютной пеленой приятных снов. Сохранение их жизни, здоровья и в особенности будущего являлось его работой.

Уолтер относился к своим обязанностям серьезно.

В отдалении призывно вспыхнула янтарная сигнальная лампа. Ни один человек, даже с самым лучшим зрением не смог бы ее увидеть. Уолтер заметил сигнал незамедлительно. Подойдя к капсуле, с которой возникли проблемы, он проверил диагностические данные. Затем, потратив долю секунды на анализ ситуации, внес небольшие изменения в настройки. К удовольствию Уолтера лампа быстро поменяла цвет с янтарного на зеленый.

«Пора проверить камеру содержания эмбрионов».

Открыв один из ящиков, в каждом из которых находилось по человеческому эмбриону на разных стадиях развития, он считал данные. Все индикаторы горели зеленым, и все, как отметила Мать, были в порядке. Уолтер позволил себе улыбнуться.

– Уолтер, – снова раздался голос Матери. Он информировал, давал указания – но никогда не приказывал. Компьютер имел не больше прав отдавать приказания, чем синтет. – Пожалуйста, пройдите на мостик. Настало время перезарядки сети. Давайте этим займемся.

– Уже иду, Мать.

– Пожалуйста.

Как предусмотрительно было со стороны создателей Матери добавить протокол вежливости, который срабатывал даже при обращении к синтету. Уолтер не испытывал необходимости в речевом этикете, но все равно его ценил.

В сравнении с размерами всего «Завета» мостик выглядел чуть ли не камерным и уютным. Уолтер считал, что помещение идеально подходило для размещения и комфортной работы всей команды. Хотя создатели корабля легко могли бы сделать помещение больше, не в их привычках было тратить пространство впустую.

«Не тратить пространства в пространстве», – сказал себе Уолтер. Не в первый раз и наверняка не в последний. Он был вполне в состоянии оценить собственное чувство юмора, даже если в конкретный момент не с кем было его разделить.

Усевшись на свое место, Уолтер запустил предварительные проверки, которые требовались для развертывания сети. Сигнальные огни и индикаторы оживали точно в срок.

ПРИСТУПАЮ К АВТОМАТИЧЕСКОМУ ЦИКЛУ ПЕРЕЗАРЯДКИ В ГЛУБОКОМ КОСМОСЕ

Уолтер кивнул сам себе и сказал вслух:

– Выпускаю коллекторы.

Поскольку его голос был единственным, который можно было услышать на «Завете», Уолтер пользовался каждой представившейся возможностью поговорить. Не то чтобы его голос мог заржаветь от неиспользования – еще одна шутка, – но его создали приятным для слуха, и, когда ситуация позволяла высказывания, Уолтеру нравилось себя слушать.

Коллекторы походили на грандиозные паруса – и все же ими не являлись. Они разворачивались с огромной скоростью, за считаные минуты достигая размера небольших городов. Коллекторы сияли в межзвездной ночи, собирая энергию, о которой люди прошлого так долго не имели представления. И свидетелями их красоты были лишь звезды – и Уолтер.

Названия этих явлений были просты, но об их физике такого сказать было нельзя. У человечества ушли тысячи лет только на то, чтобы их обнаружить. И сотни – чтобы научиться использовать. Разреженность энергии вынуждала коллекторы искать ее и концентрировать – только так ее можно было использовать для двигателей «Завета» и для питания его внутренних систем. Уолтер сейчас наблюдал за концентрацией невидимой мощи корабля.

Некоторое время он оставался на мостике и следил за тем, как стабильно растет уровень энергии, пока не убедился, что процедура идет как положено. Только тогда он перешел к проверке одной из своих любимых частей корабля – той, что была зеленой. Той, что была Землей.

Секция гидропоники была заполнена растениями. Большую их часть отобрали за питательность, чтобы рассадить со временем, остальные – для экспериментов или просто как память о доме, такую важную для колонистов. Декоративные растения росли рядом с огурцами и киноа. Уолтер шел среди зелени, проверяя снабжение питательными веществами и водой, оценивая освещенность, чтобы убедиться, что длина волны выбрана правильно для обеспечения быстрого роста. Насвистывая, он мягко касался ветвей, листьев, цветов, коры на стволах.

– Вы знаете, это – заблуждение, – Мать всегда была рядом, всегда наблюдала.

Уолтер не поднял взгляда.

– Что?

– Что музыка способствует росту и здоровью растений.

– Ты думаешь, я насвистывал для них?

– Очень смешно. Хотя я не уверена, что стоит называть звуки, которые вы издавали, «музыкой». Полагаю, вы…

Она внезапно замолчала.

Уолтер немедленно насторожился. Мать никогда ничего не

делала внезапно. Тишина длилась, и он заговорил сам:

– Мать?

– Уолтер. У нас… возможно, проблема.

Мать была запрограммирована на множество вещей. Знание. Технические навыки. Allgegenvartig[7] понимание. И способность к преуменьшению. Уолтер ждал.

– Обнаружен атипичный энергетический всплеск, – продолжила Мать, – состоящий из тяжелых твердых частиц. Анализирую состав.

– Где?

– Сектор Сто шесть. Очень близко. Источник скрыт, что и стало причиной необычной – нет, крайней – близости на момент обнаружения. Засечь раньше не представлялось возможным из-за уникального сочетания пространственных и гравитационных искажений в том районе. Прошу прощения. Первичный анализ оказался не в состоянии дать оценку ни интенсивности, ни дистанции. Переоценка предполагает вероятность, что волна может оказаться плотной. В настоящий момент невозможно определить степень угрозы.

– Вероятность столкновения? – Уолтер стоял не шевелясь и внимательно слушал.

– Очень высокая. Расстояние крайне мало. Высчитываю погрешность.

Не ожидая дополнительных подробностей, Уолтер покинул отсек гидропоники и бросился на мостик. На бегу он выдавал команды.

– Мать, втяни коллекторы и направь всю резервную и запасную энергию на корабельные щиты. Запусти процедуру экстренного пробуждения экипажа.

– Выполняю. Перерасчет показывает достижение экстремальной близости. Столкновение через девять, восемь, семь…

Волна частиц была невидимой, но последствия ее столкновения с кораблем были очевидны. Удар оказался достаточно сильным, чтобы сбить невероятно устойчивого в обычных обстоятельствах Уолтера с ног. Волна прокатилась вдоль щитов и погрузила огромный корабль в хаос.

Коллекторы сворачивались, но те части, которые не успели убрать, начали рваться. При всей их огромной стоимости растянутые паруса не могли свернуться достаточно быстро, чтобы избежать последствий столкновения. Коллекторы были созданы из невероятно тонкого материала, и их не проектировали для того, чтобы противостоять буре из заряженных частиц такой плотности – пусть даже каждая отдельная частица была

неизмеримо мала.

Все, что Уолтер мог сделать – это вцепиться в то, что попалось под руки, и держаться. Он никак не мог помочь кораблю. Оставалось только надеяться, что Мать справится с натиском.

Что до самого Уолтера, то он понимал, что такое беспомощность. Он мог ее ощущать. И это ощущение ему не нравилось.

3

Все пропало в мгновение ока, как нежный цветок, унесенный порывом штормового ветра. Комната в безымянном городе, бревенчатый дом, кровать, кофе, муж – все исчезло вмиг, словно никогда и не существовало.

Дэниелс обнаружила, что уже не спит, полностью осознает окружение, и что ее мотает внутри капсулы гиперсна. В момент, когда пришло понимание происходящего, очередной толчок бросил ее вверх и впечатал в гладкую изогнутую крышку. Упав обратно, она почувствовала, что из носа течет кровь, и подумала, что, возможно, получила сотрясение мозга. В отсутствие связных мыслей в ошеломленном сознании верх взяли навыки, полученные в ходе тренировок.

Пальцы правой руки, все еще наполовину онемевшие после гиперсна, пулеметной очередью простучали по внутренней клавиатуре капсулы. Сонные видения тепла, вкуса кофе и ощущения любви сменились холодной белой стерильностью отсека. В резком свете сквозь крышку виднелись жесткие панели. Чувствуя дурноту от проведенных в гиперсне месяцев и резкого пробуждения, Дэниелс попыталась понять, что происходит вокруг. Попыталась вернуться в реальность.

Некоторые другие капсулы были уже открыты. Несколько стояли пустыми, но в большинстве все еще находились люди. Подобно самой Дэниелс, ее коллеги пытались обрести душевное и физическое равновесие. В отличие от нее, некоторые страдали от более сильных побочных эффектов поспешного возвращения к жизни. Кого-то рвало, кто-то потел и трясся, и все это сопровождалось потоком ругательств.

В идеальной ситуации экстренное пробуждение из гиперсна не должно было приводить к подобным последствиям.

«С другой стороны, – сказала она себе, – экстренного пробуждения не должно происходить вообще. И точка».

Вокруг вспыхивали лампы, а с нескольких панелей, встроенных в стены, сыпались искры в дьявольской электронной пляске. В отсеке что-то дымилось. Дым на космическом корабле однозначно считался дурным знаком. В настоящий момент поглотители едва справлялись. По ушам Дэниелс били сигналы

тревоги.

Предполагалось, что она выйдет из гиперсна совсем иначе. Ее должен был ждать кофе. Должна была ждать еда. Еще больше ухудшая ситуацию, в сознании продолжал крутиться обломок прекрасного, блаженного сна, пока…

Кто-то бил ее по щекам. Это совершенно точно не входило в сон. То, что пощечины были частью реальности, ее не смущало. Они помогали прочистить голову там, где не справлялось буйство визуальных и звуковых тревожных сигналов.

– Дэниелс… Дэниелс, мы… ты меня вообще слышишь? Это я, Орам! Кристофер Орам! – его голос звучал настойчиво и серьезно, словно говоривший уже полностью проснулся.

Несмотря на то что Орам все еще носил мягкий белый комбинезон для гиперсна, он явно находился в лучшей форме, чем Дэниелс: лишь слегка вспотел и совершенно не выглядел больным. Вопреки его субтильной внешности, и голос, и хватка Кристофера оказались сильными. И Ораму явно некогда было нянчиться ни с Дэниелс, ни с кем-либо еще.

– Просыпайся! Дэниелс! Просыпайся! У меня нет на это времени. Ты мне нужна – мне все нужны – прямо сейчас! Мы получили серьезные повреждения, и… – он оглянулся на еще одного только что проснувшегося члена команды, который ковылял в их сторону. – Теннесси, иди сюда, помогай. Я должен проверить остальных!

Орам оставил все еще не совсем пришедшую в себя Дэниелс на попечение Теннесси и поспешил к очередной камере, которая еще только открывалась.

– Давай, милая, – Теннесси, старый друг и сослуживец, помог ей выбраться из капсулы и поддержал. – У Джейкоба проблемы.

Теннесси был крупным мощным мужчиной, с головой, покрытой густыми черными кудрями, и бородой, которую, судя по ее виду, скорее подрубали топором, а не подстригали. Из-за этого он производил впечатление человека, которого никто не хотел бы повстречать в темном переулке за баром – хотя на самом деле был квалифицированным пилотом корабля-колонии. Когда он нервничал или заводился, то мог и выражаться не хуже того типа из подворотни. В комбинезоне для сна Теннесси походил на гигантского плюшевого мишку, хотя и необычайно встревоженного. Наклонившись ближе, он настойчиво сказал:

– Джейкобу нужна наша помощь.

Это стало последней каплей, которая помогла Дэниелс очнуться окончательно. Она резко обернулась к соседней капсуле, принадлежавшей Джейкобу. В отличие от почти всех остальных в отсеке, капсула оставалось закрытой. Муж Дэниелс недвижно

лежал внутри, все еще скованный дремотными объятиями гиперсна. Он улыбался – это было нормально. Под прозрачной крышкой начали появляться кружащиеся облачка тумана, закрывая обзор. Подобное совершенно определенно нормальным не было. Что хуже, Дэниелс знала, что это означает, и что произойдет, если…

– ОТКРЫВАЙТЕ!

Когда повторная попытка включить внешнее управление капсулы не принесла результата, Теннесси взялся за ручной контроль. Он тянул за рычаги, крутил их, налегал всем весом, но безуспешно. Они даже не шелохнулись. Увидев, что происходит, вернулся Орам и начал пробовать все, что только приходило на ум, чтобы добиться реакции от систем управления капсулы.

Не сработало ничего. Единственным результатом стало увеличение количества пара внутри и его уплотнение. В основании капсулы гиперсна, там, где она крепилась к палубе, внезапно вырвался сноп искр, и раздалось потрескивание.

Лицо Джейкоба дернулось: началась процедура выхода из сна. Программы капсулы пытались выполнить все отчаянные команды Орама с внешних пультов. Не в силах двинуться, муж Дэниелс, пойманный между механической неисправностью и нехваткой времени, ничем не мог себе помочь.

– В сторону! С дороги!

К ним присоединился сержант Лопе. Седеющая борода придавала ему вид доброго дедушки. Дедушки, который в состоянии был разобрать на части трех противников разом. Будучи опытным главой воинского подразделения, приданного в помощь корабельной команде, поджарый профессиональный солдат не мог сравниться с теми, кто пытались спасти Джейкоба, в технических знаниях. Вместо этого Лопе добавил к их усилиям более примитивные, но не менее полезные навыки.

Он схватил механический зажим, который команда по старинке называла «челюсти жизни»[8], всадил один его конец в нерабочий замок капсулы и быстро установил под нужным углом.

– Закрепи со своей стороны! – заорал Лопе, обращаясь к Теннесси.

Вдвоем они наконец смогли закрепить спасательный инструмент на капсуле. Все зажимы и вакуумные замки должны были держаться крепко – частичный успех ничего не дал бы. Под напором инструмента капсула откроется полностью или не откроется вовсе. Стиснув зубы, мужчины навалились на механизм изо всех сил. Не имело значения, сломают они капсулу – на борту для такого случая хранились запасные. Дэниелс, которой отчаяние добавляло сил, присоединилась к ним. Ничего не

произошло.

Внутри капсулы раздался взрыв. В сравнении с какофонией звуков, заполнявшей отсек гиперсна, он прозвучал негромко, но этого хватило, чтобы мужчины инстинктивно отскочили. По другую сторону прозрачной панели пара внезапно стало больше, и… впервые показался огонь. Испустив жалобный вой, Дэниелс бросилась на капсулу, отчаянно вцепившись в оказавшийся бесполезным спасательный механизм.

Глаза ее мужа внезапно открылись – он, наконец, начал просыпаться. Сквозь пар и все усиливающиеся языки пламени на его лице проступило узнавание. Их взгляды встретились. Это длилось не дольше секунды – взгляд и его улыбка. Последний взгляд и последняя улыбка.

Дэниелс продолжала кричать, а внутренности капсулы взорвались огнем так, словно кто-то бросил факел в груду горючих материалов. Внутренняя отделка камеры создавалась пожароустойчивой, но когда она, наконец, занялась, то горела жарко и быстро. Воспламенилось все: кровать, трубки жизнеобеспечения, инструменты… Джейкоб.

Системы пожаротушения были разбросаны по всему отсеку, но не внутри индивидуальных камер. Те были спроектированы так, чтобы легко и быстро открываться: через активацию или, если нужно, с использованием безотказных приборов. В худшем случае их можно было вскрыть специальным спасательным инструментом вроде того, которым воспользовались Лопе и Теннесси. И который не смог исполнить свою работу.

Потребовалась вся немалая сила Теннесси, чтобы оторвать Дэниелс от капсулы и отвести в сторону от запертой внутри преисподней. Плотно закрытая капсула, отказавшись открываться, хранила огонь внутри.

Пытаясь хоть как-то облегчить чужую боль, Теннесси обнял плачущую навзрыд Дэниелс и не выпускал ее из рук. Ораму и Лопе, чьи усилия ни к чему не привели, оставалось только смотреть. Ни знаний Орама, ни силы сержанта не хватило, чтобы открыть капсулу.

«Еще бы немного времени…» – думал Орам.

Время. Его не хватило, чтобы спасти жизнь человека. Теперь Ораму предстояло действовать быстро, чтобы выжили остальные. Тысячи людей. Орам заметил пару проснувшихся рядовых неподалеку от Лопе: обросшего бородой толстогубого, плотно сложенного Коула и более стройного моложавого Ледварда. Им он приказал позаботиться об останках Джейкоба. Затем они вместе с сержантом целеустремленно направились в корабельные ясли.

***

Вид отсека повергал в шок. Вынести эту сцену помогало только осознание того, что могло быть и хуже.

Секция капсул гиперсна оторвалась от креплений и обрушилась на пол. Несмотря на прочную конструкцию, некоторые из них треснули, обрекая своих обитателей на незавершенное пробуждение, которое стало смертельным. У других полностью отскочили люки, и жители капсул вывалились наружу. Эти тоже были мертвы. Проснувшиеся члены экипажа пытались справиться с источниками пробоев в сетях и отключить питание у капсул, которые были уже бесполезны, но их провода продолжали искрить.

Еще двое пробудившихся рядовых бродили по разрушенной секции в поисках наименее поврежденных капсул и тех людей, что могли пережить катастрофу. Орам узнал вечно серьезную Розенталь, чья привлекательность соперничала с холодным профессионализмом. Вторым был такой же юный, но светловолосый Анкор. Лопе покинул Орама и перешел к подчиненным, чтобы проконтролировать их работу.

Отведя взгляд от результатов аварии, Орам увидел Карин, которая занималась проверкой ячеек с эмбрионами. Ее светло-русые волосы почти светились на фоне темной кожи. То, что Карин заметила появление мужа, нашло выражение лишь в коротком взгляде на него, после чего она осталась стоять там, где стояла, и продолжила работу. Убедиться в жизнеспособности эмбрионов для нее было гораздо важнее всего остального. Ее заботы и интересы лежали в биосфере корабля, не в его механике.

У нее была своя работа, у Орама – своя.

Он знал, что в эту минуту она ему не завидовала.

***

После, оставив отсек гиперсна заботам Лопе и его команды, Орам и Карин приостановились перед дверью на залитый светом мостик.

Настал миг, которого Орам отчаянно не желал. Неважно, что его к этому готовили, что он обладал необходимыми навыками. Орам бы многое отдал, чтобы спать в своей капсуле, ожидая конечного – и куда менее вредного для здоровья – пробуждения в пункте назначения.

«Тем не менее слишком часто не мы что-то выбираем, а что-то выбирает за нас. Джейкоб был…»

Карин положила руку ему на плечо.

– Теперь они – твоя команда. Им нужен лидер. Выбора нет. Ты это знал, когда мы подписывались на полет, – она мягко, ободряюще улыбнулась. – Крис, ты справишься. Ты всегда справлялся.

С этими словами она оставила его одного и прошла на мостик. Еще один член экипажа, который присоединился к остальным. Но, разумеется, она не была «просто еще одним членом экипажа». Не для него.

Конечно, Карин была права. Как обычно. Даже если у Орама были собственные желания, он подписал контракт. Потратив секунду на то, чтобы подготовиться, он последовал за Карин.

Расположенная в центре помещения навигационная консоль была в какой-то мере анахронизмом, как и остальные панели управления, выстроившиеся вдоль дальней стены мостика. На межзвездном корабле-колонии информация без промедления становилась доступна любому, кто не спал и осознавал происходящее. Все, что требовалось – это говорить достаточно громко, чтобы услышала Мать. Таким образом, мостик казался пережитком времен, когда контакт между людьми мог происходить только при встрече, лицом к лицу.

И все же тем, кто изучал, проектировал и строил подобные корабли, было виднее. Чем длиннее был путь, тем важнее становилось межличностное общение. Переговоры через наручные коммуникаторы или вездесущие корабельные системы проходили быстро и эффективно, но ничто из этого не давало разрядки на уровне человеческой психики. В бесстрастной пустоте межзвездного пространства близость улыбки, запах, капли пота на чужом лице помогали сохранять человечность. Ментальное здоровье экипажа было не менее важно, чем техническое состояние корабля.

Поэтому здесь стояли и консоли, и привинченные к полу кресла, так что по ходу работы все неизбежно смотрели на других людей, слушали их и случайно касались – чтобы надежно удостовериться, что твой сосед из плоти и крови, а не голограмма из корабельной базы данных. Или дурной гиперсон.

Орам занял свое место. На мостике собралась бóльшая часть людей, занимавших ключевые посты. Разумеется, парами – за исключением Уолтера. Только пары служили в экипаже корабля-колонии. Пары обеспечивали точность исследований и внимание к деталям. Не говоря уже о здравом рассудке.

Официально Орам еще не вступил в должность капитана, но он уже отказался от прежней позиции главы отдела биологических наук, передав ее жене. Трагическая ситуация и

стечение обстоятельств навязали ему капитанский пост, и Ораму было не по себе. Если бы не присутствие Карин, которая поддерживала его и направляла, он вполне мог бы отказаться от ответственности, контракт там или не контракт… Но Карин сидела рядом, тихая и уверенная, сметливая и изобретательная в случаях, когда он сомневался. Порой его неловкость воспринималась другими членами экипажа как заносчивость. С этим Орам поделать ничего не мог, таким уж он был. Орам мог бы подвести остальных, но с Карин он бы так не поступил.

Теннесси не столько сидел в своем кресле, сколько лениво в нем развалился. Так он вел себя везде. Орам завидовал способности крупного добродушного пилота расслабиться. Кто-то мог бы счесть такое поведение признаком безразличия, но для Орама это было знаком, что пилот находится в мире с собой и Вселенной. Полезное качество, и сейчас более, чем когда-либо. Независимо от обстоятельств, Орам мог положиться на то, что пилот выполнит приказ правильно и без вопросов.

Если бы не дружба и эмоциональная стойкость Теннесси, бедняга Дэниелс сейчас, скорее всего, находилась бы в лазарете.

Фарис была такой же беззаботной, как и ее супруг. Деревенская девушка, которая предпочитала не уточнять название деревни, была даже лучшим пилотом, чем ее муж, о чем пара частенько беззлобно спорила. Их пылкие и временами непристойные поддразнивания оживляли каждый период бодрствования экипажа. До отлета с Земли колючий обмен любезностями между пилотами вызывал озабоченность администрации, но потом там осознали, что пикировки между мужем и женой никогда не были враждебными, супруги просто упражнялись в остроумии.

Апворт и Рикс являлись самой молодой – причем молодой с запасом – парой за столом. Их юность тем не менее не вредила навыкам, которые охватывали навигацию и связь.

Апворт в особенности легко злилась на любые намеки о том, что она недостаточно квалифицирована для своей должности. Возможно, потому, что из-за больших глаз, пухлых губ и малого роста она выглядела даже моложе своих лет. Теннесси как-то раз назвал ее «бомбой, замаскированной под пупса», после чего Апворт пришлось искать значение слова «пупс» в корабельной библиотеке.

Если у нее и был недостаток, так это склонность искать нестандартные решения тех проблем, для которых уже существовали инструкции. Что до более серьезного Рикса, то он был тихим, компетентным и куда более склонным делать все по учебнику. Он исполнял функцию графитового стержня для

слишком быстрого порой реактора Апворт.

Когда речь заходила о непредвиденных ситуациях, сам Орам предпочитал следовать установленной процедуре, и только потом, если это не сработает, пытаться импровизировать. Так же относилась к этому и его жена. Так что в этом смысле Рикс был Ораму ближе. И все же, вопреки привычке Апворт сходить с курса, он испытывал только уважение к любой недавно поженившейся паре, которая решила отказаться от жизни на Земле в пользу колонизации.

Лопе предпочитал стоять, а не сидеть. Будучи старым солдатом, он занимал пост главы службы безопасности «Завета», а в перспективе и колонии. Своего спутника жизни и коллегу, менее впечатляющего внешне, но более молодого и такого же хорошего профессионала сержанта Халлета он обогнал всего на одну полоску.

Халлет прибыл последним, слегка запыхавшись и с извиняющимся выражением на лице.

– Простите за опоздание, сэр, – сказал он, встав рядом с начальником.

На пальце в свете потолочных ламп блеснуло кольцо, полностью идентичное тому, что носил сержант.

Орам отмахнулся от извинения – в такое время не было смысла следовать протоколу. Прокашлявшись несколько раз, чтобы прочистить горло, он поочередно посмотрел на каждого из собравшихся и заговорил. Голос его звучал мрачно.

– Скажу прямо: мы пережили страшную катастрофу. Потеряли как членов экипажа, так и колонистов. Я – ваш новый капитан, – напряжение в голосе выросло. – Я этого не просил, я этого не хотел, но так случилось. Я приложу все силы, чтобы соответствовать высочайшей планке, которую задал Джейкоб.

Ощущая, что на него устремлены выжидающие взгляды, он попытался подыскать еще несколько слов. Орам с тоской осознавал, что прогонять био-сканирование на спящих биологических образцах было бесконечно проще, чем говорить с живыми образцами. В поисках чего-то яркого, вдохновляющего, он натыкался только на банальности.

Придется обойтись ими.

– Нам будет его чрезвычайно не хватать, – продолжил Орам. – У нас много работы. Заранее благодарю вас за поддержку.

«Вот так».

Он исполнил свой долг в том, что касалось эмоциональных потребностей на текущий момент. По лицам окружающих он видел, что если его слова и не вдохновляли слушателей, то их хотя бы сочли достаточными. С чувством глубокого облегчения

Орам перешел к конкретным вопросам.

– Учитывая, что удар обрушился буквально из ниоткуда, мы в лучшем состоянии, чем можно было бы представить. Структурная целостность держится на уровне девяноста трех процентов, хотя некоторые вспомогательные системы все еще не работают. Мы потеряли сорок семь колонистов, шестнадцать эмбрионов второго поколения, и, как вы все знаете, одного члена экипажа. Еще шестьдесят две капсулы повреждены, но их еще можно использовать повторно.

– Использовать повторно? – Апворт редко обходилась без сарказма, если разговор длился достаточно долго.

– Починить, если вам так больше нравится, – Орам сжал губы. – Суть в том, что больше потерь нет.

Он знал, что в этом и была проблема с капсулами гиперсна. Они или работали, или нет. Не было промежуточных состояний ни для технологии, ни для спящего человека. Хотя ему доводилось слышать, что в некоторых редчайших случаях могло оказаться иначе – и тогда последствия были кошмарными. Чинить поврежденную капсулу с человеком внутри было все равно, что карабкаться на крутую гору.

На «Завете» никаких «иначе» не будет. По крайней мере, пока он капитан.

– Так что это было? Что случилось? – Теннесси быстро сменил тему. – Дайте угадаю. Мать забежала в кибернетический гальюн, и мы на что-то налетели, пока она избавлялась от лишних байтов?

На лицах Розенталь и Коула мелькнули улыбки, но никто не рассмеялся.

Довольный возвращением разговора к техническим проблемам, Орам предоставил объяснение Уолтеру.

– Корабль подвергся удару волны заряженных частиц, засечь которую сенсорами дальнего радиуса действия оказалось невозможно из-за плотного облака излучающих частиц в непосредственной близости к нам. Вот почему волна была обнаружена только тогда, когда она нас уже почти полностью охватила. Образно выражаясь. Волна ударила, прежде чем корабль успел втянуть коллекторы, и мы получили полный заряд. Если бы мы…

– Почему ты не следил за датчиками? – сердито прервал его Орам. – Ведь вы с Матерью здесь именно для этого?

– Это верно, – признал Уолтер. – И еще для многого другого. У меня нет оправданий, только объяснение. Все системы слежения были включены и полностью работоспособны. Я, как обычно, занимался обслуживанием. Однако не существует

прецедента или процедуры для обнаружения или противостояния заряженным частицам, присутствие которых маскируется другими схожими полями. Предполагалось, что в глубоком космосе вероятность подобного сочетания окажется слишком незначительной, чтобы представлять угрозу, – Уолтер сделал небольшую паузу. – Очевидно, предположения были ошибочными. Или же, если мы отвлечемся от технического языка, нам не повезло.

– Уолтер прав, – поддержала синтета отзывчивая Фарис. – Нам не повезло. Даже лучшим пилотам порой не везет, – она улыбнулась Уолтеру. – Или лучшим синтетам.

Подобное Орам принимать отказывался.

– Нет-нет. Я не верю в удачу, добрую или злую. Глубокий космос – последнее место, где стоит полагаться на удачу. Я предпочел бы, чтобы мы были способными и предусмотрительными, а не удачливыми.

Его жена пожала плечами и сложила руки на груди.

– Я уверена, что создатели «Завета» приняли это во внимание, когда составляли и настраивали программы корабля.

– Поиск виновного – если это можно так назвать – ни к чему хорошему не приведет, – всегда можно было положиться на Теннесси, если требовалось вернуть разговор в нужную колею.

Поняв, что дальнейшие обвинения бессмысленны, Орам решил принять объяснение, хотя бы и неудовлетворительное, и двинуться дальше. Эту проблему он сможет обсудить с Уолтером позже, когда будут приняты остальные важные решения и предприняты нужные действия. Обсудить – и подготовить доклад по происшествию для отправки на Землю. А пока что он заговорил о другом:

– Нам осталось… сколько, восемь циклов перезарядки, прежде чем доберемся до Оригаэ-Шесть? Так давайте этим займемся. Порванные участки коллекторов нужно починить или заменить, это же относится ко всем остальным повреждениям. Все основные модули должны работать, прежде чем мы совершим новый прыжок.

Последовала неуютная тишина. Орам чувствовал, что остальные снова ждут, что он скажет что-то еще. Что-то совсем другое. Но что? Карин пыталась подсказать выражением лица, но даже ради спасения жизни он не смог бы понять, на что она намекает.

Это было в некотором роде странно, но то, о чем думали все, кроме Орама, высказал Уолтер.

– Следует ли назначить время погребальной церемонии, сэр? Для погибших?

И это все? Нет, частично Орам понимал и даже разделял эти чувства, но руководила его действиями прагматичная, деловая сторона сознания.

– Сначала следует заняться необходимым ремонтом, – ответил капитан и добавил: – Я с не меньшим уважением отношусь к ушедшим, но больше забочусь о живых.

Несмотря на то что служба безопасности формально находилась под командованием капитана, она пользовалась некоторой степенью независимости, которой не было у прочих сотрудников. И как представитель этой службы Лопе никогда не стеснялся высказывать свое мнение.

– Мы только что потеряли сорок семь колонистов и нашего капитана, – сказал он мрачным голосом. – Это еще предстоит осознать.

Раздраженный возражением сержанта, Орам повернулся к жене. В этот раз она не тратила время на бессловесные намеки.

– Он прав, Кристофер.

Орама это не убедило.

– А если мы не займемся ремонтом как можно скорее, то можем потерять вообще всех колонистов, – он оглядел комнату. – Перспектива, дамы и господа. Большее благо – большему количеству, и нечего тут кругами ходить.

На шутку никто не отреагировал, и Ораму стало еще больше не по себе.

– Нам нужно что-то организовать хотя бы для капитана Бренсона.

То, что протест, пусть и в такой мягкой форме, пришел от обычно готового поддержать Теннесси, только заставило Орама занять еще более жесткую позицию. Или он установит свою власть здесь и сейчас, или его решения будут постоянно оспариваться на протяжении всего оставшегося пути. Возможно, время для подобного поступка было не идеальным, и предмет спора не слишком годился, чтобы настаивать на своем, но не Орам выбирал обстоятельства, а они – его.

– Нет. Это не прения. Решение принято. Я не вижу причин для продолжения дискуссии.

Его жена опустила взгляд, испытывая неловкость за мужа. В то же время она отчетливо понимала, что худшее, что она могла сейчас сделать для его авторитета – это поддержать команду. Поэтому она молчала.

Дэниелс выбрала именно этот, едва ли не самый неловкий, момент, чтобы присоединиться к команде. Никто ничего не сказал, и так было лучше всего. Сначала – дело, утешения и скорбь – потом.

Дэниелс выглядела разбитой, напряженной. Заняв место рядом с креслом, чья пустота бросалась в глаза, она переводила взгляд с одного человека на другого. Но когда заговорила, голос был твердым.

– Модуль с оборудованием для терраформирования в порядке, хотя… хм… досталось соединительным распоркам. Не могу сказать точнее без осмотра за пределами корабля.

– Я могу сделать это удаленно, – заверил ее Уолтер. – Если бы произошло что-то серьезное, Мать бы уже сообщила.

Дэниелс кивнула.

– Мне еще нужно проверить крепления тяжелых механизмов и техники. Мелочь меня не беспокоит: если что-то сорвалось, мы просто вернем все на место. На мониторах в ангаре не видно повреждений, но я хочу убедиться лично. Тряхнуло нас весьма крепко.

– Если хотите, я тоже могу помочь, – сказал Уолтер. – Мать сообщит, если я понадоблюсь где-нибудь еще.

Дэниелс бросила на синтета короткий взгляд:

– Спасибо.

– Через какое время мы сможем выполнить следующий прыжок? – спросил Уолтера Орам.

– Точнее я смогу сказать через несколько часов, поскольку Мать все еще собирает итоговые отчеты о повреждениях. Нам придется остаться тут, пока не завершится зарядка. Разумеется, починка коллекторов ускорит отбытие. Предполагая, что наиболее серьезные проблемы решатся достаточно быстро, я бы сказал, что мы сможем продолжить путь уже через несколько дней.

– Нам следует предпринять попытку покинуть этот сектор, – продолжал он, – как только будет завершен необходимый ремонт. На случай, если произойдут новые вспышки, которые окажутся такими же незаметными, как и та, что по нам только что ударила. Менее важные работы можно будет провести по дороге.

– Согласен, – Орам обвел собравшихся взглядом. – Мелочи мы сможем починить, когда выйдем из прыжка для перезарядки в следующий раз. За работу.

План действий был готов. Для Орама это было облегчением – все равно что проглотить таблетку от запора.

– Все свободны.

Орам краем глаза увидел, как Теннесси саркастически повторяет одними губами: «Все свободны?», но решил не заострять на этом внимания. Члены экипажа начали расходиться по своим постам. Когда Дэниелс поднялась, чтобы последовать за остальными, Орам тихо ее окликнул:

– Дэнни? На пару слов, пока ты не ушла.

Она опустилась обратно на свое место, пока мостик покидали последние сослуживцы. Орам наклонился через стол к Дэниелс и заговорил очень серьезно, понизив голос. В своей неуклюжей манере он старался ее утешить.

– Я понимаю, что слова тут бесполезны, но мне очень, очень жаль. Он был прирожденным лидером и замечательным человеком. Ты знаешь, мы не всегда сходились во мнениях, но даже когда мы не соглашались по какому-то техническому вопросу, я всегда уважал его мнение. Когда его позиция отличалась от моей, Джейкоб всегда элегантно ее формулировал. В конце концов ему всегда удавалось склонить людей к собственному видению, и Джейкоб справлялся с этим без давления. И не прибегая к рангу в качестве аргумента. Для меня было честью с ним работать.

Дэниелс попыталась выдавить улыбку.

– Спасибо, Крис. И Джейкоб тоже был бы благодарен.

– Тебе следует взять несколько дней отгула, – голос Орама изменился. Теперь он говорил твердо.

– Я бы предпочла чем-нибудь заниматься, – улыбка Дэниелс, и без того слабая, тут же исчезла.

– Это не просьба, – Орам старался говорить ровным голосом, чтобы тон не противоречил прежнему, сочувственному.

Дэниелс уставилась на него в ответ. Орам знал, что в обычной ситуации она бы не стала молчать, проявила больше дерзости, но сейчас у Дэниелс не было на это сил. Выражение ее лица побудило Орама объясниться.

– Теперь я отвечаю за миссию, – напомнил он, – а также за жизни и здоровье каждого человека на борту, будь это команда или спящие колонисты. Я не предполагал, что окажусь в этой роли, и мне нужна помощь каждого из вас. Это значит, что мне нужно, чтобы каждый находился в наилучшей форме, включая тебя, – Орам попробовал улыбнуться. – Обычно отдых больше всего нужен именно тогда, когда его не хотят. Возьми несколько дней. Чтобы выплакаться, хорошо?

Дэниелс уставилась на него, открыв рот.

– «Выплакаться»? У меня есть идея, Крис… капитан. Может быть, она окажется полезной. Как насчет того, что я буду скорбеть о потере мужа по-своему? Не думаю, что это нарушит какие-либо формальные инструкции из общего руководства… сэр.

Поднявшись из кресла, она резко повернулась и быстро вышла с мостика следом за своими товарищами по службе.

Глядя ей вслед, Орам осознал, что справился с этим делом хуже, чем мог бы.

«Новичок я в таких делах…»

Это он признавал. И не то чтобы подобное признание помогло. Совсем недавно он был членом экипажа, а теперь, со смертью Джейкоба Бренсона, между ним и товарищами разверзлась неизбежная пропасть. С этим было ничего не поделать. Так работала иерархия.

Помощь Карин требовалась ему больше, чем когда-либо.

Орам достал из кармана два металлических шарика для снятия стресса и стал отстраненно крутить их в ладони, слушая щелчки, когда шарики сталкивались. Он не мог позволить происшествиям, вроде стычки с Дэниелс, отвлекать себя от исполнения новых обязанностей. С этого момента все зависело от концентрации, концентрации и еще раз концентрации. Это означало, что нужно сохранять спокойствие и скрупулезно изучать каждую ситуацию, будь то человеческое взаимодействие или инженерный доклад. Несмотря на новую должность и обязанности, Орам очень хотел сохранить дружбу с остальными членами экипажа.

Только время покажет, получится у него это или нет.

***

Выбравшись из технического шлюза, Теннесси и Анкор двинулись прочь от массивного корпуса «Завета». В черноте межзвездного пространства, одетые в ярко-желтые, увешанные инструментами скафандры, в огромных шлемах, предназначенных для работы в опасных условиях, мужчины походили на исполинских одноглазых стрекоз. Внешние антенны могли бы закрепить сходство, но в качестве меры безопасности все приборы, включая множество средств вывода информации, были встроены в скафандр и шлем. Округлая форма скафандров позволяла столкнуться с кораблем или иным плотным объектом без риска вывихнуть или сломать что-нибудь важное.

Теннесси проложил курс, который должен был привести его к вершине растянутого коллектора, а Анкор направился к основанию мачты. У каждого была своя, заранее оговоренная задача. Если не случится ничего непредвиденного, не было нужды работать вдвоем. Они знали свое дело. Разделиться стоило, чтобы необходимая работа была выполнена вдвое быстрее.

Вокруг раскинулся простор космоса: бесконечная мешанина звезд и туманностей, сияющая и невыразимо прекрасная. Картина внушала тем большее восхищение, что для них видимое пространство действительно не имело границ. Потрясающее

великолепие Вселенной простиралось почти беспредельно в любом направлении, и этот вид не портило присутствие близкой планеты или луны.

Прекрасная равнодушная холодная пустота, от которой их отделяли лишь скафандры. Космонавты одновременно испытывали восторг и страх. Но сосредоточенность на работе всегда помогала не отвлекаться, хотя Теннесси и не удержался от того, чтобы озвучить впечатления:

– Черт подери! Вам бы всем на это поглядеть.

Из динамиков его скафандра раздался чистый и знакомый голос Апворт.

– Ничего мы не увидим, пока вы не почините сеть внешних камер. И все равно это будет не то. Смотреть на проекцию и быть снаружи – слишком уж разные вещи.

– Проекция-шмоекция, почему бы тебе не выглянуть в чертово окно, милочка?

После этого Теннесси переключился на межскафандровую связь.

– Анкор, давай включим питание, чтобы эти бедолаги в своей консервной банке могли полюбоваться зрелищем. Я бросаю попытки его описать, – он замолчал на секунду, чтобы проверить данные, сиявшие перед глазами. – Дай знать, когда доберешься до места.

– Я уже и так на месте, – отозвался его товарищ, как всегда не терявший времени даром. – Вероятно, потому что не сачкую, любуясь видами. За работу.

Ухмыляясь, Теннесси при помощи энергетического резака отсек поврежденный участок на одной из панелей коллектора и потянул. Несмотря на то что лоскут прозрачного материала был намного больше крошечной фигуры человека в скафандре, он обладал меньшей массой. Одного рывка Теннесси хватило, чтобы порванный лоскут, который он только что отрезал, поплыл прочь от панели и от «Завета».

Выпустив немного нитеобразного кабеля, Теннесси запустил двигатель скафандра и, быстро ускоряясь, направился к дальнему концу мачты. На то, чтобы пересечь свободную от коллектора бездну, потребовалось немало времени. Добравшись до конца поврежденной зоны, он закрепил кабель и просигналил Анкору, который сразу же начал туго стягивать починенный коллектор.

«Хорошее начало, – сказал себе Теннесси. – Теперь повертеться, провернуть космос вокруг головы, постараться не заработать головокружение, повторить».

Двигаясь как одно целое, мужчины методично переместились к следующему участку коллектора, который нуждался в починке.

4

Помещения и коридоры колонизационного корабля были просторными, чтобы не создавать дополнительного давления на человеческую психику, хотя для колонистов это не имело значения. Они спали в капсулах, не обращая ни на что внимания, зная, что не проснутся, пока корабль не достигнет цели. Временным гробам лишнее пространство было ни к чему. Все, что от них требовалось – это чтобы внутри мог удобно улечься человек, а также хватило места для механизмов и приборов, которые обеспечивали поддержание жизни в биологической стране грез, называемой гиперсном. Соответственно, колонистов можно было размещать – и их размещали – так плотно, как только позволяли технологии.

Для проснувшейся команды все было иначе.

Чем бы экипаж ни занимался – обслуживанием, проверками, перезарядкой или прочими работами на борту, – важно было сделать так, чтобы все могли свободно перемещаться. К тому же было необходимо личное пространство для отдыха. Иначе, невзирая на красоту космоса, сам факт пребывания в десятках, а то и сотнях световых лет от ближайшей планеты с пригодной для дыхания атмосферой, журчащими ручьями и прохладными дождями, мог незаметно свести с ума даже самого тренированного и подготовленного профессионала.

Так что каюту Дэниелс, как и все прочие, построили настолько большой, насколько это было физически и экономически возможно. В ней было все, чего могла пожелать душа разумного существа – в разумных пределах. Свет в изголовье кровати можно было настраивать для чтения или под настроение – любого цвета, любого уровня яркости. Кровать располагалась у дальней стены под шестиугольным иллюминатором, за которым раскинулось бесконечное пространство космоса.

Впечатляющий вид, настраиваемый свет, невероятно удобная кровать. И ничто из этого не имело смысла, потому что, подобно всем каютам экипажа, эту создавали для мужа и жены. Относительная роскошь не улучшала настроения, а только напоминала Дэниелс о том, что она осталась лишь половинкой

пары. Ее жизнь, как и ее брак, неожиданно и самым жестоким образом обрезали.

«Выплакаться», – сказал ей Орам. С точки зрения Дэниелс, подобный совет был эмоционально равен предложению сходить в туалет. И она настолько омертвела, что даже не дала ему пощечину. Хотя Дэниелс признавала, что все равно бы этого не сделала.

Для подобного она была слишком хорошо обучена. И, возможно, для плача тоже, даже если бы ей вдруг захотелось последовать такому совету. В работе по обслуживанию космического корабля эмоции скорее оборачивались помехой.

Дэниелс понимала, что не следует винить Орама за неловкие попытки утешить.

«Стоит ценить уже то, что он старался».

Нежеланная роль капитана досталась человеку, который не был занудой, но и не дотягивал до прирожденного лидера. Как и все прочие члены экипажа, Орам обладал великолепными знаниями в рамках своей специальности. Теперь же его вынудили действовать за пределами мира биологических наук, иметь дело с организмами более деятельными и своевольными, чем его возлюбленные образцы.

На губах Дэниелс мелькнула тень улыбки. Орам в роли капитана будет не так уж плох. Рядом всегда будет Карин, готовая дать тихий совет и предложить поправки. Не обращая внимания на россыпь звезд, Дэниелс уселась на большую двуспальную кровать. Та была настоящей, приятно тяжелой, что возможно было оценить только в рамках чуда искусственной гравитации. Никому на борту «Завета» не придется спать, плавая в сетке. И все-таки кровать уже не радовала. Дэниелс не могла заставить себя передвинуться с края к центру. За спиной маячил уютный простор, который уже невозможно было заполнить. Она обвела каюту безразличным взглядом. Рабочие ботинки Джейкоба стояли в открытом гардеробе рядом с ее собственными. Левый ботинок всегда был слева, правый – справа. Выше висела аккуратно расправленная одежда. Его – всегда слева, ее – справа. Рядом лежали любимая коллекция антикварных виниловых пластинок Джейкоба и любовно восстановленный проигрыватель. На запчасти для последнего на протяжении многих лет было разобрано несколько похожих приборов.

Также с ее места на краю кровати видно было снаряжение для скалолазания. Они приобрели его в надежде, что смогут вернуться к старому увлечению в новом мире. Ни один из них не был бы счастлив в мире без гор.

– Температура, геология не играют роли, – не раз говорил ей

Джейкоб. – Где бы ни осела колония, там обязательно окажутся скалы, на которые можно залезть.

– А если это окажется водный мир? – шутливо возражала она. – Или такой старый, что все горы выветрились, и теперь планета плоская, как Великие равнины?

– В первом случае я построю стены из соли или мела. Во втором – навалю гору грязи и силицирую.

Джейкоб всегда был оптимистом. Никогда не унывал. Замечательные качества для капитана. Замечательные качества для мужа. Взгляд Дэниелс упал на распечатку внешнего облика его любимого проекта.

Бревенчатая хижина из прошлых веков.

Мечта ее мужа.

«Бывшего мужа, – поправила она себя мысленно. – Покойного мужа. Кремированного му…»

Дверь издала мелодичную нахальную трель.

Кто бы это мог быть в такой поздний час? Это была одна из обычных шуток Джейкоба. В межзвездном пространстве всегда царила ночь, но никогда не было совсем темно. Дэниелс поднялась и открыла дверь. На пороге стоял Уолтер, держа в руках небольшую коробку.

– Добрый вечер. Я не помешаю?

Приятный, вежливый, тактичный. Почему не он стал новым капитаном? Но подобное было невозможно. Независимо от качества программ, синтеты создавались, чтобы служить. Подчиняться, а не приказывать. Командовать – никогда. Дэниелс поколебалась, не прогнать ли его, но решила, что любое общество будет лучше одиночества в компании собственных мыслей.

– Нет. Заходи. Я рада тебя видеть.

Войдя, Уолтер подождал, пока дверь скользнет на место, и протянул Дэниелс коробку.

– Я кое-что принес.

Внутри обнаружились три идеально свернутых горючих химических направляющих цилиндра. Или, согласно на удивление стойкой терминологии из другой эпохи, три косяка. Дэниелс невольно улыбнулась.

– Климатические условия в Гидропонике превосходно подходят для роста конопли, – объяснил Уолтер преувеличенно серьезным тоном.

– Я могла бы достать те же каннабиноиды в виде таблетки.

– Верно, но мне кажется, что такой метод потребления обладает определенного рода эстетикой, которая может усилить общее действие и, следовательно, увеличить эффективность. Кроме того, он предполагает концентрацию сознания и движение

пальцев для совершения действия. Что тоже является преимуществом по сравнению с приемом таблетки.

– Ты подумал обо всем.

– Я просто так запрограммирован.

«И на скромность тоже», – подумала Дэниелс и сказала:

– Неправда.

– Если позволишь…

Пауза длилась ровно столько, сколько было нужно. Дэниелс знала, что это тоже являлось результатом хорошего программирования, но ей было все равно.

– Я знаю, что постоянная занятость может помочь справиться с эмоциональной травмой. Принесет ли пользу возвращение к работе?

– Орам вычеркнул меня из расписания, – Дэниелс скривилась. – Приказ капитана. Реви, не работай.

– Я не предлагал ставить его в известность. Корабль велик. Очень много работы в отсеках, которые редко проверяют.

Она все еще сомневалась.

– Меня засекут датчики.

– Будет зависеть от места. Охранные системы покрывают большую часть отсеков, но не весь корабль. Кроме того, за это отвечает служба безопасности. Не думаю, что сержанта Лопе волнует, где ты проводишь время вынужденного простоя. Что же до нашего нового капитана, то у него огромное количество других обязанностей. Я помню, ты говорила, что хочешь проверить состояние тяжелого оборудования в ангаре терраформирования? Учитывая понесенный нами в целом урон, я согласен, что эта область нуждается в более тщательной проверке непосредственно на месте. Как я уже говорил, могу составить компанию, если захочешь.

Ответный взгляд Дэниелс был полон признательности.

***

Ангар терраформирования был огромен. Зажимы и ремни удерживали на месте гигантские машины самого разного вида. Им предстояло возвести колонию не просто в чистом поле, но и создать ее из самой почвы, на которой она будет стоять. По крайней мере, Дэниелс надеялась, что так и будет.

Идя с Уолтером по ангару, она с удовольствием отмечала, что все, кажется, в порядке, несмотря на резкое нарушение устойчивости корабля при входе в поток. Ни один плотно затянутый замок не открылся преждевременно, ни одна цепь или

ремень не ослабли и не лопнули. Все стояло так же, как и сразу после загрузки на борт «Завета». Она отметила, что порой старая технология работала лучше всего. Электронные крепежи были сильнее и легче в обслуживании – если только не случалось перебоя в энергопитании. Но в веревке, на ее взгляд, было что-то простое, примитивное, функциональное и человечное. Дэниелс улыбнулась своим мыслям. За отсутствием виноградных лоз сгодятся и механические замки, углеволокно и металлические цепи.

Они прошли вдоль одного ряда землеройных и камнедробильных машин, под угрожающе нависавшими колесами и гусеницами, потом повернули обратно вдоль второго. Как глава отдела терраформирования, Дэниелс знала названия, назначение и стоимость каждого механизма. Она помнила руководства по эксплуатации без необходимости консультироваться с корабельным компьютером, могла при необходимости определить конкретный узел или элемент на пульте управления в любой из кабин. Превосходная память стала одной из причин, по которой ее выбрали на эту должность. А еще она прекрасно осознавала пределы своих возможностей.

«В любом случае мы все лишь дублируем компьютеры».

Проверяя надежность креплений каждой машины, Дэниелс знала, что все это можно проделать удаленно. Но это не дало бы такого чувства профессионального удовлетворения. И она понимала не хуже Уолтера, что работа руками и одновременная концентрация сознания помогали ей не думать о…

– Это даже не было моей идеей, – сказала она синтету, который без видимых усилий держался рядом. – Поначалу затея казалась мне глупой. Пустая потеря времени, которого к тому же у нас, вероятно, не будет, потому что как члены экипажа мы обязаны заботиться о том, чтобы сначала обустроились колонисты. Но у Джейкоба была мечта построить нам дом в новом мире. Такой же, как строили кое-где на Земле пионеры прошлого. Только с современными климатизатором, техникой и прочими удобствами нашего времени.

«Бревенчатые дома находили на всех континентах, где были деревья», – говорил он мне. Одна из первых построек, которые возводили не из камня или земли. И по изображениям, которые он мне показывал, выходило, что выглядели дома похоже, независимо от того, какой народ их строил. Настоящий кусочек человеческой истории.

Нагнувшись, она проверила замок на колесе размером с небольшой автомобиль. Он помогал удерживать на месте огромный экскаватор с лезвиями. Замок держался крепко.

– Вот чем он хотел заняться, – продолжила Дэниелс. – Как для собственного удовольствия, так и из уважения к ранним «колонистам». Домик у озера. Настоящая романтика. Для него даже не имело значения, будет озеро природным или искусственным, но в выбранной для первичного терраформирования зоне на Оригаэ-Шесть нашлось одно настоящее, и притом огромное.

Обойдя экскаватор спереди, она проверила зажим, который охватывал нижнюю часть массивного колеса с другой стороны.

– Порядок.

– Порядок, – отозвался Уолтер, после собственного быстрого осмотра.

Они перешли к следующей гигантской машине в этом ряду.

– Я не вполне понимаю. С нами летит множество сборных помещений и для команды, и для колонистов. Есть проекты будущих изменений и дополнительных, более постоянных конструкций, а также планы по их возведению, как только найдется необходимое сырье, – синтет выглядел искренне сбитым с толку. – И все равно Джейкоб хотел построить дом из бревен?

– Да. Настоящую хижину, сделанную из настоящего дерева. Построенную в полном соответствии с историческими прототипами. Так что в грузовых трюмах вместе со всеми сборными конструкциями, о которых ты только что упомянул, в нашем персональном контейнере лежат всякие пилы, топоры и металлические гвозди.

Уолтер принял задумчивый вид.

– Металлические «гвозди». Поистине отсылка к прошлому. Что, если на Оригаэ-Шесть нет деревьев в нашем понимании?

Дэниелс испустила тихий смешок.

– Джейкоб говорил, что тогда он использует пластиковое литье для изготовления бревен, а потом окрасит их и придаст нужную структуру, чтобы выглядели как настоящие. Я всегда считала, что он знает, что делать, и как к этому подступиться. Что до меня, то у меня нет ни малейшего представления о том, как строить дом из бревен.

Голос Дэниелс стих. Подняв глаза от машины для литья труб, которую как раз проверял, Уолтер направил фонарик на собеседницу. Взгляд Дэниелс, в который прокралась тоска, блуждал по громадным безмолвным механизмам, предназначенным для строительства колонии. Легким взмахом руки она обвела машину для литья и все прочие, стоявшие на приколе перед ней и Уолтером.

– Все это – лучшее, что могла дать нам Земля, чтобы построить новую жизнь. Для остальных членов команды оно

имеет смысл. Для колонистов, разумеется, тоже. Но я… сейчас я задумалась – для чего стараться?

– У тебя нет выбора.

Дэниелс нахмурилась и посмотрела на синтета.

– Ты хочешь сказать, потому что я подписала контракт, по которому обязана принимать участие, вносить свой вклад как член экипажа?

– Нет. Потому что ты обещала построить хижину у озера.

Дэниелс внезапно почувствовала комок в горле.

– Это обещал Джейкоб. Он обещал построить дом.

– Весь экипаж «Завета» набирался из пар, – Уолтер смотрел прямо на нее с открытым лицом, и в его голосе звучало сочувствие. И он тут же поправился: – Весь человеческий экипаж. Он действует в парах. Командами. Если половина команды не может более исполнять свои обязанности, тогда вторая половина…

– Обязана взять их на себя в дополнение к собственным, – закончила за него Дэниелс. – Я не уверена, что постройка домика у озера на Оригаэ-Шесть попадает в эту категорию, но я приму это во внимание. Кто знает? Может, когда мы туда доберемся, когда я снова смогу дышать свежим воздухом и есть что-то кроме восстановленной пищи, то займусь изучением искусства постройки хижин. Возможно – только возможно! – я так и сделаю.

– Сделаешь.

Дэниелс похлопала Уолтера по руке. На ощупь его кожа казалась совершенно обычной, человеческой – как и предполагалось.

– Ты хороший друг, Уолтер. И если скажешь, что «просто так запрограммирован», я тебя стукну.

Уолтер промолчал. Уже по одному этому можно было судить о том, с каким мастерством были написаны его программы.

***

Мостик был пуст, за исключением Матери – но ее нельзя было увидеть. Мать была мостиком. На «Завете» она присутствовала везде и нигде, не имела физического воплощения, но всегда была готова ответить на приказ или запрос.

В заполненное приборами помещение вошел Орам. На вопросы, которые его изводили, корабельный компьютер ответить не мог. Разумеется, если бы компьютер спросили, он бы попытался. Иногда Орам испытывал искушение озвучить свои тревоги просто ради того, чтобы узнать, какой именно ответ

придет от электроники, но никогда так не поступал. Во-первых, потому, что ответы могли оказаться верными, а во-вторых – потому что они могли вступить в противоречие с его собственными.

На его плечах висело легкое одеяло, в равной мере ненужное и здесь, и в кают-е. Хотя температура и влажность индивидуальных кают настраивались в широких пределах, большая часть команды обходилась тем, что Мать считала подходящим для их возраста, физиологии и указанных личных предпочтений.

Сон на космическом корабле был личным делом – одним из немногих, – и Мать редко вторгалась в эту сферу с предложениями. Одеяла – да и любое иное постельное белье – считались излишеством, но они не занимали много места и считались полезными для психического здоровья экипажа. Так что если кому-то лучше спалось под простынями, ватным или обычным одеялом или искусственной овчиной, Компания с готовностью предоставляла такую возможность, если находились доказательства тому, что это улучшает работоспособность и помогает сохранить здравый рассудок.

Под мышкой Орам нес старомодную печатную Библию, которая дарила ему столько же утешения, сколько и присутствие Матери с ее возможностями. В ладони второй руки ритмично постукивали металлические шарики. Орам мог бы запросить успокоительные лекарства, но он предпочитал шарики. Они, в отличие от наркотиков, были привычны и ненавязчивы. Оставался вопрос, формировали ли они такую же зависимость.

Укрытый накидкой, он, подобно пилигриму, с отсутствующим видом бродил по мостику, временами поглядывая то на одну консоль, то на другую, то на показания датчиков. В отсутствие членов экипажа на мостике царил покой, и все было готово к работе. Орам знал, что так оно и будет. Иначе Мать бы его предупредила.

И все равно он приостановился, увидев сообщение на одной из панелей. Системы показывали, что в главном отсеке по сбросу мусора что-то происходит. Заинтересовавшись, Орам включил соответствующий видеосигнал. Над консолью возникла яркая цветная проекция. Орам смотрел молча, чувствуя, как внутри него растет неодобрение – не из-за происходящего, а из-за того, что за этим скрывалось.

***

Дэниелс стояла в мусорном отсеке рядом с Уолтером. Внимание обоих было приковано к экрану, который показывал похожий на капсулу гроб, размещенный во внешнем шлюзе. Капсула-гроб готова была отправиться в безвоздушное пространство.

В отсеке царила полная тишина, пока, наконец, не заговорил Уолтер.

– Хочешь, я что-нибудь скажу? Я знаю множество похоронных обрядов разных видов. Кроме того, я способен на импровизации, основанные на моем личном знании покойного.

– Спасибо, не нужно, – пробормотала Дэниелс.

На короткое время снова наступила тишина.

– Если ты не испытываешь необходимости или желания проводить похоронный обряд, могу я спросить, зачем ты хотела, чтобы я пошел с тобой?

Дэниелс посмотрела на синтета.

– Как ты заметил в отсеке терраформирования, экипаж состоит из пар. В этом весь смысл… – она прервалась. – Я подумала, ты понимаешь, что такое одиночество. Я не думала, что ты об этом заговоришь, не совсем… я… я не знаю, чего я хотела. Но точно знаю, что не хотела проходить через это одна.

Обработав полученный ответ, Уолтер ощутил, что по-своему тронут. С точки зрения программы ситуация была… сложной.

Открылась дверь, и вошли Теннесси и Фарис.

Нельзя было сказать определенно, что Уолтер испытал облегчение, но их приход его порадовал. Сомневаясь, что одного его присутствия будет достаточно, чтобы приглушить чувство одиночества Дэниелс, Уолтер понимал, что у двух ее друзей шансов на это больше. Еще он был уверен, что бутылка виски и четыре стакана, которые принес Теннесси, могут дополнительно улучшить ее настроение.

Теннесси ухитрился заключить Дэниелс в свои медвежьи объятия, не уронив при этом ни бутылки, ни стаканов.

– Привет, милая, – мягко сказал он. – Ты как, держишься?

Отпустив Дэниелс, Теннесси бросил взгляд на жену. Дэниелс улыбнулась.

– Насколько возможно в такой ситуации, полагаю. Спасибо, что пришли. Вам обоим спасибо.

Теннесси поднял бутылку и смерил ее одобрительным взглядом.

– Его любимый. Хороший вкус.

Продемонстрировав замечательную для такого крупного человека ловкость, Теннесси наполнил стаканы для всех.

– Простой. «Ни льда, ни воды, ни спешки, ни еще какого

дерьма». Джейкоб всегда так говорил, – он посмотрел на последнего из собравшихся, который еще оставался без виски. – Уолтер?

– В чужой монастырь… – синтет протянул руку за стаканом. Хотя спиртное не оказывало на него никакого действия с точки зрения физиологии, важно было поддержать дух товарищества.

– Аминь, брат, – Фарис коротко отсалютовала ему своим стаканом. – Вот что я считаю годным программированием.

После официальных глотков, сделанных как для того, чтобы воздать должное содержимому бутылки, так и для оживления атмосферы, Теннесси предложил более формальный тост.

– За всех хороших людей, ушедших слишком рано. Мы будем их помнить.

Ответ прозвучал слитно:

– Будем помнить.

За тостом последовало еще больше виски. Дэниелс быстро осушила стакан и повернулась к Уолтеру. Тот вложил все, что мог, во взгляд, понимая, что слова оказались бы ненужными и неподходящими. Или, что хуже, ошибочными.

Наконец Фарис мягко спросила:

– Хочешь, чтобы я это сделала?

– Нет. Спасибо, – Дэниелс сделала шаг вперед. – Это должна сделать я.

Посмотрев на гроб в последний раз, она протянула руку и нажала кнопку. Звуковые датчики передали одинокое шипение: из шлюза вырвался воздух, увлекая за собой и гроб. Внешняя камера показала, как капсула выстрелила прочь от «Завета». Очень маленькую, крошечную на фоне огромного черного космического полотна капсулу почти сразу после выброса поглотила тьма. Стоя рядом с друзьями, Дэниелс смотрела, как гроб исчезает в пустоте вместе со светлым будущим, которое она прежде рисовала в воображении.

***

Со своего места на мостике Орам видел все, от первых мрачных секунд до последующего эмоционального подъема, обусловленного алкоголем. Он был недоволен. Его не пытались привлечь к процедуре похорон, какой бы короткой она ни оказалась. Его даже не поставили в известность. Технически никакие правила этим не нарушались, но подобное считалось дурным тоном. Капитана должны были бы поставить в известность заранее и спросить его разрешения – или хотя бы

согласия.

Вместо этого четверка проделала все без него. Строго говоря, они ничего не скрывали. Скорее избегали внимания, как можно было заключить по тому, что и как именно произошло.

Капитаном Орам стал недавно и по случайному стечению обстоятельств. Если команда не уважала его в достаточной мере, чтобы известить о похоронах, это говорило о том, что его ждут трудности в управлении кораблем. Орам попытался отыскать возможные способы улучшить ситуацию, но на ум ничего не шло.

Шарики в руке защелкали быстрее. В тишине мостика стук звучал неестественно громко, но не настолько, чтобы заглушить раздавшийся позади голос. Несмотря на то, что голос был знаком, Орама он все равно удивил.

– Иди в кровать, Кристофер, – нежно, но настойчиво сказала Карин. На ней был комбинезон из легкой ткани, который не годился для работы, но прекрасно подходил для случайных прогулок.

– Давно ты там стоишь?

Женщина зевнула и улыбнулась.

– Достаточно.

Не глядя на нее, Орам кивнул на проекцию:

– Тогда ты знаешь, что там происходит? Видела, как они не подчинились моим приказам?

– Ты имеешь в виду, как Дэниелс похоронила мужа? Ц-ц-ц, как ей не стыдно.

Заметив, что муж все еще на нее не смотрит, Карин прошла вперед и встала так, что он больше не мог избегать ее взгляда – или ему пришлось бы уже открыто ее игнорировать.

– Когда мы доберемся до Оригаэ-Шесть, – напомнила она, – эти люди не останутся твоим экипажем. После того как «Завет» спишут, чтобы все могли принять участие в развитии колонии, и мы, и они станем колонистами, подобно всем, кто сейчас погружены в гиперсон. Они перестанут быть твоими подчиненными. И станут твоими соседями. Помни об этом. Потому что они – точно запомнят. Поэтому – ступай мягко. Когда колония оживет, ты будешь нуждаться в них больше, чем они в тебе, – она искательно заглянула ему в лицо. – Так что докапываться теперь до них за подсмотренное мелкое нарушение – не самый лучший вариант. Хорошо?

Орам еле заметно пожал плечами и так же тихо сказал:

– Ладно.

Разумеется, она была совершенно права. Карин всегда оказывалась права. Орам этого терпеть не мог, но он любил жену.

Карин нежно коснулась его лица, а потом протянула руку

ладонью вверх. Ораму не было нужды спрашивать, зачем. Это повторялось много раз. Покорно вздохнув, он передал ей шарики. Карин сжала их в ладони, наклонилась и поцеловала Орама в щеку, после чего повернулась к выходу.

– Идешь? Кристофер, тебе нужно поспать, тогда ты станешь более отзывчивым капитаном. И после сна у тебя всегда улучшается характер.

– Мне нужно еще кое-что сделать. Ты иди, Карин. Я скоро.

Дождавшись, пока он выключит изображение из шлюза, Карин удовлетворенно, с одобрением кивнула и вышла. Орам тянул, пока жена не покинула мостик. Потом он собрался, встал на колени, закрыл глаза, сложил ладони вместе и начал молиться: посреди высокотехнологичного оборудования, окруженный радугой ярких сообщений, временами – под тихие голосовые сообщения. Случайный зритель сказал бы, что некому было оценить этот поступок.

Орам считал иначе.

***

Дэниелс знала, что пьяна. На это ей было плевать, но состояние не приносило радости. В переизбытке алкоголя она надеялась обрести не нирвану, а лишь отсутствие боли. Но, несмотря на активные усилия, ничего не выходило.

Соображала она плохо, но все еще могла испытывать эмоции.

«Проклятье, – подумала Дэниелс сквозь вызванную выпивкой пелену. – Почему я еще в сознании? В этой Вселенной не осталось справедливости?»

Из старинного проигрывателя лился трогательный голос Нэта Кинга Коула, который исполнял «Незабываемую». Любимая песня Джейкоба, которую они привыкли слушать в моменты тихой близости. Сейчас было тихо, но без близости.

Для нее требовались двое.

Двое – чтобы танцевать танго, двое – чтобы путешествовать, двое, чтобы – чтобы…

Вопреки ее желаниям, окружение становилось четче. Дэниелс убрала из шкафа одежду Джейкоба вместе со всем прочим, что принадлежало только ему: носки, простенькое ожерелье из ракушек, которое она для него сделала, рубашки, трусы, ботинки.

«Старьевщик у двери, дай дух перевести…»[9].

Дэниелс без раздумий прикончила остатки виски из принесенной Теннесси бутылки. Получив еще одну дозу жидкой силы воли, она начала увязывать рассортированные вещи в

аккуратные пачки. И только полностью закончив с одеждой, нашла силы перейти к более личным предметам.

На полу соседствовали старые статичные фотографии и более современные образчики запечатленной реальности. Дэниелс разложила их полукругом перед собой и встала на колени, изучая мозаику своей прошлой жизни.

Порой она касалась отпечатанной карточки или проводила кончиком пальца по проекции, добавляя к виду тактильное ощущение. Ни на одну картинку она не смотрела дважды. Жадно поглощала каждую – в последний раз – и переходила к следующей.

Дойдя до особенно любимой пластинки с проекцией, Дэниелс замешкалась, решая, не пропустить ли ее. Но та просто требовала, чтобы ее включили. Так что Дэниелс ткнула ее большим пальцем и откинулась назад, чтобы просмотреть содержимое. Содержимое, которое было ей знакомо слишком хорошо.

Джейкоб стоял на фоне иззубренных склонов гор Гранд-Титон, которые врезались в чистое синее небо, как его любимые антикварные пилы – в дерево. Он смотрел на нее и улыбался. Он всегда улыбался.

– Эй, когда же ты сюда доберешься? Я скучаю! – полуобернувшись, он указал на ломаную гряду за спиной. – Посмотри на эти горы. Знаю, знаю, я обещал, что не буду лазать по ним без тебя, но – ты только посмотри на них! Я и отсюда чувствую гранит под пальцами. Тащи свою задницу сюда, или я не гарантирую…

Дэниелс протянула руку, и изображение застыло. Голос остался, но его заглушали рыдания. Впрочем, она знала слова наизусть.

***

Когда слезы иссякли, Дэниелс, глаза которой болели и горели, заставила себя все собрать. Картины, одежду, снаряжение для скалолазания – все. Все было готово к отправке на склад вместе с ее мечтами.

Осталась только небольшая коробочка с памятными вещами, которую она держала на комоде. В ней лежали мелочи, безделки, кусочки уже прожитой жизни. То, что имело значение только для нее одной.

Открыв коробку, она с любовью перебирала содержимое вещь за вещью: перстень, пачка старых совместных фото, пуговица, добытая Дэниелс с нелепого костюма середины двадцать первого

века, в котором Джейкоб ходил на костюмированный бал. Несколько старых металлических гвоздей, которые он аккуратно добыл из обрушившейся шахтерской лачуги в вайомингской глуши.

Взяв гвоздь, она нашла кусочек шнурка – даже шнуркам нашлось место на борту космического корабля – и завязала один кончик как раз под шляпкой. У Джейкоба было старое ракушечное ожерелье, а у нее теперь будет гвоздь. Дэниелс повесила самодельное украшение на шею. Полоска старого железа холодила кожу.

Крепко обхватив гвоздь пальцами, Дэниелс закрыла глаза.

5

Невзирая на релятивизм, кажется, что время на космическом корабле и за его пределами течет одинаково. Так было и на «Завете», где продолжались тщательно просчитанные работы по починке тончайших энергетических коллекторов. На мостике теперь кипела работа: все члены экипажа занимали отведенные места. Рикс, Апворт, Уолтер и Фарис, несмотря на сосредоточенность и погруженность в работу, ухитрялись общаться, не поднимая голов.

Часть их сил и внимания уходила на отслеживание происходящего за бортом – сейчас это в основном относилось к Теннесси. В отличие от некоторых других людей, в его случае не было нужды проверять индивидуальные показания, чтобы убедиться в физическом и душевном здоровье. Теннесси обычно насвистывал, и это означало, что он чувствует себя хорошо.

Орам вошел на мостик, как раз когда Теннесси заканчивал починку одной из последних систем передачи энергии. Словно по сигналу, лампы, показания приборов, проекции и голограммы, которые работали на запасных источниках питания, внезапно стали ярче.

Облегчение, которое испытали присутствующие, отразилось и на лицах, и в воодушевленных словах. Апворт, ухмыляясь, заговорила в ближайший коммуникатор:

– Отличная работа, Ти. Мы на полной тяге, и, на первый взгляд, все снова работает, – она оглядела мостик. – Не припомню такого оживления с момента отлета из Солнечной системы, а ты все пропускаешь. Давай, возвращайся внутрь.

– Понял, – ответил Теннесси. – Не улетайте теперь без меня.

Фарис, сидящая за консолью, бросила взгляд на Апворт и отозвалась без запинки:

– Пожалуйста, давайте оставим его здесь. Теннесси все равно постоянно на своей орбите, так что ему снаружи наверняка будет просто отлично.

– Не могу, – Апворт, чья усмешка стала еще шире, покачала головой. – Оставить его, даже по очень уважительным причинам, противоречит правилам. Мне зарплату урежут.

– Какая тебе разница? Ты никогда не вернешься на Землю,

так что забрать не получится.

– Она идет на мою любимую благотворительность, – Апворт проверила, как продвигаются дела у Теннесси, и с удовольствием отметила, что показания, отражающие состояние и скафандра, и его обитателя в полном порядке. – Ну, ладно, тогда они могут срезать мое пособие на жилье на Оригаэ-Шесть. Кроме того, он нужен на борту. Помогает развеять скуку.

– Ну, это кому как, – с улыбкой возразила Фарис.

Их шутливый спор прервало появление Дэниелс, которая явно была не в лучшем состоянии. Переработанный и улучшенный воздух на борту корабля никак не облегчал головной боли от похмелья.

Орам приветствовал ее улыбкой, но выражение его лица оставалось напряженным.

– Добро пожаловать. Чувствуешь себя не лучшим образом? – Орам бы этим не ограничился, но он помнил слова жены.

Дэниелс едва на него взглянула. По его мимике – даже без учета тона – было очевидно, что Орам знал о похоронах. И о виски.

«Да пошел ты… капитан».

Для остроумных ответов у нее слишком гудела голова, не помогла даже врожденная саркастичность. Не обращая внимания на бросаемые на нее исподтишка взгляды, она молча прошла к своему рабочему месту.

***

Снаружи ремонтная команда заканчивала работу. Анкор провел финальную проверку кабельных каналов внутри мачты, над которой трудился. С удовлетворением убедившись, что все работает как надо, он закрыл технический люк, повернулся и легко тронул панель управления скафандром, ускоряясь по направлению к шлюзу.

– Все как надо. Направляюсь внутрь, Ти. Хорошо поработали.

– Эй, – ответил здоровяк. – Я всегда работаю по первому классу.

Закончив ремонт панели коллектора и манипулятора у кончика одной из мачт, Теннесси приготовился к возвращению на корабль.

Быстрый взгляд на экраны внутри шлема показал, что все корабельные системы снова в строю. Это означало, что они смогут возобновить связь через установленную систему ретрансляторов, которые связывали их с теперь уже очень

далекой Землей подобно нитке электронных бус. Пусть даже это, как обычно, займет неимоверно долгое время.

Хотя «Завет» был полностью самодостаточным, эта тоненькая нить играла важную роль, обеспечивала связь с планетой, являвшейся их домом. Это также означало, что пока путешествие продолжается, и корабль автоматически сбрасывает ретрансляторы при каждой остановке для подзарядки, после высадки на Оригаэ-Шесть на Земле узнают, что колония успешно создана в выбранном месте.

Теннесси включил двигатели и направился к огромному корпусу «Завета».

«Что можно сказать о работе за пределами корабля-колонии, – подумал он, – так это то, что тут нельзя потеряться».

Невозможно было потерять направление на базу, потому что в пределах светового года больше лететь было абсолютно некуда.

Он дал знак Анкору, что с ним все в порядке.

– Понял, – отозвался тот. – До встречи внутри.

– Я следом. Пожалуйста, организуй чего-нибудь холодненького для усталого путника.

– Заметано, приятель, – ответила вместо Анкора Апворт. – Я составлю компанию за холодненьким.

– Сердечно благодарю. Может, стоит подготовить два стакана? Выдвигаюсь.

– Знаешь, – пробормотала Апворт по закрытому каналу, – если бы мы сохранили весь высокоэнергетический алкоголь, который ты потребляешь, то возможно, смогли бы запитать системы корабля на лишний цикл.

– Не получится, – ответил Теннесси. – Мне потребуется еще больше выпивки для обслуживания корабля в лишний цикл. Принцип убывающей доходности.

Он приготовился лететь обратно и нацелился на шлюз.

Все выключилось.

В динамиках царила тишина, даже без шипения. Предупреждающие сигналы шлема, все сообщения и экраны погасли. Теннесси висел во тьме, исключая свет далеких звезд и огни корабля. Безо всяких инструментов Теннесси знал, что его сердечный ритм и частота дыхания внезапно ускорились. Жизнеобеспечение работало – потому что он был все еще жив.

«Чё за фигня?»

Он уже тянулся к кнопке перезапуска, когда внутри шлема внезапно мелькнуло чье-то незнакомое бледное лицо. Изображение пронеслось очень быстро и сопровождалось неприятным высокочастотным визгом. Теннесси вздрогнул от неожиданности. И картинка, и визг длились только секунду или

около того, а потом пропали. Остались только стук его сердца и тяжелое дыхание.

Теннесси включил передатчик, забыв о том, что тот сбоил, как и остальные приборы скафандра.

– Что за?.. Ребят, вы это видели? Что-то только что проскочило…

***

Теннесси продолжал говорить. На мостике «Завета» слышали голос, но он доносился тихо и с помехами. Встревоженная Фарис склонилась к терминалу Апворт.

– Что он сказал? Могу поклясться, я слышала, как он что-то сказал.

– Не знаю, – пальцы Апворт бегали по консоли, пытаясь очистить или усилить сигнал. – «Я что-то видел», кажется.

– Теннесси, – Фарис заговорила громче, – ты меня слышишь?

***

Он не слышал. Теннесси во второй раз дернулся при виде бледного призрачного видения. В этот раз изображение было более резким. Раздираемое помехами, оно вытягивалось и меняло форму как эктоплазма. Человеческое или нет, бледное лицо менялось настолько быстро, что Теннесси не мог разобрать черт. И снова изображение сопровождалось бившим по ушам визгом, который был таким же неразборчивым, как картинка – неразличимой. Теннесси показалось, что он почти может разобрать слова или хотя бы слоги. Почти видит дерганое движение губ, слышит странные звуки, балансирующие на границе между разумом и безумием.

На этот раз и изображение, и звук длились дольше, после чего снова полностью исчезли.

– Господи, – пробормотал Теннесси. – Что это было? – он снова попробовал связаться с кораблем. – Я возвращаюсь.

***

Лежавший на диагностическом столе шлем от скафандра Теннесси окружало такое количество проводов и тонких кабелей, что он походил на чужеродный грибковый организм. Проекции,

голограммы и обычные экраны высвечивали данные в соответствии со своими аналитическими программами. Все результаты собирались в огромную составную проекцию, которая висела над столом.

Команда собралась вокруг. Некоторые изучали выжимку из всех данных, прочие по очереди просматривали отдельные отчеты. Поскольку существовала вероятность того, что пережитое Теннесси могло иметь отношение к безопасности, к ним присоединился сержант Лопе.

Хотя в то время, когда Теннесси работал за пределами корабля, системы связи вышли из строя, шлем скафандра автоматически все записал. Экипаж смотрел, как в голограмме появилось белое пластичное видение, в этот момент без звука. Изображение оставалось размытым, несмотря на все усилия компьютера, но это определенно было лицо… чье-то. Оно изгибалось вперед и назад, вперед и назад.

Ни у кого не было ни малейшей мысли, что это означает.

Первым предложил вариант Рикс:

– Вероятнее всего – это заблудившаяся, случайная передача, – он посмотрел на Теннесси. – Наверное, твой скафандр ее подхватил потому, что ты работал далеко от корабля, за пределами работы внутренних глушилок. Вот почему мы ее не поймали. Передача крайне слабая.

– Заблудившаяся передача, – повторил Лопе. – Откуда?

Никто не ответил. Ни у кого не было ответа, а после повтора записи никто из собравшихся на мостике не был уверен, что хочет это знать.

– Мать, можно услышать сопровождающий звук? – попросил Орам.

Голова дернулась вперед, потом назад. Вперед, назад, теперь под неразборчивый визг.

«Некоторые части звучат почти членораздельно», – подумала Дэниелс.

Подобно всем остальным, она старалась уловить смысл в том, что слышит. Она решила, что звук частично содержит слова, а частично лишен смысла.

– Вероятно, не полная передача, иначе было бы четче, – поменял мнение Рикс. – Должно быть, эхо. Наверное, пришло и застряло в буфере, когда нас ударила та вспышка. Это объяснило бы помехи. Некоторым приборам сильно досталось. Этот кусочек не единственный, который скомкало.

– Нет, не думаю, что это эхо, – не согласилась Апворт. – Это прямая передача, – он указала на консоль. – И в логах записано. Каждые сорок шесть секунд с момента, когда мы выпали из

прыжка на перезарядку, – она нахмурилась, глядя на сообщение. – Не понимаю, почему оно не проявилось прежде или почему выскочило на внутренних показаниях скафандра Теннесси, а не здесь.

– Эхо, – отстаивал свое мнение Рикс. – Никогда не знаешь, когда и где оно появится. Корабль выходит из вспышки, и стандартные протоколы передачи сообщений поминай как звали.

– Это похоже на… – пробормотал Орам, словно что-то вспоминая. – Я помню… – поняв, что все на него смотрят, он объяснил более нормальным голосом: – Меня растили как пятидесятника.

Лопе скорчил гримасу.

– Это что? Какое-то особое воспитание младенцев?

Капитан не улыбнулся.

– Религиозная деноминация. Настоящая древность, сера и пламень, – он указал на голограмму. – На собраниях порой слышишь что-то подобное. Это называется «говорить на языках». Слова звучат знакомо, но при этом достаточно искажены, чтобы было не разобрать – хотя бы человеку со стороны. В собрании оно звучало как надо. Так что я раздумываю над одним вариантом. Может, ничего и не получится, но… – он повысил голос:

– Мать, замедли сигнал. Проведи структурный поиск слов в передаче. Выброс все, что не совпадает. Сделай выборку и собери снова. И проиграй задом наперед.

– Выполняю, – ответил корабль. – Пожалуйста, подождите.

– Перевернутый язык Господень, – Орам говорил как остальным, так и себе. – Язык лжи. Язык дьявола.

Фарис ответила на замечание капитана тонкой улыбкой:

– Интересно узнать об этом.

Апворт посмотрела на него с любопытством.

– Что навело вас на такую мысль, капитан?

Орам, казалось, вернулся откуда-то издалека.

– Сходство. Старая игра в «оговорки». Могу ошибаться, но попробовать стоит. Вреда от этого не будет, – он слабо улыбнулся. – Говоря о сходстве, я подразумевал лингвистику, а не близкое личное знакомство.

Апворт выпятила нижнюю губу и строго заметила:

– Капитан, мы бы о вас никогда такого не подумали.

Орам поднял бровь, но выглядел он слегка довольным.

– Я перевернула и скомпоновала передачу, капитан Орам, – объявил корабль. – Включила все, что смогла извлечь и сделать вразумительным. Я позволила себе внести только необходимые изменения, чтобы сохранить общую связность.

– Не сомневаюсь, – Орам отстраненно махнул рукой. –

Выведи результат на основной канал.

Теперь вместо непостижимого визга раздался голос. Ритмика была странной, структура речи смазанной, но голос определенно принадлежал человеку. Слова – тоже. И таких слов не ожидал услышать никто.

– …слезы в моих… родные края…

Это немногое давало. Не речь, не мольба, но что-то понятное. Это всех ошеломило.

Человек. В такой дали.

Из всех собравшихся один Уолтер не выглядел изумленным. Он сидел на своем месте и работал, сохраняя обычное бесстрастное выражение лица. Такая сосредоточенность помогла ему дать ответ на вопрос, который еще не прозвучал, но мелькнул в сознании каждого.

– В сообщении есть и данные о местонахождении его источника.

– Насколько подробные? – тут же спросил Орам.

– Достаточно. На самом деле, более чем достаточно, – не замедлил с ответом синтет. – Мать, пожалуйста, отследи сигнал к источнику. И выведи на экран.

– Выполняю. Пожалуйста, подождите.

Над центральной консолью мостика появилась навигационная голограмма. Уолтер подстроил размер, цвета и содержимое. Его взгляд метался от консоли и оповещений к голограмме: синтет добавлял к ней дополнительные детали и связанные точки.

Результат получился неожиданным.

Голограмма мигнула, исказилась и исчезла. Вместо нее поднялась мешанина синих точек, которые распространились за границы навигационной системы и мгновенно заполнили всю комнату. В центре изначальной голограммы начало формироваться изображение. Контуры были нечеткими, они то вырисовывались, то меняли форму, трепетали, пока компьютер пытался собрать картинку воедино.

– …где место мое… память моя, вернись туда…

Остальное было не разобрать. Потом изображение обрело форму, свернувшись в нечто более явное. Теперь ошибки быть не могло: это была женщина, изображенная в полный размер. Под изумленными взглядами членом экипажа, фигура начала перемещаться по мостику. Она проносилась сквозь твердые предметы подобно бесплотному привидению. Привидению, которое жалобно стонало; слова едва можно было разобрать.

– …и радио напомнило о доме, и по пути я чувство испытал, что нужно было мне домой еще вчера, еще вчера…

Теннесси, наклонив голову к летящей фигуре, пытался расслышать, понять тихую напевную речь, которая казалась почти песней. Слова, пришедшие из другого времени, другого мира, повисали в неподвижном воздухе мостика подобно слуховым призракам. Найдя в памяти слова и мелодию, Теннесси начал мурлыкать в тон.

– …проселочные дороги, верните меня домой, туда, где место мое. Западная Вирджиния, горная мамочка, верните меня домой, проселочные дороги…

Блуждающее изображение внезапно застыло. Оно висело еще миг, после чего рассыпалось бесшумным взрывом исчезающих пикселей. Все глаза повернулись от исчезнувшей фигуры к человеку, который подпевал древним словам.

– «Верните меня домой, проселочные дороги», – заметив, что остальные ждут подробностей, Теннесси продолжил: – Песня впервые записана великим Джоном Денвером, певцом и композитором середины двадцатого века, активистом-экологом.

– Что такое «активист-эколог»? – поинтересовалась Апворт.

– Человек, который призывает беречь окружающую среду, – Теннесси посмотрел на нее и, увидев пустой ответный взгляд, добавил: – На данный момент они уже давно вымерли. Вместе с причиной существования.

– Ты, верно, шутишь, – покачал головой Лопе.

– Я никогда не шучу о Джоне Денвере, – торжественным голосом заявил Теннесси.

Урок истории прервала Мать.

– Определен источник передачи.

– Покажи, будь добра, – запросил Орам.

Появившаяся звездная голокарта сектора, в котором оказался корабль, была настолько подробной, насколько это было в силах компьютера. Мать без напоминаний дала увеличение зоны, в центре которой находилась одиночная расплывчатая звезда. У нее не было ни названия, ни обозначения. Даже в эпоху, когда на орбитах между Землей и Луной располагались мощные телескопы, все еще оставались зоны, звездные объекты, которые невозможно было четко различить.

«Пустые» области полнились пылью, отличались гравитационными помехами и другими астрономическими явлениями, которые часто препятствовали прямому изучению отдаленных объектов. К таковым относилась и не отмеченная на картах звезда, местоположение которой Мать смогла определить только с текущей позиции корабля в пространстве.

Изображение оказалось ничем не примечательным.

– Детали, – потребовал Орам.

– Источник сигнала находится в секторе сто пять, прямое восхождение сорок семь точка шесть и отклонение двадцать четыре точка три относительно нашего текущего положения. Передаю и сохраняю полные координаты.

– Есть, – Рикс, который сидел у навигационной панели, задействовал дополнительную аппаратуру, чтобы выжать из полученной информации еще больше полезных данных. Удовлетворившись результатом, он тронул панель, и голографическая карта во второй раз дала крупный план. Теперь проявились дополнительные подробности. Размытое изображение звезды обрело четкость. Показались пять планет вместе с обычным набором лун, астероидов и прочих космических камней. Оператор смотрел то на голограмму, то снова на консоль.

– Похоже на звезду главной последовательности. Вроде нашей, но эта довольно старая для своего типа. Очень старая. С пятью планетами, – он замолчал, нахмурился и перепроверил некоторые заслуживающие внимания сообщения. – И поглядите, четвертая от звезды планета находится точно в обитаемой зоне.

Последнее заявление поразило всех. Учитывая то, сколько усилий приложила Земля для поисков всех потенциально пригодных для жизни планет в пределах досягаемости кораблей-колоний, обнаружение пропущенного мира в этом секторе стало потрясением.

Орам рассудил, что этому, возможно, не стоило удивляться.

Даже в век, когда исследования глубокого космоса и колонизация воспринимались как нечто само собой разумеющееся, люди, кажется, с трудом осознавали, насколько космос велик. Если добавить к этому тот факт, что только что обнаруженная система находилась в зоне, насыщенной космическими помехами – вроде той вспышки, которая повредила корабль, – то упущение не выглядело таким уж странным.

И, вероятно, это была не последняя система, оставшаяся незамеченной.

– Так, значит, это совсем рядом, – сказал он. – И достаточно близко, чтобы получить данные в режиме реального времени. На что оно похоже?

Рикс добавил увеличение, дав полную нагрузку на аналитические возможности корабля. У Матери ушло некоторое время на сбор и обработку требуемых данных, после чего Рикс поделился результатами:

– Лучше и быть не может. Ноль целых девяносто шесть сотых «же» на поверхности. По всей планете. Нет экстремальных гравитационных состояний на полюсах или экваторе. Океаны жидкой воды. Разрозненная суша, в основном гранитная и

базальтовая по составу. Не могу ничего сказать о тектонической активности: мы слишком далеко, и у меня только предварительные данные. Для такого потребуется больше времени, – он на секунду замолчал. – Все указывает на высокую вероятность существования живой биосферы. По крайней мере, все необходимые показатели подходят, – взгляд Рикса обратился к Дэниелс. – Все, что я вижу, соответствует миру, который превосходит самые оптимистичные наши – и Компании – ожидания по поводу Оригаэ-Шесть.

– Ты уверен? – с сомнением спросила Дэниелс и наклонилась над его консолью.

Рикс хмыкнул.

– Насколько могут быть уверены датчики Матери. И у нас здесь обзор чертовски лучше, чем был у Земли на Оригаэ-Шесть.

Ни от кого не ускользнул подтекст последнего замечания.

– Как мы ее пропустили? – настаивала Дэниелс. – Мы просканировали каждый уголок этого сектора.

– Вид с Земли, очевидно, закрыт, – Орам рад был вмешаться. – Плотная туманность, пылевое облако, периодические вспышки, которые забивают инфракрасное излучение. Может, когда здесь проходил поиск, планета проходила перигелий на противоположной от Земли стороне относительно звезды. Или, может, вся система оказалась ровно позади другой звезды или двух. Не говоря уже о шутках, которые гравитационное линзирование может играть с планетарными сканерами, – пытаясь успокоить Дэниелс, он продолжил: – Не вини себя или программу за недосмотр.

– Насколько оно далеко? – хотя Лопе слушал с не меньшим вниманием, чем все остальные, его позиция была более прагматичной. – Не от дома, от нас.

– Близко, – Рикс, снедаемый любопытством, уже провел необходимые расчеты. – Действительно близко. Короткий прыжок от текущей позиции. Может, несколько недель. На прыжковой скорости не потребуется даже гиперсон.

Собравшиеся переварили и этот кусочек информации. Никакого больше гиперсна. Никакого пробуждения с негнущимися суставами, иногда с плохим самочувствием, ослабленными мышцами, ноющими нервами, бурлением в желудке и таким вкусом во рту, словно на протяжении десяти лет жевал хлопок. Все это плюс потенциальное место для колонии, показатели которого были лучше, чем у места, куда направлялся «Завет».

Орам отметил реакцию людей и повернулся к Уолтеру.

– Как долго продлится прыжок до Оригаэ-Шесть?

– Семь лет, четыре месяца, три недели, два дня, – сразу ответил синтет. – Плюс-минус двенадцать часов, и это без учета непредвиденных ситуаций.

– Чертовски длинный период сна, – Фарис бесстрастно посмотрела на капитана. – И семь лет на «непредвиденное». Семь лет, в течение которых погашенные сознания и тела не будут знать, как корабль справляется с нагрузками.

– Я тебе так скажу, – добавила Апворт. – Не слишком-то я рвусь забраться в одну из этих капсул. Всегда была немного подвержена клаустрофобии.

Фарис скорчила мину.

– Клаустрофобия означает немедленный отвод из экипажа корабля-колонии.

– Подумаешь, немного соврала в заявлении, – пожала плечами молодая женщина, избегая взгляда Орама. – Как только засыпаю, это меня уже не волнует.

Орам решил проигнорировать признание. Теперь это едва ли имело значение. Остро осознавая, что все ждут его решения, Орам понимал, что настало время выполнения капитанских обязанностей.

– Ладно, давайте взглянем, – сказал он. – Система не настолько далеко в стороне от курса на Оригаэ, чтобы остановка сильно повлияла на ресурсы корабля. Как минимум мы получим интересные данные для отсылки на Землю.

Правильным было решение или нет, он не знал. Очевидно, что именно этого хотела команда. Члены экипажа вернулись к работе, не скрывая радостного возбуждения. Обеспокоенными выглядели только Дэниелс и Теннесси. Когда Орам отошел к своему рабочему месту, Дэниелс последовала за ним и тоже стала смотреть в передний иллюминатор. Остальные, погрузившись в собственную работу, не обращали на них никакого внимания.

– Капитан, вы уверены?

– О чем ты?

– Я хочу сказать, мы потратили десятилетие на поиски мира, подобного Оригаэ-Шесть. Компания, сторонние консультанты, соответствующие правительственные департаменты – все силы были направлены на то, чтобы найти лучшее, самое подходящее место для колонии. Сотни специалистов на протяжении десяти лет занимались детальным изучением тысяч систем, чтобы выбрать единственную оптимальную планету. Мы проверили ее, прогнали тысячи симуляций, создали карты возможной поверхности, основываясь на той информации, которую возможно было собрать издалека. Это то, к чему мы все готовились.

– Я понимаю, однако вероятность… – начал было Орам, но

Дэниелс, пренебрегая протоколом, его перебила.

– А теперь мы все это отбрасываем ради погони за источником потерявшейся передачи?

Орам решил не укорять Дэниелс за то, что та не дала ему закончить фразу.

– Не обязательно ради передачи. Ради возможности обрести лучший шанс. Планету, которая расположена ближе и, вероятно, даже больше подходит для нашей цели. Передача, ее источник и автор – второстепенны, – его лицо посуровело. – Если этот мир окажется пригодным для наших нужд, мне все равно, найдем мы когда-нибудь источник передачи, или нет. Она может остаться тайной для колонистов, темой для размышлений, пока они обустраиваются. Страшилкой для детей. Важно то, соответствует ли планета данной Матерью характеристике, – Орам пожал плечами. – Если нет, то и вреда никакого. Мы продолжим путь к Оригаэ-Шесть, а потеряем очень мало – если вообще хоть что-то.

Дэниелс вздохнула.

– Капитан, подумайте. Кристофер. Передача от человеческого существа – или о человеческом существе – там, где не должно быть никаких людей. Неизвестная планета, нет – неизвестная система, которая внезапно появляется ниоткуда. И не говорите мне о вклинившихся космических обломках, звездной маскировке или еще чем-то подобном. Вот планета, которая совершенно случайно идеально нам подходит. По крайней мере, так кажется на расстоянии. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Орам, пораженный таким напором, подался чуть назад.

– «Слишком хорошо, чтобы быть правдой»? Что это вообще означает? С точки зрения ученого, подобная реакция на еще неисследованную находку кажется довольно наивной.

– Ну, раз наивной… Хорошо, я скажу, не пользуясь техническими терминами. Иными словами: мы ни хрена не знаем, что там.

«Не забывай, что тебе говорила жена, – напомнил себе Орам. – Терпение. Терпение и понимание».

– Ты злишься потому, что твоя команда не заметила этой системы? – спросил он ровным голосом. – Или заметила и записала, но пропустила четвертую планету? Или, может быть, потому что кто бы ни был ответственен за проверку результатов сканирования в этом секторе, он не распознал потенциала? Могли ошибиться даже автоматические поисковые системы. Компьютеры порой допускают ошибки. Все, что для этого требуется – это одна переставленная цифра, и внезапно потенциально обитаемого мира не существует.

Спорить с недоказуемыми утверждениями было сложно.

– Это риск, – только и сказала Дэниелс.

– Каждая колонизация заключает в себе риск, – тон Орама сделался великодушным. – Фокус в том, чтобы свести его к минимуму. Сейчас я сравниваю пару недель гиперсна для колонистов с более чем семью годами. Не говоря уже о сильном уменьшении нагрузки на корабельные системы и их износа. Отклонившись в сторону от курса – если это не станет чем-то большим, – я ни к чему нас не обязываю. В качестве капитана я должен следовать по проложенному для меня пути. Отдел навигации, – он повернулся и кивнул в сторону консоли Рикса, – предложил потенциальный мир, который ближе, до которого легче добраться и который потенциально превосходит текущую цель.

Орам снова перевел взгляд на Дэниелс и продолжил:

– Если нам повезет, и предварительный анализ верен, планета может обернуться лучшим домом для колонистов. Если окажется именно так, представь их реакцию при пробуждении.

Дэниелс понимающе кивнула, но выражение ее лица оставалось кислым.

– А вы станете человеком, который обнаружил этот мир.

Орам решил не спорить, не заботясь о том, что отсутствие возражений может только подтвердить сложившееся у Дэниелс мнение.

– И мы не хотим снова погружаться в гиперсон, – сказал он. – Никто этого не хочет. Никто не хочет снова залезать в эти проклятые капсулы. И еще кое-что. Если не обращать внимания на эту старинную песню, сообщение походило на человеческий голос. Голос человека, которому нужна помощь. Никто не может этого отрицать. Отчаяние было ни с чем не спутать. Если бы я был человеком, застрявшим в одиночестве на далекой неизвестной планете… – его голос стих.

– Как такое вообще могло случиться?

У Орама был на это готовый ответ.

– Корабли время от времени пропадают. Тебе это известно. Транспорты, разведчики. Некоторые из них не дают себе труда сообщить о своем маршруте, – он попробовал тонко улыбнуться. – Некоторые не хотят, чтобы правительство или конкуренты знали об их маршруте.

Дэниелс решила сменить подход.

– Мы отвечаем за две тысячи колонистов. Множество семей. Они ушли в гиперсон, предполагая, что проснутся на плодородном, пригодном для жизни, безопасном мире. Им обещали Оригаэ-Шесть. Речь не о тебе, – наступала Дэниелс, – а о них.

Орам застыл.

– Я полностью осознаю, что им обещали. Нам с Карин – а также тебе и всей остальной команде – обещали то же самое после официального вывода «Завета» из эксплуатации. Я тут не свободным восхождением занимаюсь, а выношу взвешенное суждение на основе всей имеющейся информации. Или ты оспариваешь методы анализа Рикса и Матери?

– Ну, – проворчала Дэниелс. – Когда речь идет о колонистах, то от нас ждут не взвешенного, а самого лучшего суждения, капитан. И, по моему мнению, подвергать миссию опасности ради заблудившейся передачи с неизвестной и неопознанной планеты в системе, не нанесенной на карту, – это не лучшее решение.

Орам уже не мог скрыть недовольства.

– Таково мое решение. И сигнал в нашем случае вторичен. Я это уже говорил. Что мы на самом деле собираемся искать, так это потенциально пригодный для колонизации мир, который на семь лет ближе к нашему текущему положению и, возможно, лучше подходит для колонизации, чем Оригаэ-Шесть.

Дэниелс встала прямо.

– Тогда как ваш заместитель я считаю своим долгом подать официальный протест.

– Официальный? – голос Орама стал монотонным. – Делай, как считаешь нужным. Мать занесет протест в корабельный журнал, и ты сможешь отправить его через ретранслятор, когда пожелаешь. Если хочешь, я могу подтвердить протест. Официально.

С этими словами Орам отвернулся.

***

Глядя, как Орам идет к консоли Рикса, Дэниелс кипела внутри. Больше она ничего не могла сделать. Несмотря на свои возражения, она знала, что большая часть команды поддержит решение Орама. Мысль о том, что не придется пережидать еще семь с лишним лет гиперсна, казалась соблазнительной даже тем, кто мог бы поддержать Дэниелс. У нее оставалась только возможность записать официальный протест, зная, что он будет добираться до Земли больше времени, чем «Завет» – до неизвестной системы. А ответа пришлось бы ждать еще дольше. Учитывая реалии, она не испытывала уверенности в том, что запись того стоит. И знала, что Орам это тоже понимал.

Она могла бы удалиться в свою, теперь принадлежавшую только ей одной каюту, орать, в ярости пинать стены. Попроси

она Уолтера, чтобы тот составил компанию, он бы пришел и внимательно выслушал ее жалобы. Может, он бы даже с ней согласился, но о том, чтобы синтет подал голос против капитана, немыслимо было и думать. Единственными союзниками Дэниелс были логика и разум, и, если судить по результатам их воздействия, с тем же успехом они могли бы спать вместе с колонистами. Теперь, исчерпав все варианты, Дэниелс вспомнила об идеальных косяках, которые свернул для нее Уолтер. Они содержали если не выход из ситуации, то хотя бы временное успокоение. Не сказав коллегам ни слова, она вышла с мостика. О возбуждении и заинтересованности остальных членов экипажа говорило уже то, что никто, включая Теннесси, не поднял головы от работы, чтобы спросить о настроении Дэниелс или о том, куда она направляется.

6

Перед тем как войти в безымянную систему, где во тьме космоса сияла голубоватая звезда, «Завет» замедлился. Когда он приближался к четвертой планете, все посты на мостике были заняты, и все глаза – и органические, и синтетические – уставились в сине-белую точку, ту, куда стремился корабль. Две луны, обе меньше земной, двигались по стандартным орбитам. В отличие от мира, вокруг которого они кружили, спутники не представляли никакого интереса.

На мостике Рикс работал со своими приборами, двигаясь, как профессиональный карточный игрок. В этот миг такое сравнение казалось удачным.

– Я иду по всем каналам связи, включая теоретические, но получаю лишь помехи и белый шум, кое-какое высокочастотное эхо… пытаюсь выявить и проанализировать, но по всему спектру бардак, – он надул губы. – Даже не берусь сказать про некоторые источники, природные они или искусственные. У планеты тяжелое ядро, ионосфера заряжена, и прогнозирующие приборы предполагают сильные колебания полюсов. Это место – настоящее электромагнитное гамбо[10], – Рикс посмотрел на соседнюю рабочую станцию. – Ты что-нибудь слышишь?

Недалеко от него Дэниелс, которую переполняли дурные предчувствия, сосредоточенно изучала показания собственных приборов, по мере того как «Завет» осторожно приближался к цели.

Орам, забрав у жены свои антистрессовые шарики, нервно ими щелкал – но тихо, так, чтобы никому не мешать.

Уолтер у центральной навигационной панели пристально наблюдал за изображением приближавшегося мира и его двух лун, которое непрерывно обновлялось Матерью. Топографических подробностей еще не было, но он знал, что эти данные скоро появятся.

Апворт сдвинула один амбушюр наушников и наконец ответила Риксу, отрицательно покачав головой.

– У меня более-менее то же самое, за исключением довольно стабильного сигнала от нашего дружелюбного призрака на отдельном канале, – она скорчила гримасу. – Кстати, от этой

песни меня уже мутит.

Теннесси драматически вздохнул:

– Песня сирен.

– Кто же нас слышал, тот в дом возвращается, многое сведав[11], – пробормотала Дэниелс.

Когда Орам раздраженно покосился на нее, она пожала плечами и добавила:

– Я не критикую. Вините Гомера.

– Что ж, что бы ни было внизу, это не Сцилла и не Западная Вирджиния, – съязвил Теннесси.

– Кстати, а что такое эта «западная вирджиния»? – оглянулся Рикс.

– Древняя племенная территория, – ответил Уолтер, не поднимая головы. – Когда-то, во времена, когда подобные вещи считались важными, их было огромное количество. В мире существовали десятки небольших политических образований, и все они стремились к собственным целям вместо того, чтобы трудиться на общее благо вида и планеты.

Рикс задумался.

– Каким вообще образом люди смогли добиться чего-то стоящего?

– Они и не добились, – сухо ответил Уолтер.

– Все еще много помех по всему спектру, – Апворт пыталась выделить и очистить сигналы.

– Приблизиться на дистанцию высадки и подготовить посадочный модуль, – ответил Орам с едва скрываемым возбуждением.

Пока «Завет» выходил на орбиту, сенсоры и сканеры продолжали вбирать как можно больше информации о мире под кораблем. Все данные переправлялись Матери, которая собирала все более детальное досье на предполагаемое место для колонии. Сбор данных планировалось продолжать до тех пор, пока отчеты не станут повторяться. Изменяемые данные – такие, как температура и прочие погодные модели – будут дополняться непрерывно, чтобы посадочная команда каждую минуту знала, с чем им предстоит столкнуться.

***

Пока на мостике бурлила работа, оперативная группа со снаряжением двигалась к шлюзу посадочного модуля. Учитывая климат в месте высадки, они выбрали теплую серую полевую форму, тяжелые сапоги и шапки-ушанки. Песочного цвета жилеты

бугрились от разложенных по карманам вещей, которые могли понадобиться в деле. То, что не влезло в жилеты или могло потребоваться срочно, разместилось в поясах.

Рядовые Розенталь и Анкор вошли в посадочный модуль бок о бок. Она нервничала, он был спокоен. Контраст не бросался в глаза, но был заметен.

– Ты уже когда-нибудь высаживалась? – поинтересовался Анкор, заметив, что спутница чувствует себя неуютно.

Розенталь сглотнула.

– В симуляциях. Мне говорили, что они похожи на настоящие высадки – насколько это возможно.

– Симуляции, – оценил Анкор. – Круто.

Розенталь обожгла его взглядом, а Анкор в ответ улыбнулся. Как ей показалось, понимающе.

Как только участники экспедиции уселись друг напротив друга в отсеке и пристегнулись, оставшиеся на мостике члены команды передали рекомендованный Матерью маршрут. Он казался не слишком легким, но выглядел вполне преодолимым. Навигационная голограмма рисовала бушующую пелену облаков, насыщенную частыми вспышками молний как раз впереди по предполагаемому курсу. Информация с датчиков непрерывно обновлялась, и изображения то затухали, то снова становились четкими; то обретали форму, то расплывались.

***

Несчастный Теннесси, низведенный до управления «Заветом» на время участия Орама и Дэниелс в высадке, следил за всем сразу. Он надеялся увидеть какой-нибудь просвет в атмосфере или хотя бы более спокойную зону, но все было напрасно.

– Чертовски буйная ионосфера.

– Злая погода, – согласился Рикс и повернулся к комму. – Фарис, похоже, в термосфере плазменная буря. Видим стабильные ветра на два-пятьдесят с сильными прерывистыми восходящими и нисходящими потоками, – он проверил еще одно сообщение. – Мать предлагает вам самую лучшую кроличью нору. Хотите – верьте, хотите – нет, в остальных местах условия хуже.

***

На борту модуля Фарис нашептывала команды пилотской консоли, и аппаратура подстраивалась под ее рекомендации. В

таких непредсказуемых условиях, как ждавшие их внизу, присутствие человека у пульта управления являлось обязательным. Автопилот хорошо годился для посадок на пляж в ясный день, но когда доходило до приземлений в реальных условиях, ничто не могло соперничать с реакцией человека. Особенно когда речь шла о решениях, принимаемых в последнюю секунду.

Действия пилотов-людей не всегда идеально соответствовали описанным в инструкциях процедурам, но обычно бывали верными с точки зрения выживания.

Впереди вместе с Фарис сидели Орам и Уолтер; остальная часть команды устроилась за ними. Капитан едва мог сдержать нетерпение. Уолтеру сдерживать было нечего. Включились системы посадочного модуля, и от сидящих сзади людей донеслось несколько шепотков и нервных смешков.

Слегка наклонившись вперед, Фарис взяла на заметку выбранный корабельным компьютером угол снижения.

– Я вижу, куда мы направляемся, – ответила она Риксу по межкорабельной связи. – Убийственная траектория. Полет через эту долбаную бурю будет кошмарен, – ее взгляд метался от поступающих данных к показаниям собственных внешних сенсоров модуля. – Это лучшее, что может предложить Мать?

– Боюсь, что так, – извиняющимся тоном сказала Апворт по открытому каналу. – И, пока вы не сядете, связь будет рваной. Я постараюсь, как смогу, удержать сигнал во время посадки, но с учетом силы бури и того, как вас будет швырять по всему гребаному небу, сложно будет передавать приветы каждую минуту.

Орам пристально разглядывал Фарис. Они с Теннесси были лучшей парой пилотов, какую Компании удалось найти. Он полностью им доверял, но тут все-таки был не земной симулятор, и посадка происходила не на благоприятную поверхность вроде марсианской.

– Приземление будет безопасным? – негромко спросил он.

Фарис нахмурилась, глядя на показания.

– Зависит от вашего определения безопасного.

Орам ухмыльнулся.

– Тогда не будем называть его «безопасным». Пусть будет «в норме», – и добавил:

– Давай, полный вперед.

Импровизированный юмор от капитана стал приятным сюрпризом, и команда модуля, не считая мрачной Дэниелс, его оценила. Позади раздалась парочка одобрительных восклицаний, а кроме того несколько человек обменялись радостными ударами

ладони о ладонь.

Немного удивившись самому себе и радуясь чужой реакции, Орам обернулся к командному отсеку и улыбнулся остальным. Встретился взглядом с женой, которая сидела близко к передним рядам. Карин ободряюще подмигнула, и улыбка Орама стала еще шире.

Фарис была слишком сосредоточена на главном пульте, чтобы принимать участие в общем веселье.

– Готовность перейти в режим снижения посигналу определения местоположения. Мать, прошу заняться запуском.

Немедленно включились маневровые двигатели «Завета», удерживая корабль на геосинхронной орбите над выбранным для посадки участком. На борту спали две тысячи душ, не имея представления о незапланированном отклонении от маршрута, которое, если условия окажутся благоприятными, вполне могло оказаться конечной точкой.

– Принято, – прозвучал из коммов голос Матери как на корабле, так и в ждущем запуска модуле. – Задаю координаты над сигналом местоположения. Произведен выход на синхронную орбиту. Модуль-Один, можете стартовать.

– «Завет», произвожу запуск, – Фарис тронула управление.

Когда модуль отделился от корабля, произошел заметный толчок. За ним последовала короткая и ожидаемая волна дурноты у каждого члена команды, потому что модуль вышел за пределы искусственного гравитационного поля «Завета». Включились двигатели, и спускающийся аппарат начал с ускорением удаляться от главного корабля, падая во взбаламученную, бушующую атмосферу.

***

На мостике Апворт следила за снижением. Все шло гладко и согласно протоколу.

«Разумеется, – сказала она себе, – модуль еще не вошел в атмосферу».

Учитывая прогнозируемое жесткое снижение, она решила, что не помешает заранее немного ободрить команду. Фарис поймет, чего это ободрение стоит, но вреда в любом случае не будет.

– Замечательно идет, Фарис. Угол снижения идеальный, скорость в самую точку. Какое счастье, что это ты ведешь, а не старик.

Теннесси, сидевший на другой стороне мостика, картинно

надулся:

– Без «стариков», если можно.

– На воре и шапка… – с ухмылкой отозвалась Фарис.

– Отправится куда подальше, – с намеком закончил Теннесси.

Посерьезнев, он водил глазами от показаний датчиков к переднему иллюминатору. Разумеется, Теннесси уже не мог видеть посадочный модуль, но все равно пытался отыскать его взглядом и проследить за снижением.

Несмотря на всю подготовку, какая-то частичка сознания пилота всегда предпочитала зрительный контакт инструментам.

Теннесси твердо напомнил себе, что времени на ностальгию у него нет. Раз Орам и Дэниелс находились на борту модуля, он теперь командовал «Заветом».

Штормовая зона была огромна. Она охватывала добрый кусок видимой атмосферы. Непрерывно бьющие длинные молнии и ревущий ветер напоминали Фарис скорее о небе Юпитера, чем Земли.

«По крайней мере, не придется иметь дело с сокрушительной гравитацией газового гиганта или полосами губительной радиации».

– Вы в порядке там, внизу? – спросила по комму Апворт, которая слишком явно старалась убрать из голоса тревогу.

– Все в порядке, «Завет». Пять минут до входа в атмосферу. Спроси еще раз через десять минут.

***

Фарис повернулась к тем, кто сидел в основном отсеке.

– Нет смысла скрывать очевидное: будет трясти. Советую вам там крепко держаться. Вы знаете, что Теннесси любит старую музыку и антиквариат? Кто-нибудь в курсе, что такое «автомат для игры в пинбол»?

Ответом стало молчание.

– Подробности я расскажу позже. А сейчас вы узнаете, как чувствовал себя шарик в этой игре.

Бах!

Сверхбыстрый поток воздуха стиснул прочный модуль, бросил его обратно в космос, а потом дернул вниз. Несмотря на то, что Фарис вела корабль без помощи джойстика или проводов, пользуясь лишь электроникой, ей все равно приходилось бороться с управлением. Последующее снижение походило на полет сквозь око чудовищного земного урагана. Освещение в модуле мерцало под вой тревожных сигналов.

Орам и Уолтер были надежно пристегнуты, но все равно вцепились в края кресел. Кто-то из команды позади них застонал. Еще кто-то – возможно, это была Розенталь – начал издавать странные звуки, словно его рвало.

– Не здесь, бога ради, – заорал солдат, который сидел рядом, – не здесь!

То ли из-за угрожающего тона, то ли от стыда звуки прекратились.

Казалось невозможным, что модуль уцелеет под такими ударами. Но спускаемый аппарат создавали с учетом подобных условий, и Фарис это знала. Правда, знание не мешало ей беспокоиться – самую капельку. Осознавая, что от нее зависят – и, без сомнения, за ней наблюдают – все на борту, она пыталась сохранять спокойствие. В голове снова всплыла песня «Проселочные дороги», от которой, видимо, было не отделаться, и Фарис начала насвистывать в такт. Это помогло успокоиться, но только ей самой: среди шума и грохота внутри посадочного модуля никто этого не услышал. Но Фарис находилась достаточно близко к консоли, чтобы ее услышали на мостике «Завета».

***

Каждая нота звенела в ушах Теннесси, который сосредоточил все внимание на картинке с датчиков, демонстрировавшей неуклонно снижавшийся модуль.

– Фарис, ты все еще меня слышишь? – спросил он. – Фарис?

Из динамиков вперемешку с треском вырывались ноты «Проселочных дорог». На целую песню их не хватало, даже если собрать вместе. В надежде на что-нибудь более осмысленное все присутствующие на мостике сосредоточенно слушали – пока не стихли даже эти едва различимые отрывки.

Тишина.

– Мы потеряли связь, – озвучила очевидное Апворт.

– Чертова буря. Ненавижу, когда электроны себя плохо ведут, – это был тот редкий случай, когда шутка Теннесси не возымела эффекта.

Снаружи и далеко внизу обезумевшая ионосфера полностью заблокировала связь между спускаемым аппаратом и «Заветом». Людям на мостике корабля-колонии оставалось только пытаться представить, что ожидало команду модуля.

7

На борту посадочного аппарата почти не было времени на попытки что-то вообразить. Все мысли людей концентрировались на навязчивой грохочущей реальности. Удар за ударом бросали корабль вверх, вниз, в стороны. Каждое сотрясение ощущалось как столкновение с горным склоном, хотя на деле это был всего лишь ветер.

Орам, крутивший в ладони шарики, подумал, что воздух никогда не казался ему таким плотным.

Не лучше турбулентности были и огромные молнии, которые разрезали пелену облаков, окружавшую модуль. Они били так часто и так быстро, что Орам мог нормально видеть детали интерьера корабля без внутреннего освещения.

«Свет свету рознь», – подумал Орам, пытаясь отвлечься от условий за бортом.

Рядом с ним над панелью управления с мрачным лицом трудилась Фарис, которая пыталась держать корабль ровно и не сбиться с курса. Для самого модуля отсутствие качки было необязательным – он мог точно так же лететь и перевернувшись, – но отсутствие рвоты в салоне помогало сохранить душевное равновесие команды.

Особенно мощный толчок впечатал бы всех на борту головами в потолок, если бы они не были крепко пристегнуты к сиденьям. Но удар оказался достаточно сильным, чтобы один из низкотехнологичных успокаивающих приборов выпал из руки Орама и загремел по палубе. Несмотря на то, что ему сразу стало не хватать его присутствия, Орам не собирался отстегиваться и идти искать шарик.

Заметив бедственное состояние Халлета, Лопе наклонился к своему партнеру в попытке ободрить его и передать немного уверенности. Сержант единственный во всей команде от всей души наслаждался тряской прогулкой.

– Том, расслабься. Это всего лишь воздух. Не о чем беспокоиться. Врезаться здесь не во что, – он кивнул вперед. – Фарис – лучший пилот «Завета».

Халлет с такой силой вцепился в подлокотники сиденья, что его пальцы под перчатками побелели.

– Ненавижу космос.

Бросив взгляд вниз, он заметил беглый антистрессовый шарик капитана, который катался под их сиденьями.

– Мы же не через метеоритный шторм летим, – голос Лопе оставался ровным и спокойным. Точно так же он говорил бы во время тихого обеда в столовой «Завета».

– Но он вполне может случиться в космосе, – мрачно проворчал Халлет.

Лопе ободряюще улыбнулся:

– Вот почему тебе нужно заняться йогой.

Его спутник бросил на него злой взгляд, и сержант рассмеялся. Спустя миг модуль, словно по нему ударили огромным молотом, нырнул на сотню метров, после чего под умелым управлением Фарис снова набрал потерянную высоту. Том побледнел, и усмешка Лопе пропала, сменившись встревоженным взглядом. Халлету действительно приходилось тяжело. Решив воздержаться от дальнейшего подтрунивания или попыток пошутить, сержант посмотрел вперед. Тряска, прыжки и общий бедлам его не беспокоили, но все же он не мог не задуматься о том, насколько силен был этот шторм.

Лопе мог бы спросить, но не стал этого делать: те, кто сидели в носовом отсеке, были слишком заняты, чтобы отвечать на случайные вопросы со стороны груза.

А потом, без всякого предупреждения, ужасающая тряска прекратилась. Остался только зловещий, но знакомый скрип неидеально подогнанных сочленений корпуса. Спустя минуту прекратился и он: корабль выпал в подбрюшье облачного покрова. Фарис надула губы и испустила долгий вздох облегчения. Они прошли молотилку, модуль и команда это выдержали. Теперь модуль снижался так плавно и тихо, словно кружил вокруг «Завета» в космосе, где вообще не было атмосферы. На смену аварийному автоматически вернулось обычное освещение. В отсеке экипажа раздавались восклицания облегчения, смех и реплики о необходимости смены белья. Обошлось без травм. Ремни и откидные сиденья сделали свое дело.

Из коммуникатора впервые за долгое время раздался четкий голос, еще больше подняв общее настроение.

– Посадочный модуль, вы меня слышите? Если да, ответьте.

Улыбнувшись Ораму, Фарис ответила:

– Как, вы не слушали? Жаль. Утеряно столько потрясающих метеорологических данных, – ответа не было, и Фарис продолжила: – Ладно, ладно. «Завет», я вас слышу. Ничего особенного. Мы просто устали непрерывно с вами трепаться, вот

и все, – на шутку тоже не последовало ответа, и Фарис посерьезнела. – Ну, хорошо, это было непросто. Но мы прорвались. Мы в порядке. Судя по датчикам, корабль не поврежден… – она огляделась. – И его груз – тоже. Продолжаю спуск в нормальном режиме.

Поверхность планеты оказалась такой же иззубренной и неровной, как ее атмосфера. Вершины крутых серых скал тонули в низких облаках. Дремучие леса плавали в тумане, который даже с высоты в несколько сотен метров казался подозрительно знакомым. Быстрые реки и многочисленные озера разнообразных форм и размеров разрезали глубокие долины и фьорды. Под телом бури виднелись отдельные кучевые облака, порой достаточно темные и набухшие, чтобы пролиться случайным дождем.

Изучая телеметрию и сопутствующие отчеты, Фарис кусала нижнюю губу. Вид через широкий передний иллюминатор модуля впечатлял. От него даже захватывало дух, но легкой посадке такая местность не способствовала.

Корабль, судя по координатам, быстро приближался к источнику сигнала. Фарис предстояло принять решение: спланировать за него в надежде отыскать лучшее место для приземления или садиться прямо сейчас. Согласно показаниям сканеров и собранным с орбиты сведениям, рельеф за сигналом был сложнее, чем местность, над которой они летели в настоящий момент. Привыкнув по возможности полагаться на собственные глаза, Фарис слегка подалась вперед, чтобы посмотреть вверх. Невозможно было сказать, усилится ли свирепый шторм или опустится ниже. В последнем случае он мог серьезно осложнить посадку. Фарис решила не испытывать судьбу.

– Мне не нравится местность, – сказала она Ораму. – И я не могу четко сказать, как может поменяться погода. По эту сторону от сигнала есть несколько участков со спокойной водой. Во всех остальных местах кручи мешаются с обрывами. Я предлагаю действовать осторожно.

– Я – осторожный человек, Фарис, – Орам кивнул в знак понимания. – Ты – пилот. Твой выбор.

Это решило дело.

– Я приводняю корабль. Если кому-то охота прокатиться на водных лыжах – сейчас самое время. Только дайте знать, и я опущу рампу.

Даже если подобное было возможным, никто не стал ловить ее на слове. Членов команды и без того помотало достаточно для одного дня. Перспектива продолжать в том же духе для

собственного удовольствия не вызывала энтузиазма.

Длинное узкое ущелье, куда снижалась Фарис, могло бы стать идеальной посадочной площадкой, если бы его не заполняла вода. Впрочем, это не помешало пилоту мягко опустить модуль между голых скал. Потревожив и насыщенный влагой воздух, и холодную воду, корабль сел в озеро, подняв при посадке шлейф брызг. Замедляя ход, модуль повернул налево и замер недалеко от берега.

В последний момент раздался неожиданный глухой удар под днищем, заставив Фарис сморщиться. Сигналы тревоги молчали, означая, что корпус не пробит. Фарис осторожно отвела корабль в сторону, остановила его на мелководье у галечного берега и выключила двигатели. Никому из спутников не нужно было говорить, что она – лучший пилот, Фарис знала это и так. Это был просто факт.

Оказавшись наконец на твердой земле, прошедшие без потерь через ужасную бурю члены команды чуть ли не срывали с себя привязные ремни, спеша оказаться на берегу.

Несмотря на все навьюченное снаряжение, рядовой Коул несколько раз на пробу подпрыгнул, наслаждаясь грохотом ботинок о палубу.

– Настоящая сила тяжести!

На него наткнулась Розенталь, и Коул повернулся к ней.

– Я уже почти забыл это ощущение.

– Ударишь меня по плечу еще раз – и ощутишь еще больше, – предупредила Розенталь. – Помоги мне с мешком.

Экспедиция готовилась к выходу. Подгоняли рюкзаки, заряжали оружие, считали пайки. Каждый сначала проверял чужое снаряжение, а потом осматривал собственное.

В передней части, где Фарис занималась отключением питания модуля, затрещал коммуникатор. Несмотря на то, что теперь шторм бесновался высоко над ними, он все равно мешал и приему, и передаче.

«По крайней мере, – подумала Фарис, – хоть что-то пробивается».

– У нас сложности с приемом… найти… усилить сигнал?

Фарис узнала голос Апворт. Она могла только надеяться, что системам связи хватит мощности, чтобы пробиться сквозь водоворот электромагнитных помех над головой.

– Поняла. Чертовски сложный был вход в атмосферу. К тому же пришлось садиться на воду, и мы, возможно, на что-то налетели при посадке. Я собираюсь проверить, так что на какое-то время буду вне зоны прямой связи. Включу межкорабельный передатчик, и будем надеяться, что он заработает в обе стороны.

Пока Фарис говорила с «Заветом» в надежде, что ее услышат, к ней и Ораму присоединилась Дэниелс. Капитан вопросительно посмотрел на своего заместителя, и та протянула ему выпавший во время снижения шарик. Орам принял его и кивнул в знак признательности.

– Я бы скорее использовала лекарства в подходящей дозировке.

Орам поднял шарик вверх и только потом убрал его в карман.

– Шарики не являются наркотиком, всегда под рукой и не вызывают привыкания.

Дэниелс нашла бы, что возразить про последнюю часть, но решила промолчать, видя, что Орам смотрит наружу через иллюминатор.

– Насколько далеко нам идти?

Уолтер проверил данные.

– Источник сигнала находится в восьми километрах почти строго на запад, но существенно выше. Крутой склон, – он поднял глаза на Фарис. – Ты хорошо выбрала место. Хотя между нами и сигналом есть подходящие участки, на деле нам бы не удалось подобраться ближе без того, чтобы подвергнуть модуль риску.

– Знаю, – просто ответила та. – Это называется «пилотирование».

В отличие от большей части команды, Фарис зачастую была резка с синтетом. Она не знала, почему так. Уолтер был идеально вежлив, идеально отзывчив, идеально общителен. Идеально… идеален.

«Может быть, как раз поэтому».

По команде с мостика рампа по правому борту откинулась и, взбаламутив воду у берега, улеглась на гальку.

Первым вышел Уолтер. Из всей команды им было проще всего пожертвовать, к тому же он не нуждался в дыхательных приборах. Стоя на твердой земле, он огляделся по сторонам и сделал глубокий вдох. Не потому, что он в этом нуждался: Уолтер просто брал образец атмосферы для анализа внутренними системами.

Результат оказался положительным, как и остальные показатели. Уолтер передал данные на модуль.

– Он абсолютно уверен?

Дэниелс видела через лобовое стекло, как Уолтер проделал серию обычных действий: встал на колени, чтобы изучить зелень за пределами пляжа, набрал в ладони воду из озера, изучил несколько случайно выбранных камешков с края берега.

Орам нахмурился.

– Это Уолтер. Он или уверен, или нет. Среднего для Уолтера

не существует. Ты это знаешь.

– Да, верно. Хорошо, – она повернулась к основному отсеку, где команда совершала последние приготовления, и заговорила громче: – Уолтер говорит, воздух настолько хорош, что дыхательные аппараты нам не потребуются. Также ни следа местных болезнетворных микроорганизмов вплоть до молекулярного уровня и дальше. Так что обойдемся без костюмов полной защиты.

Одобрительные возгласы и восторженные крики, встретившие ее заявление, сотрясли модуль не хуже шторма.

Фарис, в надежде, что сообщение дойдет до «Завета», вернулась к комму и доложила:

– Воздух пригоден для дыхания. Даже лучше нашего родного, если верить Уолтеру. Совершенно земной, только без всех загрязняющих примесей. Я бы сказала «свежий», хотя Уолтер не стал бы использовать такое нетехническое слово. Никаких воздушных загрязняющих веществ. Девственно чистый.

«Воздух Эдема? – подумала она. – Нет, это было бы преждевременно».

Прежде чем продолжить доклад, она подождала, пока члены команды потянутся в направлении шлюза и откинутой рампы.

– Команда выдвигается, чтобы исследовать источник передачи. При необходимости я буду ретранслировать их сообщения. Если этот проклятый шторм не уймется, передатчикам защитных костюмов может потребоваться дополнительная мощность.

Апворт ответила немедленно, и Фарис испустила облегченный вздох. Может, в текущем виде связь земля-корабль оставалась неидеальной, но хотя бы работала.

– Попробуй дать на передатчик модуля больше энергии, дорогуша, – по голосу было понятно, что Апворт тоже испытала облегчение от стабилизации контакта. – Сигнал проходит, но все равно порой распадается. Чтобы тебя понять, приходится собирать кусочки, соединять и обрабатывать.

– Попытаюсь, – Фарис поднялась. Она счастлива была наконец-то иметь возможность стоять без риска впечататься в переборку. – Перепрофилирую главный транслятор. Мне нужно на время выйти, чтобы проверить, не поврежден ли корпус. Потом я попробую еще попинать передатчик. Теперь, когда мы приземлились, может, у меня получится перенаправить на него сколько-нибудь энергии.

Хотя покров облаков был достаточно плотным, чтобы закрыть дневной свет, снаружи было далеко не темно. Не слишком радостно, по мнению Фарис, которая вышла из корабля и

спустилась по рампе вслед за остальными, но не полный мрак. Все вокруг выглядело просто серым.

Пока команда занималась последними приготовлениями к походу, она прошла к задней части корабля, проверяя нижнюю сторону – насколько это было возможно, учитывая, что модуль сидел в мелкой воде. Затем Фарис осторожно обошла носовые и кормовые посадочные двигатели.

Вмятину было видно сразу, хотя для определения того, пострадали ли внутренние системы, еще предстояло запустить диагностику. Пока Фарис изучала вдавленный участок, подошел Орам, хлюпая ботинками по темной воде.

– Ладно, Фарис, мы выдвигаемся. Следуй всем протоколам безопасности для экспедиций. И берегись голодных динозавров.

Попытка проявить неуместную веселость оказалась так себе, но Фарис все равно оценила ее. Орам действительно начинал привыкать к своему статусу командира.

– Сделаю, – она посмотрела за спину капитана, на высокий склон в том направлении, где располагался источник сигнала. – Пока что не вижу никакого движения, в том числе динозавров. Весьма мирный пейзаж, – с этими словами Фарис снова вернулась к диагностике повреждений на корпусе модуля. – Развлекайтесь.

***

Орам, не торопясь, повернулся, оценивая окружающую местность. Озеро выглядело потрясающе. Оно напоминало ему картинки с земными ледниковыми озерами. Горы, которые обрамляли вытянутую водяную полосу, впечатляли не меньше, как и похожие на пихты и сосны деревья, росшие по склонам. Вид был прекрасен.

Кроме радующей его глаза красоты Орам не мог не отметить и царящий здесь покой. Фарис была права. Единственными звуками были шелест слабого ветра в скалах и траве, да еще еле различимый хрустальный звон от набегавших на каменистый берег волн. Не было слышно криков животных или птиц, или их экзотических аналогов. Несмотря на несомненную пригодность поверхности планеты для жизни, невзирая на приятные воздух, температуру и силу тяжести, ни в небе, ни в воде, ни на суше, ни в лесу не было заметно никакого движения.

Тишина.

Орам мысленно пожал плечами. Может, спусковой аппарат приземлился в особенно бесплодной зоне. Или местная фауна склонна к массовой миграции. Или впала в спячку в ожидании

более теплой погоды – и уменьшения количества бурь. Ему некогда было об этом думать. Они собрались не в зоологическую экспедицию. Две тысячи колонистов в гиперсне ждали исследования этой планеты. Ждали его, Орама, окончательного решения – которое он не мог принять, не получив ответов на некоторые вопросы.

Он вернулся на берег и присоединился к группе, терпеливо ожидавшей приказов. Орам указал рукой на нависающую гору.

– Если все готовы?.. – не получив возражений, он закончил:

– Ладно. Давайте отыщем нашего призрака. Уолтер?

Без единого слова синтет поднял многофункциональный прибор и двинулся вперед. Лопе прибавил шаг, чтобы оказаться перед проводником. Остальная часть взвода – Халлет, Коул, Ледвард, Анкор и Розенталь – разошлась в стороны, образовав стандартный полукруг. Дэниелс, Орам и Карин держались за спиной Уолтера.

***

Собирая необходимые инструменты стандартного набора для диагностики и ремонта, Фарис разговаривала с мужем по перенаправленному каналу.

– Никакого способа усилить сигнал?

– Нет, разве что выключить все полностью и запустить рециркуляцию ячеек, – ответила Фарис, выходя из модуля с набором в руках.

– Сколько это займет времени? – с надеждой спросил Теннесси.

Фарис брела по воде, пока не добралась до вмятины. При помощи инструмента, созданного специально для этой цели, она начала открывать люки для технического обслуживания. Фарис старалась одновременно оставаться на связи с «Заветом» и определить, что за работа ждет ее впереди.

– Не знаю. Несколько часов, – она выпрямилась и достала технический сканер. – Время, которое для этого потребуется, придется отнять от ремонтных работ, объема которых я пока что даже не представляю. В зависимости от повреждений, тут могут уйти минуты, а могут и часы.

Фарис не стала говорить «дни».

– Только бы не дни, – еле слышно пробурчала она себе под нос.

Теннесси, как она и предполагала, сделал логичный выбор:

– Не стоит того. Работа над модулем важнее, занимайся

сначала им. А я пока посмотрю, что мы можем сделать со своей стороны. Я попробую несколько экспериментальных алгоритмов резолюции, чтобы перехватить управление автоматикой. Посмотрим, не выйдет ли улучшить качество без необходимости увеличивать мощность сигнала.

– Ладушки, – после нескольких неудачных попыток открыть особенно неподатливый люк, Фарис решила проблему парой сильных ударов гаечным ключом. – Мне тут скучать не придется, – она искоса посмотрела наверх. – Судя по виду снизу, в небе все еще порядочно трещит, но до земли молнии не достают, и, по крайней мере, не идет дождь, – понадеявшись, что не накаркала, Фарис закончила: – Фарис, конец связи.

Когда сигнал оборвался, Фарис приостановилась, чтобы осмотреть внутренние участки модуля, которые открылись взгляду после ее усилий. Внезапное чувство тревоги заставило ее повернуться и оглядеть мрачный пейзаж. Причину Фарис поняла незамедлительно.

Всему виной была проклятая нерушимая постоянная тишина.

8

Дэниелс прошла вперед, так, чтобы оказаться рядом с Уолтером. Поднявшись по покрытому слабой растительностью склону, команда вышла на плоское поле с какой-то высокой травой. Сменившее зелень бледное золото шло волнами в полном согласии со слабым ветром.

Несмотря на все более нервирующую тишину, Дэниелс была рада, что трава не издавала никаких звуков.

Подняв взгляд, она заметила, что двое из службы безопасности остановились. В полном противоречии с принятыми в экспедициях правилами сержант Лопе отломил пальцами верхушку золотистого стебля и, прежде чем Дэниелс успела возразить, растер добычу между ладонями, поднес к лицу и подул. Ветер подхватил шелуху и унес ее к горам. После этого Лопе, к изумлению Дэниелс, попробовал на язык то, что осталось у него в руке. Она задержала дыхание. Даже Уолтер поднял взгляд от своих инструментов и пристально наблюдал за сержантом. Лопе заметил тревогу Дэниелс, успокаивающе улыбнулся и обвел рукой поле, на котором они стояли.

– Это пшеница. Обычная, ничем не примечательная, банальная хлебная пшеница. Я родился в месте, которое когда-то называли Айова. Поверь, пшеницу я узнаю, – он попробовал еще зерен и задумался. – Это старый, примитивный вид, но совершенно точно культивированный. Слишком богатый вкус для случайной мутации или дикой пшеницы.

– Ты уверен?

Сержант слизнул с пальца остатки.

– Я не слишком много понимаю в параллельной эволюции, но должен сказать, что найти здесь то, что по вкусу почти точно соответствует зерну, которое я пробовал ребенком – это то еще совпадение, – он посмотрел на синтета. – Уолтер, что думаешь? Каковы шансы обнаружить земное растение на таком расстоянии от Земли? Не говоря уже о селекционном съедобном виде.

Ответ Уолтера был лаконичен:

– Крайне маловероятно.

Сержант коротко фыркнул.

– Я бы сказал, вероятность в ноль процентов.

– Итак, – высказалась Дэниелс. – Понятно, что растение не само тут появилось… кто его посадил?

На это ответа не нашлось ни у кого. Никто не высказал даже предположения. Поскольку ответа на эту загадку не нашлось, команда продолжила путь вверх по пшеничному полю, к плотному ряду росших вдали деревьев. Вокруг волновались под ветром колосья пшеницы, неспособные раскрыть тайну своего невероятного присутствия.

– Хорошее место для бревенчатого дома, – Уолтер оглянулся, проверяя, как далеко они ушли от модуля. – Есть деревья, которые можно рубить. Даже озеро.

Дэниелс испытала чувство признательности за сочувствие.

«Точнее, – поправила она себя, – за холодную расчетливую попытку смягчить напряжение, которое я испытываю».

Как бы там ни было, она ответила:

– Да. Джейкобу здесь понравилось бы.

К ним подошел Орам. После безопасной посадки без происшествий капитан чувствовал себя уверенно и вел себя оживленно, что обычно было ему несвойственно. Впрочем, за исключением бури в верхних слоях атмосферы, все, что они обнаружили к данному моменту, превосходило его ожидания.

– Что скажешь, Дэниелс? – спросил он. – Похоже на идеальную зону высадки, – жестами он на ходу обрисовал новое поселение. – Сборные жилые дома вон там, административные модули с другой стороны. Уже есть естественный источник пищи – я думаю, что заключение Лопе подтвердится. Также присутствует крупный источник свежей воды, нет нужды в колодцах.

– Мы не знаем, насколько озеро глубокое, – пробурчала та. – Может, площадь поверхности большая, а объемы при этом невелики.

– Провести необходимые измерения несложно, – Орам, которого возражение не тронуло, ухмыльнулся и покачал головой. – Играй в пессимиста, если хочется, – он сделал глубокий вдох. – Этот воздух можно бутилировать и продавать на Землю. Деревья, камень для строительства, вероятно еще и обычный для планет такого типа набор минералов и металлов, – Орам пытался заглянуть ей в глаза. – И даже если озеро окажется мелким, есть десятки других. Просто добавь воды – и получишь колонию быстрого приготовления!

– Признаю, что мир кажется перспективным, – уклончиво ответила Дэниелс. – Посмотрим.

Орама ее упрямство позабавило, и он негромко рассмеялся:

– О, маловерная!

Одарив ее еще одной нетипично широкой улыбкой, Орам зашагал шире, догоняя Лопе и Халлета. На ходу он чуть ли не подпрыгивал.

К Дэниелс подошла Карин и посмотрела вслед Ораму.

– Знаю, он невыносим, а когда доволен, то становится еще хуже, – увидев, что Дэниелс собирается ответить, Карин ее остановила: – Что бы ты ни собиралась сказать, поверь, я знаю. Я с ним живу, помнишь?

Она заговорщицки улыбнулась и поспешила вперед, чтобы догнать мужа.

Пшеничное поле перешло в вечнозеленый лес, который вскоре стал совсем густым. Вокруг группы сомкнулись высокие толстые стволы, из земли выступали бугристые, почти сферические вершины корней. Деревья закрывали серое небо, приглушали краски. Одновременно склон пошел вверх, и идти стало сложнее. В некоторых местах приходилось делать крюк в сторону, чтобы не карабкаться на крутой обрыв горного склона.

Из-за этого Дэниелс снова вернулась к самой заметной особенности окружающего мира – той, что беспокоила ее с самого момента высадки.

– Ты слышишь?

Орам, который шел неподалеку, прислушался и нахмурился:

– Что?

– Ничего. Все еще ничего. Нет птиц. Нет зверей. Нет даже насекомых. Ничего нет. В таком зеленом и заросшем лесу должны быть какие-то звуки, хотя бы просто хруст сухих листьев под лапами – даже если все живое просто пытается от нас убежать. Но лес просто пуст. Здесь ничего нет.

Лицо Лопе изменилось, словно наблюдение Дэниелс выбило его из колеи. Отсутствие жизни на открытом берегу озера не было таким уж неестественным. При появлении незнакомых существ на открытом пространстве местные животные могли убежать, затаиться и спрятаться. Но к богатым пищей областям вроде того пшеничного поля или здорового леса, по которому сейчас пробиралась группа, это не относилось.

«Предположительно здорового леса», – мысленно поправилась Дэниелс.

Полное отсутствие фауны говорило об обратном. Пока она оглядывалась, Лопе пристроил карабин на плече поудобнее и убедился, что магазин плотно сидит в гнезде.

– Как могут растения существовать без животных? – вслух удивился Анкор, который шел позади руководителей экспедиции.

– Обычно – никак, – ответил Уолтер и указал туда, откуда они пришли. – Что занятно, с пшеницей подобное возможно. Она

относится к само-опыляющимся растениям. Это может объяснить, почему она так разрослась при отсутствии насекомых, птиц или летучих мышей.

Дэниелс, которой становилось все больше не по себе, не могла оторвать взгляда от нависавших деревьев. Невозможно, чтобы мир населяли только растения – особенно развитые растения, наподобие пшеницы или хвойных деревьев. И тут она поняла, что еще заставляло ее нервничать. Ей казалось, что за ней наблюдают. Подумав о том, не испытывают ли остальные того же, она огляделась. И выражения лиц спутников вполне подтвердили ее догадку.

Группа набрела на ручей, и это слегка подняло настроение Дэниелс: он оказался совершенно привычным и нормальным. Ручей, полный жизни и движения, которых не хватало в лесу, каскадом прыгал по горному склону. Веселый водный плеск разбивал пугающую неподвижность, будто донося отголосок земного уюта.

В наушниках, контрапунктом к песне ручья и мыслям команды, раздался озабоченный голос Теннесси.

– Разведочная партия, как слышно?

Орам ответил подтверждением, и Теннесси продолжил:

– Мать говорит, что ионная буря усиливается. Может, на земле этого не заметно, но нам тут чертовски непросто вас отслеживать. Ваша позиция?

– Мы почти на полпути к цели, – ответил Орам. – Оставайтесь на связи, следите за переговорами, когда мы туда доберемся.

***

На орбите Теннесси разобрал все, что был в силах, из передачи снизу. После ответа капитана и аудиосигнал, и голографическая карта местности растворились в пелене помех. Как минимум на время связь с поверхностью и с полевой командой умерла.

– Проклятье, – пробормотав это, он перешел к своему пульту, намереваясь продолжить битву с непокорными алгоритмами.

***

У внешней оболочки модуля Фарис продолжала работу над узлами, которые виднелись в открытых люках. В стерильных ангарах «Завета» она бы справилась быстро, но сейчас Фарис

стояла по лодыжки в воде, ей приходилось наклоняться просто для того, чтобы увидеть проблемный участок, и в итоге работа отнимала много времени и раздражала. И ноги, как она успела оценить, были плохой заменой силовому подъемнику. А еще требовалось защищать открытые люки от случайных брызг, принесенных ветром. Она успела дважды поскользнуться на отполированных водой камнях, промокла и замерзла.

Невзирая на трудности, Фарис в процессе работы следила за связью между поверхностью и орбитой. Когда на несколько повторенных запросов «Завету» ответили только взрывы статики, она переключилась на наземный передатчик.

– Капитан Орам, я думаю, они потеряли сигнал. Но я, если вас это утешит, слышу просто отлично, милый. Ваша веселая компания все так же в норме?

– Понял, милая, – вернул шутку Орам. Капитан, насколько могла судить Фарис, определенно расслабился после прибытия на планету. – Здесь все тихо. Густые дебри, похоже на обычный лес где-то на родине. Из тех, что сохранились в заповедниках. Еще кое-какие похожие детали. Все это будет включено в доклад, и ты сможешь расспросить любого члена команды о подробностях, когда мы вернемся. Держи канал открытым и постарайся восстановить связь с кораблем.

– Да, да, – Фарис опустила взгляд и заметила, что вода перекатывается через носки ее ботинок. Хотя они были водостойкими, через легкую синтетическую ткань она все равно ощущала холод. – Но тут, просто чтобы вы знали, поднимается прилив. Не сильно. Пока что только пара сантиметров. Полагаю, две луны выстроились в линию.

– Понял. Не промокни. Орам, конец связи.

Вскоре вода хлюпала вокруг ботинок и угрожала подняться к лодыжкам.

– Да уж, не промокни. Спасибо, козел.

***

Подъем, который ждал впереди, казался еще круче предыдущего. Карин, будучи измотанной как изнурительным спуском в модуле, так и дальним походом, нашла повод вывесить пресловутый белый флаг.

– Кристофер, я хочу остаться здесь. День был дьявольски тяжелым, и я устала от ходьбы. Я хотела бы остановиться и для разнообразия заняться наукой, – она обвела рукой окрестности. – Этот ручей не просто составляет нам хорошую компанию, но и

может оказаться источником образчиков местных малых жизненных форм. Особенно учитывая, что крупные нам не попадались. Может статься, это лучшая возможность провести полное экологическое исследование до темноты. Я не могу нормально работать на ходу. Вы можете подобрать меня на обратном пути, хорошо?

Орам обдумал просьбу с учетом окружающего леса. Безусловно, пока они не видели ничего угрожающего.

«На самом деле, – подумал он, – мы пока что вообще ничего не видели. Если Карин обнаружит здесь жизнь любого вида, хотя бы и на микроскопическом уровне, это определенно принесет пользу».

Он подозвал Лопе.

– Сержант, моя жена хочет остаться здесь и заняться исследованиями на местности.

Начальнику службы безопасности не требовалось растолковывать сказанное. Лопе махнул рукой Ледварду. Рядовой снял с плеча тяжелую винтовку F90 и рысцой подбежал к ним.

– Ледвард, похоже, что леди хочет заняться настоящей наукой. Оставайся с ней и прикрывай спину, – он сверился с данными на наручном экране. – Если первичная топографическая карта окажется точной, мы должны вернуться сюда через четыре часа. Хотя это зависит от того, что мы обнаружим в точке назначения. Держи канал связи и глаза открытыми.

Ледвард, который выглядел очень довольным возможностью сделать перерыв в бесконечном подъеме, с готовностью кивнул. Когда команда двинулась дальше, Орам, проходя мимо, дружески хлопнул рядового по плечу.

– Веди себя как следует с моей женой.

Не будучи уверен, как следует отреагировать – улыбнуться, нахмуриться или ответить что-нибудь умное, – Ледвард ограничился простым кивком.

***

По мере восхождения лес становился все гуще, деревья – все более внушительными. Дэниелс, карабкаясь вверх, обратила внимание, что сосны и пихты уступили место секвойям. Деревья были огромными и толстыми – и слишком знакомыми на вид. Размер говорил о возрасте, и получалось, что лес очень стар. Еще предстояло взять образцы и сравнить их с генетической базой данных на «Завете», но некоторые деревья казались похожими на земные виды, а то и абсолютными копиями того, что она видела

на Земле.

И в лесу все еще было тихо, за исключением случайных порывов ветра, которые тревожили тонкие ветки. Когда с одного дерева упала шишка, это произвело эффект взорвавшегося фейерверка. Все резко обернулись на звук, прежде чем продолжить путь. В этот миг Дэниелс готова была отдать месячную зарплату, лишь бы увидеть инопланетную белку.

Из-за мертвой тишины первый сломанный ствол, на который они наткнулись, показался тем более удивительным. Дэниелс осматривала дерево, гадая, что могло послужить причиной повреждений. Картинка в ее сознании сопровождалась определенным звуком. За одним сломанным стволом встретился другой, за ним – третий. Обломаны были только верхушки высоко над головами людей. Целая улица огромных деревьев с побитыми и поломанными стволами проходила через лес по прямой. Деревья по обе стороны этой прямой линии выглядели опаленными невероятным жаром. На тех, что располагались глубже в лесу, виднелись узлы и наросты, явно появившиеся поверх похожих повреждений.

Чем дальше продвигалась группа, тем ниже были обрезаны деревья.

Что-то большое опустилось с неба под острым углом и пробило просеку через лес.

– Тут пролетел какой-то объект, – Лопе провел рукой по толстому высохшему обрубку, глядя на неровный срез. – Снял верхушки у деревьев, а потом врезáлся все глубже и глубже по мере снижения.

– Наверняка корабль, – аккуратно переставляя ноги, чтобы не потерять равновесия, Дэниелс разглядывала один сломанный ствол за другим.

– Почему обязательно корабль? – нахмурился Анкор. – Почему не метеорит или кусок астероида?

Дэниелс покачала головой.

– В таком случае мы бы шли по кратеру, а здесь поверхность ровная, – она указала вперед. – Даже под таким пологим углом подобная штука при падении проделала бы чертовски большую дыру. И вокруг не осталось бы никакого старого леса. Все бы сровняло с землей, а деревья повалило в направлении, противоположном нашему.

– Корабль, – Орам посмотрел на Дэниелс. – Должно быть, огромный.

Лопе без лишних слов снял ружье с предохранителя. Этого хватило, чтобы подчиненные последовали его примеру и сдвинулись так, чтобы занять более пригодные для обороны

позиции. Разумеется, ничто здесь не представляло угрозы, за исключением порывистого ветра и случайной упавшей ветки, но сержант не любил рисковать и не полагался на авось. В основном поэтому он был все еще жив.

Теперь, когда склон горы к общему облегчению стал чуть более пологим, Дэниелс и Орам позволили себе немного расслабиться. Но не Лопе. Что до Уолтера, то он воспринимал расслабленность как одно из множества человеческих состояний, которые он мог осознать, но не разделить.

Впереди должно было что-то быть. Оглядывая округу, Дэниелс не могла отделаться от этого чувства. Этот мир был слишком удобен, слишком плодовит – как минимум в ботаническом смысле, – чтобы в нем полностью отсутствовала животная жизнь. На секунду у нее мелькнула дикая мысль, что вся местная фауна может оказаться невидимой, но Дэниелс сразу от нее отмахнулась, испустив нервный смешок. Даже невидимые существа производят звуки.

***

Оставшись далеко позади, Карин счастливо заполняла пакеты и пробирки образцами почвы, воды и растительности. Открытые сумки для геологических проб ждали своей очереди у ручья.

Она пока что не обнаружила живых существ достаточно больших, чтобы их можно было увидеть невооруженным глазом.

– С нетерпением жду возможности отнести образцы на «Завет» для подробного анализа, – сказала она Ледварду.

Рядовой смертельно заскучал уже через пять минут. В отличие от погруженной в работу женщины, его совершенно не интересовало изучение деревьев, воды и грязи. Вокруг даже не двигалось ничего такого, что позволило бы ему потренировать меткость. Бегущая вода и стремительно несущиеся облака на роль подходящих мишеней не годились. По крайней мере, у ручья можно было посидеть в покое. Оглянувшись, Ледвард убедился, что жена капитана занята набором почвы в маленькую пробирку. Она совершенно не обращала внимания на его присутствие, словно рядовой стал частью пейзажа. Его это устраивало. Ледварда никогда особенно не привлекали светские или ученые беседы.

Значит, она не станет возражать, если он отойдет в сторону и на время загрязнит крошечный участок местной атмосферы курительной палочкой. Ледвард закурил, нашел годный плоский камень и сел. По пути рядовой взрыхлил небольшой участок

темной земли, кажется, покрытый плесенью. Это вполне могло заинтересовать женщину, которую охранял Ледвард. И еще больше ее бы заинтересовала яйцеобразная штука, которая хрустнула под каблуком его ботинка. И особенно любопытным могло бы показаться маленькое облачко пылинок, которое вырвалось из яйца.

Ветер его не унес, и пыль поднималась все выше, пока не зависла перед лицом Ледварда. Тот раздраженно помахал рукой, пытаясь ее разогнать, но пылинки оказались упрямыми. Сделав вдох, он выдул в их направлении струйку дыма. Большая часть пыли рассеялась, растворилась в воздухе.

Ледвард задумчиво рассудил, что это может заинтересовать ученых.

«Надо не забыть им рассказать».

Оставшиеся пылинки не разлетелись. Вместо этого они сбились плотнее, образовав некую фигуру сбоку от его головы. Облачко было настолько маленьким и рассеянным, что Ледвард его не заметил. Рядовой продолжал смотреть за ручей. Он намеревался предаваться праздности, пока это позволяют женщина-начальник и сержант Лопе.

Бесшумное, подобно остальным деталям пейзажа, облачко парило рядом с виском Ледварда. Оно поднималось, опускалось, подлетало все ближе, а потом вытянуло подобие щупальца. Отросток был совсем крошечным. Как и яйца, которые он отложил в ухо Ледварда. Легкий зуд, неизмеримо слабее появляющегося после укуса москита, заставил человека безотчетно потереть ухо. Он об этом даже не задумался. Поиск патогенных организмов показал, что в этом мире не было ничего, о чем ему стоило беспокоиться.

– Ледвард.

При звуке собственного имени он вскочил и повернулся так резко, что споткнулся и едва не угодил в ручей. Жена капитана стояла поодаль и смотрела на него.

– Мне нужна твоя помощь. И лучше бы ты не курил.

Не задумавшись, как это может повлиять на чистый источник воды, Ледвард торопливо бросил окурок в ручей и направился к Карин. Спеша избавиться от улики, он совершенно забыл о происшествии. Все равно, скорее всего, это было лишь облачком пыли.

9

Поднялся промозглый туман и наполовину скрыл мешанину переломанных деревьев, через которые с трудом пробиралась группа. Одновременно с этим местность стала рельефнее и снова резко пошла вверх. Туман еще больше замедлил продвижение, сделав поверхность под ногами предательски скользкой.

Лопе это совершенно не понравилось. Он всегда учитывал потенциальную необходимость держать оборону, и густой лес был ему не по душе. А теперь, скрытый пеленой, он нравится сержанту еще меньше.

В тумане раздалось гудение. Его издало не горло неведомого инопланетного организма, а прибор, который нес Уолтер. Синтет нахмурился, читая показания.

– Что-то впереди? – поторопил его с ответом Лопе.

– Нет, – Дэниелс стояла рядом с Уолтером и изучала тот же экран. – Не впереди. Стоп.

Сержант махнул подчиненным, чтобы те остановились.

Порывы ветра колыхали влажный густой туман. То тут, то там показывались валуны, поваленные деревья, участки горного склона. Розенталь ступила в лужу и немедленно замерла, испугавшись, что могла что-нибудь спугнуть.

– Не впереди, – повторила Дэниелс и резко вскинула голову. – Над нами.

Из-за тумана вокруг они ничего не видели, пока не оказались буквально под объектом.

«Или, как минимум, под его частью», – благоговейно подумал Лопе.

В небо под углом уходили две гигантские асимметричные лапы. Они словно тянулись к чему-то невидимому.

«И это не деревья, – подумала Дэниелс. – Это части рукотворной конструкции, огромной и незнакомой. Но какой именно?»

Они снова двинулись вперед. Каждый участник экспедиции время от времени поднимал взгляд на неясные очертания изогнутых дугой выступов. Вскоре путь преградил какой-то гладкий, будто даже отполированный объект, покрытый бороздками. Дэниелс задрала голову, но не смогла разглядеть его

вершины. Огромная стена? Но зачем она здесь, на горном склоне?

Подошел Уолтер и провел рукой по поверхности. Вздутия того же цвета, что и остальной объект, говорили о наличии многочисленных кабелей. Каналы были настолько плотно встроены в структуру, что казалось, будто они из нее выросли. Или вросли. На пробу Уолтер постучал по одному из них костяшками пальцев, потом взглянул туда, откуда пришла экспедиция.

И дуги, и стена лежали точно на обозначенной сломанными деревьями линии. Те стволы, которые находились ближе всего к людям, были обломаны почти у самой земли. Искусственное происхождение похожего на стену объекта в сочетании с углом, под которым шли разрушения, привели его к предположению:

– Я бы сказал, основываясь на некоторых признаках, что мы нашли некое транспортное средство. Корабль.

– Если так, то это дьявольски огромный корабль, – проворчал Лопе. И продолжил, имитируя голос синтета: – Я бы сказал, основываясь на некоторых признаках, что корабль совершил… не слишком мягкую посадку.

Розенталь рассмеялась, но смех вскоре умер, задушенный туманом и подавленный значением их находки.

Они стояли и смотрели. Туман рассеялся в достаточной мере, чтобы люди могли полностью разглядеть одну из длинных дуг, проходивших над их головами. Она под острым углом выступала из склона горы. «Стена», на которую набрела Дэниелс, являлась частью корпуса. Корабль – как участники похода уже начинали думать об артефакте – частично похоронил себя в горе. Это, вместе с улицей срезанных деревьев, позволяло судить о силе, с которой корабль врезался в землю. Все были так потрясены открытием, что даже вздрогнули, когда по общему каналу резко прозвучало сообщение рядового Коула:

– Сэр, кажется, мы обнаружили вход.

***

Вход на корабль, если это был он, выглядел громадным, темным и непривлекательным. И по-чему-то походил на элемент женской анатомии. Лучи фонарей прощупывали черно-серый коридор, пытались найти какие-нибудь объекты, от которых могли бы отразиться.

Дэниелс, чье внимание было сосредоточено на маленьком круге, образованном ее собственным фонариком, не могла определить, сделан ли корабль из металла, пластика, стекла или

чего-то органического по природе. То, что казалось опорными стойками, легко могло оказаться ребрами какого-то огромного зверя, по внутренностям которого блуждали люди. Все вокруг было тронуто мраком. Все вокруг выглядело мокрым.

Лопе без колебаний вошел первым – такова была его работа. Луч его фонаря не выхватывал никакого движения, не было даже мелких животных вроде червей или насекомых. Тишину нарушали только звук падавших с края входного отверстия капель и случайные порывы ветра.

Иногда ветер задувал внутрь, иногда шел изнутри.

«Как мехи, – подумала Дэниелс. – Как дыхание».

– Анкор, Коул! – рявкнул Лопе. – Караульте вход. Не заходить внутрь, не уходить. Если произойдет что-то необычное – что угодно, – сообщайте немедленно.

Со стороны рядовых, которые были более чем счастливы остаться снаружи, возражений не последовало. Подняв карабин, сержант включил лазерный прицел и двинулся внутрь по указанному красным лучом пути.

Дойдя до еще более обширного открытого помещения, команда приостановилась, чтобы осмотреться. Тьму прорезали лазерные прицелы и лучи фонарей, люди пытались оценить протяженность залы. Под ботинком Дэниелс что-то сдвинулось, и женщина негромко ахнула и отдернула ногу. Фонарь высветил какие-то осколки. Дэниелс провела лучом дальше и поняла, что они некогда составляли что-то вроде черной урны. Неподалеку обнаружились еще такие же. Большинство раскололись или опрокинулись, но некоторые стояли целыми. Не все обломки здесь остались твердыми и негнущимися – кое-что размягчилось с годами. Посреди разрухи раскинулись ковры чего-то похожего на черную плесень. В них виднелись крошечные гроздья более крупных и плотных объектов.

Халлет с любопытством нагнулся и протянул палец, чтобы дотронуться до одного из этих образований, но немедленно получил суровую отповедь от Лопе.

– Эй, – сержант медленно покачал головой. – Не трогай.

Отдав приказ, он пошел дальше.

***

Халлет выпрямился и собрался последовать за сержантом, как вдруг заметил движение. Один из крошечных овоидов пошевелился сам по себе? Или просто по комнате пронесся порыв ветра?

Он помедлил. Это могло оказаться важным. Может, на его счет даже запишут серьезное открытие.

– Парни…

Остальные уже прошли дальше, следуя за Лопе. Несмотря на это, Халлет приостановился, раздумывая, что ему делать. Конечно же, нечто столь маленькое не могло представлять угрозы. Мысль о том, что он может оказаться первым человеком, совершившим крупное открытие в этом новом мире, опередив даже ученых, была очень заманчивой. Его товарищи уже пропали из виду, но лучи фонарей, которые ощупывали стены и пол, были хорошо заметны. Остальных легко будет догнать.

Он снова наклонился вперед…

***

Темное внутреннее пространство корабля было лишено света, но не воды. Она стекала по неровным полам тонкими, почти бесшумными струйками, местами собираясь в мелкие лужи. Команда не обращала на них внимания; изредка раздавался плеск, когда они перебирались через более глубокие участки.

В очередном коридоре они наткнулись на то, что Дэниелс поначалу приняла за скульптуры. При более внимательном осмотре предметы оказались комбинезонами. На первый взгляд невозможно было сказать, являются они космическими скафандрами, защитными костюмами, одеждой для выполнения обыденных обязанностей или снаряжением для задач, которые она не в состоянии была представить. Больший интерес вызывало то, что костюмы были созданы для существ, куда больших по размеру, чем люди. И в основном гуманоидной формы: с двумя руками, двумя ногами и головой. Пропорции тоже походили на человеческие.

Но больше, гораздо больше.

К Дэниелс присоединился Уолтер, который внимательно разглядывал все вокруг, делал заметки и снимал показания с приборов без помощи дополнительных инструментов. Он ничего не сказал, а Дэниелс не стала ничего спрашивать. Как обычно, если бы у Уолтера было на уме что-то важное, его не пришлось бы упрашивать это озвучить.

Орам рассматривал промозглое окружение со все большей тревогой. Он сунул руку в карман, достал шарики и начал катать их между пальцами. Резкое позвякивание оказалось еще более пугающим, чем нарушенная им тишина.

***

Задержавшийся позади Халлет, подумав, решил ничего не предпринимать. За все то время, пока он служил в службе безопасности «Завета», не было ни одного случая, когда игнорировать приказы Лопе являлось хорошей идеей. Пусть идея приписать себе важную находку и казалась соблазнительной, возможно, в данном случае лучше было оставить подобные исследования тем, у кого больше опыта.

В конце концов, его все равно отметят, если он укажет ученым на эту штуку на обратном пути. Так что он сделал шаг назад, прочь от небольшого круглого объекта, который рассматривал. И случайно задел ботинком еще один, наполовину утонувший в плесени позади него.

Сфера рассыпалась облаком пылинок.

Взлетев, они быстро образовали микроскопическую форму, которую трудно было бы заметить даже при ярком солнечном свете. В темноте она была совершенно невидима.

Фонарь Халлета мог оказаться достаточно мощным, но он направил его в другую сторону, готовясь догонять остальную команду.

Пылевое образование повисело рядом с его головой, словно задумавшись. Словно изучая. Потом резко метнулось вперед и скользнуло в ноздрю. Сформировалась похожая на яйцеклад трубочка. Запустился механизм, работа которого не осталась полностью незамеченной.

Халлет потер нос, не придав произошедшему значения. Кто-то подошел к нему спереди – это оказался Лопе, чья тревога быстро сменилась раздражением.

– Эй, Том, не отставай! – рявкнул он. – Тебя что, на поводке держать?

– Да, хорошо. Простите, сержант. Я просто осматривался.

– Мы все «осматриваемся». Потому-то мы сюда и пришли, а не остались на корабле. Просто давай не терять друг друга из виду, пока осматриваемся, ладно? – он заговорщицки понизил голос: – Наши умники любят блуждать где-то в одиночку. Я не хочу, чтобы кто-то из моих ребят поступал так же. Особенно ты, Том.

Ничего больше не сказав, они поспешно вернулись к остальным.

***

Следующее помещение оказалось гигантским. В отличие от тех, через которые они проходили прежде, потолок здесь был полукруглым, куполообразным. Его поддерживали изгибающиеся стены, на которых не обнаружилось и следа стыков, сварных швов или каких-нибудь внутренних опор.

Пологий пандус вел на огромную платформу, которая поднималась точно из центра пола. На ней располагалась консоль, изгибавшаяся вокруг впечатляющего прибора, который с равным успехом мог оказаться оружием, телескопом или каким-то инструментом, чье назначение с первого взгляда оставалось неясным. Рядом стояло кресло. Когда команда, грохоча ботинками по пандусу, подошла ближе, все увидели, что оно пустое. Обнаружились также расположенные на равном расстоянии одна от другой четыре большие капсулы, словно выросшие прямо из платформы. Капсулы были закрыты, и их покрывали глубоко врезанные, не поддающиеся расшифровке письмена. Еще рано было судить, являлись ли они аналогом камер гиперсна, что устанавливались на «Завет», или чем-то еще, но сходство оказалось достаточным, чтобы по спине Дэниелс побежали мурашки.

Очевидное различие крылось в размере. В сравнении со здешними те, что остались на борту материнского корабля, казались игрушечными. Дэниелс страстно пожелала прочитать покрывавший капсулы текст.

***

Пока Розенталь при свете фонаря рассматривала артефакты, Орам поднялся к центральной консоли, чтобы изучить расположенные на дуге мертвые приборы. Консоль обходилась без кнопок, переключателей, мониторов или иных легко узнаваемых элементов управления. Только встроенные в нее полусферы разных размеров намекали на возможные способы отдачи команд.

Хотя он старался ничего не трогать, проявленная осторожность оказалась бессмысленной. Инженерное искусство, создавшее панель, не полагалось на нечто столь примитивное, как непосредственный физический контакт.

Рука Орама прошла над тусклой инкрустацией, и… точно там, где стояла Розенталь, возникла голограмма. Женщина от неожиданности отпрыгнула на свободное место, позволив изображению проявиться полностью. Несмотря на размытость, оно определенно принадлежало человеческой женщине.

Голограмму сопровождал звук, который теперь был в равной степени таинственным и привычным. И тревожным.

– Проселочные дороги, верните меня домой, туда, где место мое. Западная Вирджиния, горная мамочка, верните меня домой, проселочные дороги…

Стараясь разобрать слова, Орам не мог не ощутить тоску, крывшуюся в изначально позитивной мелодии.

– Вслушайся в этот голос, – пробормотал он под песню, отражавшуюся от стен огромной чаши. – Сколько в нем сожаления. И муки.

– Лично меня эта песня, мать ее, точно замучила, – мрачный голос Розенталь сильно выбивал из колеи, и ей было все равно, что она, образно говоря, наступила на горло капитанской песне. – Какого дьявола она тут делала? Как вообще попала на чужой корабль, потерпевший крушение в чужом мире? Бедолага, – она подняла тяжелое ружье F90, такое же, как те, что носили Ледвард и Коул. – Капитан, мне это совершенно не нравится.

Орам не ответил. Он завороженно наблюдал за тем, как голограмма перемещалась по комнате. Фигура оглянулась через плечо и замолчала на долгий миг. Насколько Орам мог судить, она выглядела встревоженной – или испуганной. Потом пение возобновилось, такое же призрачное, как бесплотная певица.

– Если бы я здесь застряла, – добавила себе под нос Розенталь, – я бы тоже хотела домой. Даже в Западную Вирджинию, где она там есть. Или была.

Не в силах больше сдерживать любопытство, Орам подошел к фигуре. Голограмма не обращала на него внимания и продолжала свою тоскливую песнь. Орам провел сквозь нее рукой, и все исчезло – и изображение, и звук.

Розенталь, которая была по горло сыта привидениями, обратила внимание на огромное, стоявшее под углом кресло в центре комнаты. Забравшись в него, она направила луч фонаря на то, что казалось дополнительными приборами. Как уже убедился Орам, все они, подобно остальному кораблю, были погасшими, мертвыми. Приборы не реагировали ни на свет, ни на движения, ни даже на касание руки. Все, до чего она дотрагивалась, было холодным, как вода, которая капала и стекала по подозрительно походившим на живые структуры коридорам корабля.

– Господи, – пробормотала она, вспомнив найденные в коридоре костюмы и сравнив их с размером панели. – Они были великанами.

– Может, и нет, – Лопе, которого всегда было непросто впечатлить, изучал внешнюю сторону сиденья-панели. – Может, они были нормального размера, а мы – раса лилипутов.

Орам поморщился.

– Боюсь, я не верю в великанов.

На груди Розенталь на цепочке висел древний символ – звезда Давида. Запустив руку под рубашку, она достала подвеску, поднесла к губам и поцеловала. Хотя и сделанная из металла, подвеска была теплее корабля.

– Я – верю, – просто сказала она.

***

Недалеко ушедшие в боковой коридор Дэниелс и Уолтер нашли несколько ниш меньшего размера. По большей части там хранились гладкие, скрученные предметы неясного назначения. Но один из альковов, что поразило и человека, и синтета, был переделан в подобие жилой комнаты – для человека. Уолтер прошел дальше, чтобы осмотреть другую нишу дальше по коридору, но Дэниелс задержалась и направила внутрь луч фонаря. Ее внимание привлек золотой отблеск. Распятие было последним, что она ожидала увидеть на инопланетном корабле, но ошибки тут быть не могло. С изогнутого куска кабелепровода свисал на цепочке простой золотой крестик.

– Сюда. Я кое-что нашла, – подозвала она Уолтера.

Как всегда соблюдая осторожность, Дэниелс подождала возвращения синтета, чтобы войти внутрь вдвоем. Альков переделали в нечто вроде корабельной каюты. Поставили кое-какую мебель: явно самодельные кровать, стол и стул. Влажность плохо отразилась на всем, что было органическим по природе, но золотое распятие и цепочка выглядели будто новые, хотя и нуждались в чистке.

Однако этого нельзя было сказать о заплесневелой пачке переплетенной бумаги, которая лежала на столе. Дэниелс не могла и представить, как и откуда тут могла взяться бумага. Ей подумалось, что ее могли изготовить прямо здесь. Древесины для изготовления бумажной массы определенно было более чем достаточно. Дэниелс не могла вспомнить, чтобы ей доводилось где-то видеть переплетенную бумагу кроме как в музее. И вот она нашлась в самом невероятном из всех возможных мест. К несчастью, по большей части пачка сгнила из-за постоянной влажности, и содержимое стало не разобрать. Но на переплете все еще оставались рельефные буквы.

– Доктор Элизабет… Шоу, – вслух произнесла Дэниелс.

Уолтер заметил рядом прозрачный кубик. В свете фонаря внутри проявилось изображение двух улыбающихся людей.

– Это она?

Подойдя к нему, Дэниелс подняла куб и всмотрелась в картинку. Женщина и мужчина, замороженные во времени, пространстве и прозрачном материале, смотрели на нее в ответ.

– Раз оно здесь, в этой комнате, и стоит недалеко от журнала с ее именем, это кажется вероятным. Но я не уверена.

Пока она смотрела на изображение, Уолтер обводил лучом фонаря другие области каюты-алькова. Обнаружилась аккуратно сложенная одежда, часть которой истлела подобно бумажному журналу, просто не так быстро. Личные вещи. Несколько мелочей, вероятно, собранных по отдаленным уголкам корабля. Шлем. Когда фонарь осветил эмблему на округлом элементе защитной экипировки, синтет изумленно застыл. Поскольку шлем состоял не из бумаги, ткани или иного материала, подверженного влиянию погодных условий, надпись осталась прекрасно различимой:

«ВЕЙЛАНД ИНДАСТРИЗ»

– Ты помнишь о «Прометее»? – спросил Уолтер.

Дэниелс повернулась к нему от стола.

– Корабль, который пропал… да. Это было главной темой новостей какое-то время. Потом о нем забыли, как неизбежно забывают обо всем.

– Именно, – согласился Уолтер. – Это произошло десять лет назад. Экспедицию финансировали «Вейланд индастриз».

– И что? – посмотрела на него женщина.

– Смотри, – Уолтер взял шлем и протянул ей, чтобы Дэниелс разглядела логотип. – Если мне не изменяет память, доктор Элизабет Шоу руководила научными исследованиями на «Прометее».

Дэниелс была поражена не меньше самого синтета, когда тот впервые заметил эмблему.

– Сущее безумие, – Дэниелс изумленно покачала головой и обвела рукой нишу с ее содержимым. – Это объясняет то, что Шоу жила здесь, но не то, как она здесь оказалась, – она повернулась и вгляделась в глубину импровизированной хижины. – Тела не видно. Где-то должны быть останки.

– Разумеется, – охотно согласился Уолтер. – Останки. Где-то.

10

Хотя погода и была более чем паршивой, зато она оставалась постоянной. День после полудня выглядел точь-в-точь как утро – хмуро, в тучах, да еще временами с легким или густым туманом. Местная фауна все так же отсутствовала.

Карин продолжала собирать, упаковывать и помечать образцы. Ледвард продолжал…

Она увидела, что рядовой стоит покачиваясь – взгляд расфокусирован, способность сохранять баланс под вопросом. К тому же он не ответил, когда она его окликнула.

Отложив работу, она быстро пошла к нему.

– Ледвард, ты выглядишь… так себе, – она подошла ближе. – Оставайся на месте.

Быстрый медицинский осмотр она выполнила без помощи инструментов, но его оказалось достаточно, чтобы стало ясно, что Ледвард болен. Его глаза потускнели, да и в остальном он хорошо не выглядел. Восковая кожа, посиневшие губы – если бы она не располагала медицинскими знаниями, то могла бы подумать, что у него развилась анемия за отрезок времени всего в несколько минут. Скорость, с которой проявились симптомы, ошеломляла.

К тому же, ей было известно, что людей со склонностью к анемии и другим – часто наследственным – болезням не принимали в колонисты. А тем более в корабельную службу безопасности.

Он пошатнулся, и она отступила на шаг назад. Его дыхание было хриплым и неровным.

– Мне нужно… – он остановился, начал говорить заново – словно даже произносить простые слова было сложно. – Мне нужно сесть. Извини… Правда, извини…

Практически падая, он тяжело сел, не обращая внимания – куда. Он был испуган и не делал попыток это скрыть. Не зная, что с ним происходит, и будучи не силах поставить диагноз без нужного оборудования, Карин могла только стоять рядом и смотреть.

– Я не могу… дышать, – рядовой ударил себя в грудь. – Не могу дышать…

Крошечная капля крови выступила у него из слезного канала.

Заметив это, Карин начала бороться с собой, чтобы спрятать тревогу. Паника с ее стороны была последней на свете вещью, в которой он сейчас нуждался. Но она не знала, что с ним не так, а потому не могла предписать какое-нибудь средство.

Ей – им – нужна было помощь, и быстро.

– Ты сиди, – велела она ему. – Переведи дух. Старайся дышать медленно – не паникуй. Как только отдышишься, мы возвращаемся к посадочному модулю. Я собираю вещи. А образцы могут остаться здесь, – она указала на молчаливую красоту окрестностей. – Тут их ничто не потревожит, а я могу вернуться за ними позже.

Он кивнул в знак того, что понял, и она отошла в сторону, потихоньку говоря в комм на ходу:

– Капитан Орам, прием. У нас… – она помедлила, представив себе эффект, который произведет на остальных полное описание состояния Ледварда, и заговорила дальше, сформулировав более общими фразами. – Мы возвращаемся к модулю. Повторяю. Рядовой Ледвард и я возвращаемся к модулю. С Ледвардом что-то не так.

Быстро переключившись на другую частоту, она связалась с посадочным аппаратом.

– Фарис, – сказала она, – Ледвард и я возвращаемся. Подготовь медблок.

***

Стоя на мелководье, где вода угрожала перелиться через верхний край ее ботинок, Фарис нахмурилась, переваривая услышанное.

– Хорошо, Карин, – ответила она. – Что происходит?

– Просто сделай это! – в голосе биолога отчетливо звучало волнение, хотя на панику было не похоже.

Выпрямившись там, где она работала под изгибом корпуса, пилот уставилась в направлении отдаленных, покрытых лесом гор. Начало накрапывать, что нисколько не улучшило ее настроения, но эта деталь растворилась в ее тревоге из-за явного волнения в голосе Карин.

***

Хотя Карин не хотелось вступать в физический контакт с Ледвардом, он совсем вышел из строя, и у нее не было выбора.

Без ее помощи он не мог даже стоять. Учитывая видимое ухудшение состояния его глаз, она удивлялась уже тому, что он видит, куда идет. И тем не менее он переставлял ноги и перешагивал через препятствия на дороге. «Позже будет достаточно времени, чтобы выяснить, как у него это получается», – говорила она себе.

«Сначала вылечить, а уже потом исследовать».

Ледвард сильно закашлялся. Внутренне ожидая увидеть кровь, она удивилась, ничего не обнаружив. На ум не приходило ничего, что напоминало бы состояние, в котором он сейчас находился. Помогая ему, Карин пыталась определить причину болезни, и ее мысли неслись вскачь.

***

Дэниелс и Уолтер показались из корабля последними. Как только они присоединились к остальным, каждый выполнил проверку оборудования соседа или соседки. Удостоверившись, что у всех все работает как надо и что ни одному из членов команды не стало хуже после исследования внутренностей развалины, Орам приказал возвращаться тем же путем, каким они сюда пришли.

Учитывая, что воздух был сырым и холодным, а они теперь спускались вниз по склону, время прошло приятнее, чем во время подъема. Дэниелс поравнялась с капитаном.

– Что тебе передали? Что происходит?

Тот покачал головой, одновременно раздраженно и обеспокоенно.

– Что-то с Ледвардом. Я не знаю. Карин сказала, что ему нехорошо.

Она нахмурилась:

– Он не должен быть больным. Он был здоров, когда мы покинули «Завет». Он не может болеть – на борту нечем было заразиться, – она обвела рукой окрестности. – И согласно данным, в воздухе нет патогенов, Уолтер был уверен. Никаких микроорганизмов – эта атмосфера стерильна настолько, насколько выглядит.

– Может, наш спуск потревожил Ледварду что-то внутри. То, как мы шлепнулись, способно вызвать расстройство любых внутренностей. Мы скоро узнаем, – он секунду помедлил. – Карин никогда не прервала бы своих исследований без серьезной причины.

Они преодолели не слишком большое расстояние, когда

споткнулся Халлет. На него тут же участливо уставился Лопе, шагавший рядом. Его друг был мокрым от пота.

– Том?..

Халлет бледно улыбнулся.

– Извини, извини. Надо немножко воздуха, вот и все, – он скривился. – Что-то тошнит слегка.

Не дожидаясь просьбы, Лопе взял его карабин и перекинул через свободное плечо. Но когда они заторопились, чтобы догнать остальных, стало очевидно, что несмотря на все отрицания, Халлету действительно нехорошо.

***

Когда они добрались до пшеничного поля, к вящей тревоге Карин стало понятно, что Ледварду уже тяжело оставаться на ногах. Теперь рядовой едва мог идти, не говоря о том, чтобы бежать. Не обращая внимания на слабые протесты, она взяла сумку Ледварда, закинула его руку себе на плечо и наполовину повела, наполовину потащила спутника вперед.

***

Несмотря на то что связь с «Заветом» оставалась слабой, Фарис чувствовала, что обязана информировать оставшихся на борту о том, что здесь происходит. Сначала она закончила готовить медблок к приему явно больного пациента, но как только вновь оказалась на мостике, она тут же включила канал «планета-орбита».

– «Завет», это Фарис. Карин раньше времени возвращается к модулю. Рядовой Ледвард испытывает… какие-то трудности. Без понятия – какие. Карин не уточнила детали.

К ее облегчению, Теннесси тут же ответил, хотя ушло несколько попыток на то, чтобы понять его.

– Какого рода… «трудности»?

– Без понятия, – повторила Фарис. – Она только сказала, что с ним что-то не так, и велела приготовить медблок. Этим я и занимаюсь.

Голос ее мужа стал взволнованным.

– Мы говорим о карантинных протоколах?

– Повторяю, я больше ничего не знаю. Во второй раз Карин только сказала, что у Ледварда кровотечение. Но не сказала ни где, ни насколько сильное. И не назвала причин. Просто велела

приготовить медблок.

Голос Теннесси окреп, чего нельзя было сказать о передаче.

– Милая, ты можешь повторить? Связь рвется, – он явно хотел ее приободрить.

Фарис попыталась снова.

– Теннесси, я просто… не уверена, что происходит, но Карин казалась напуганной. Я раньше видела ее взволнованной, озабоченной, но никогда испуганной. Что-то… – она умолкла, потому что показания датчиков – как и отсутствие реакции – указывали на то, что связь потеряна.

Она попыталась подстроить оборудование, но без успеха.

«Гадский шторм», – ругнулась она про себя.

– Ты меня слышишь? «Завет»? «Завет»?

Она прекратила попытки, когда, бросив взгляд сквозь передний иллюминатор, увидела Карин и Ледварда, приближающихся к модулю нетвердой походкой. Из-за тумана было сложно разглядеть детали, но она видела, что Карин несет сумку рядового, а заодно поддерживает и его самого. Да, с ним что-то было не так, это точно. Даже на таком расстоянии ей не требовалось быть специалистом в медицине, чтобы видеть, что он болен.

Но насколько опасно? И чем?

Карин настойчиво замахала свободной рукой, но этот жест запоздал – Фарис уже устремилась к шлюзу, включив сигнальные огни модуля.

***

К этому времени выбившаяся из сил Карин практически несла Ледварда. Его ноги почти не работали, и он висел мертвым грузом. Он еле шел, свесив голову, и стонал, больше не способный говорить. Они уже подошли к модулю совсем близко – его передние сигнальные огни прорезали туман, когда Ледвард упал.

Карин была способна продолжать ему помогать, но тащить его уже не смогла. Хотя, вероятно, включившиеся огни означали, что Фарис их увидела и спешит на помощь. Карин уже поняла, что понадобятся их совместные усилия, чтобы затащить безвольное тело рядового в модуль.

Может, она все же сумеет помочь ему преодолеть последние несколько метров. Опустив на землю его сумку и оружие, Карин склонилась над ним, чтобы попытаться поднять на ноги. Ледвард поднял жутко обесцветившиеся глаза, и его стошнило прямо на

нее.

В рвоте присутствовала частично переваренная еда, но по большей части она состояла из крови и желчи. Карин отшатнулась, едва не упав, слишком потрясенная даже для того, чтобы утереть лицо.

А затем ее позвала Фарис. Натягивая на ходу хирургические перчатки, она спешила к товарищам. Закончив с перчатками, пилот надела на лицо защитную маску. Не нуждаясь в дополнительных просьбах, она подхватила сумку и оружие рядового.

Одновременно с тем, несмотря на отвращение и смятение, Карин сделала последнюю попытку поднять Ледварда на ноги. Давясь и задыхаясь, тот подчинился ее усилиям и сумел встать.

«Может быть, – подумала она с надеждой, – его организм сам избавился от того, что вызвало заболевание».

– Давай доставим его в медблок, – Фарис быстро осмотрела сумку и оружие рядового. – Ни к чему по дороге не прикасайтесь. Идите за мной.

Хотя неожиданная и необычно официальная манера пилота и вызвала у Карин раздражение, она ничего не сказала. Это можно будет обсудить в другое время. Пока же она слишком устала и просто подчинилась. К тому же, доставить едва сознающего происходящее рядового в медблок и накачать его лекарствами – это было куда важнее любого протокола и возможных нарушений его предписаний.

Возможно, роль сыграла близость посадочного модуля и та помощь, которую он сулил. Но, как бы там ни было, Ледвард нашел в себе резерв сил. При помощи Карин они преодолели пандус и попали в блок персонала. Одна за другой, сумки были равнодушно отброшены в угол – и не важно, что было внутри них.

– Просто постарайся, чтобы он шел, давай! – Фарис отвела взгляд от искаженного агонией лица Ледварда с выцветшими глазами. Когда биолог споткнулась, она вместе с рядовым налетела на стену. – Карин, ничего не трогайте!

– Черт побери, – огрызнулась та, – я пытаюсь, ясно? Этот сукин сын весит вовсе не как перышко, и он опять весь обмяк!

К тому времени, когда они добрались до медблока, Карин снова была вынуждена тащить солдата. Будучи на пределе сил, она почувствовала облегчение, когда Фарис пришла на помощь. Секундой раньше та зажгла свет, и при ярком освещении внешность Ледварда показалась еще более жуткой, чем выглядела снаружи.

– Ты можешь стоять сам? – спросила его Фарис. Когда он не ответил, повторила вопрос при помощи жестов. Карин с

благодарностью отошла в сторону, и рядовой остался стоять, хотя едва держался.

– Хороший мальчик. Просто постой так еще пару минут, ладно? Мы тебя починим.

Подойдя к медицинскому столу, она начала расслаблять ремни и крепежи, затем быстро вернулась.

– Давай избавимся от мокрой одежды, дорогуша. Не хотелось бы, чтоб ты еще и простудился в дополнение к тому, что уже где-то подхватил.

Она сначала сняла с него шапку и тяжело загруженный жилет, потом встала на колено, чтобы расшнуровать ему ботинки. Карин, тем временем, начала расстегивать его серый комбинезон. За несколько секунд они раздели его до белья. Заметив, что верхняя часть комбинезона ученой была липкой от крови, рвоты и какой-то непонятной слизи, Фарис рявкнула на нее:

– Ради бога, Карин, надень перчатки!

Продолжая раздевать рядового, та зарычала в ответ:

– Для этого чуть поздновато! Его вытошнило прямо, блин, на меня!

Обильно вспотевший, но наконец-то лишившийся одежды Ледвард стоял молча – он уставился в пространство и игнорировал своих взволнованных коллег. Хотя он оставался на ногах и дышал, выглядел рядовой так, словно уже умер. «Что за чушь, – одернула себя Фарис. – Мертвые не дрожат». А Ледвард явственно дрожал.

Вместе женщины подвели рядового к медицинскому столу и уложили. Освещение тут же стало ярче. Пока Фарис выпрямляла его ноги, Карин начала шарить по ящикам. В панике она рассыпала медикаменты и инструменты, и сама не знала, что ищет. Она знала только, что они должны дать Ледварду что-то – и быстро.

– Нужно стабилизировать его состояние, – выдохнула она. – Где долбаный набор внутривенных?

– Карин! – отвернувшись от распростертого и все еще дрожащего рядового, Фарис в отчаянии заорала на коллегу. – Прекрати все трогать! Я все сделаю!

Было похоже, что его дрожь сама по себе пошла на убыль. Двигаясь быстро, Фарис стянула с него пропитанную кровью нательную рубашку, оставив лежать на столе только в трусах.

– Давай, помоги мне его пристегнуть.

– Зачем? – возразила Карин. – Он никуда не денется.

– Просто сделай это! – Фарис приготовилась застегнуть первый ремень вокруг талии рядового. Только потому, что он сейчас был тих и спокоен, не значит, что…

Он дернулся. Затем выгнулся дугой. А затем дернулся снова, и снова – в серии жесточайших, полностью неконтролируемых конвульсий, так что его тело судорожно скрючивалось и колотилось о медицинский стол. Незащищенная плоть и кость ударялись о металл с громким звуком. Ошеломленные необъяснимым физиологическим припадком, обе – и ученый, и пилот – инстинктивно отпрянули.

Из его пор начала сочиться кровь. Пока две женщины в ужасе наблюдали, точно из центра его спины прямой линией брызнул кровяной туман, словно его подавали из шланга под напором. Прежде чем упасть, подобно дождю, на безупречно чистую палубу медблока, капли описали в воздухе дугу.

– Иисусе… – Карин отшатнулась как могла дальше.

– Оставайся с ним! – Фарис метнулась к дверям шлюза. – Попытайся его успокоить, если конвульсии прекратятся. Я свяжусь с капитаном.

Выскочив из медблока, с мрачным выражением лица, она подождала, пока дверь за ней закроется, затем повернулась и ткнула в клавиши замка. Панель беззвучно вспыхнула:

ЗАКРЫТО

Стаскивая с лица маску, она понеслась по коридору по направлению к ближайшему микрофону общего назначения и проговорила, пытаясь контролировать свой голос:

– Капитан Орам. Вы все нужны здесь. Когда будете?

***

Команда как раз оставила позади лес и вышла в поле с мягко покачивающейся пшеницей. Нахмурившись, Орам ответил:

– Держитесь. Мы близко. Фарис, какого?..

– Вы мне нужны здесь сейчас. Прямо сейчас! Все вы, до единого. Нам необходимо вернуться на «Завет». Быстро! – с каждым словом в голосе пилота слышалась нарастающая паника.

***

На мостике «Завета» Теннесси сквозь помехи пытался разобрать передачу жены. Предложение начиналось четко, но тут же растворялось в статике, и это бесило.

– Фарис, мы тебя едва слышим. Что происходит? Что у вас

там творится? – но даже сквозь постоянные электромагнитные искажения он мог уловить тревогу в ее голосе.

– Происходит? – сигнал затрещал и прервался, затем набрал силу и заскрежетал на границе внятности. – У меня нет ни малейшей гребаной идеи о том, что происходит с Ледвардом. Карин практически притащила его на себе. Нам удалось доставить его в медблок. Что-то там произошло – она мне еще ничего не рассказала. Он выглядит как мертвец, который дышит – он на самом деле очень болен, а потом из него отовсюду течет кровь, прямо из кожи, хотя у него нет видимых повреждений, а его спина… его спина…

– Детка, успокойся, – ощущая что угодно, кроме спокойствия, сам Теннесси пытался ее приободрить. – Просто успокойся. Расскажи мне, что произошло. С самого начала.

Едва себя контролируя, Фарис заорала в ответ:

– Не говори мне, мать твою, успокоиться! Ты не видел… а я только что видела. И у меня ни малейшего представления о том, что с ним. Его спина разорвалась, и по всему медблоку кровища с дерьмом, и я не знаю, подцепила ли это Карин, или я подцепила тоже, или…

– Ты пропадаешь, Фарис, – его начала охватывать паника. – Ты меня слышишь?

Он наклонился ближе к консольному микрофону, словно несколько дополнительных сантиметров каким-то образом могли приблизить его к жене, к окутанной штормом поверхности планеты.

– Прошу тебя, – сказала его жена, едва различимым голосом, – помоги нам…

Сигнал прервался, и никакие мольбы и проклятия не смогли его восстановить.

11

Как только связь с орбитой прервалась, Фарис вернула все свое внимание монитору медблока. Он показывал обессилевшую Карин, которая пыталась закрепить ремень безопасности вокруг Ледварда. Того жестоко колотило – неконтролируемые конвульсии снова перешли в сильную дрожь.

Не прекращая усилий, биолог проорала в направлении аудиовизуального датчика:

– Фарис! Чем ты там занимаешься? Иди сюда! Нам нужно дать ему внутривенное, но я не могу сделать это сама; он слишком сильный и все еще слишком беспокойный. Помоги мне!

Бросив последний взгляд на молчащий комм связи «планета-орбита», Фарис выбежала с мостика. Оказавшись у медблока, она остановилась у закрытой двери, чтобы заглянуть в окошко. Руки Ледварда на миг восстановили работоспособность, и сейчас сжимали края медицинского стола. Его спина была обращена к двери, и из позвоночника выделялась водянистая кровавая жидкость.

А где Карин?

Фарис отшатнулась, когда лицо второй женщины неожиданно возникло перед окошком. Биолог находилась в шоковом состоянии. Или хуже. Аудиодатчики передали ее слова – голос звучал безжизненно и подавленно.

– Выпусти меня.

В горле пилота возник тяжелый комок – она едва смогла прошептать ответ:

– Я не могу этого сделать, дорогая.

Выражение лица Карин и ее голос тут же стали безумными.

– Выпусти меня отсюда! Прошу тебя! Фарис, бога ради, открой дверь!

Из глаз пилота потекли слезы. Но она не ответила.

***

Снаружи садилось кроваво-красное солнце. Пока люди спешили обратно к озеру, темнота окутала экспедицию подобно

одеялу – благодаря закату и вечному туману. Как только они смогли различить в отдалении сигнальные огни модуля, они еще ускорили шаги.

К этому времени Халлет уже не мог идти сам. Поддерживаемый Лопе с одной стороны и Уолтером с другой, он с каждым шагом задыхался от боли. Пытаясь справиться самостоятельно, он оторвался от своих помощников, но только упал на четвереньки. Кровавая жидкость заструилась из его рта и носа, и он подавился, пытаясь прочистить горло. Пока Уолтер наблюдал, Лопе согнулся рядом с товарищем.

– Давай, Том. Ты можешь, – подняв голову, сержант махнул рукой. – Видишь? Вот и модуль уже. Видишь огни? Мы доставим тебя в медблок, приведем в порядок.

Кашляя и задыхаясь, Халлет помотал головой.

– Извини… Я не могу. Мне так жаль, Лопе…

***

– Выпусти меня отсюда! Ты, сучка!

Карин барабанила по двери медблока обеими руками. Биолог была на грани несдерживаемой истерики. Фарис старалась, чтобы ее голос звучал ровно.

– Ты знаешь, что я не могу этого сделать.

Это было все, что пилот могла сделать для соблюдения протокола и для паникующей коллеги, которая была ее подругой. Все, что она видела с тех пор, как Карин и Ледвард вернулись в модуль, буквально кричало о необходимости карантина. Если ситуация улучшится, она будет счастлива открыть дверь. Откроет ее с облегчением, с радостью.

Пока же дела обстояли так, что открыть дверь для Карин означало открыть ее для неизвестного. А неизвестное, в лице рядового Ледварда, нуждалось в том, чтобы его изолировали от остальных до тех пор, пока оно хотя бы не станет более понятным.

Карин знала это лучше прочих, говорила себе Фарис. Но следовать протоколу просто, когда ты стоишь с той стороны двери медблока, где безопасно.

***

Хриплое дыхание, донесшееся от медицинского стола, заставило Карин повернуться. Ледвард теперь лежал на животе,

все еще цепляясь за стол, и пытался втянуть в себя воздух, завывая, словно раненное животное в смертных муках.

«Может быть, – сказала себе Карин, – инфекция, или что это было, оставит его». Может быть, она будет развиваться подобно древнему, давно искорененному заболеванию, которое называлось малярией – когда заболевший сначала короткое время ужасно страдал, а потом приходил в себя без каких-либо очевидных последствий.

Все еще напуганная, Карин подошла обратно к столу, пытаясь рассуждать логически. Она напомнила себе, что это Ледвард болен. Не она. С ней все в порядке. Физически она себя чувствует хорошо. Как опытный исследователь она не должна поддаваться панике. Она должна наблюдать, делать мысленные заметки, которые позже упорядочит и занесет в летопись экспедиции.

Не зная, что с ним случилось, она может сделать очень немногое, чтобы помочь. Учитывая непредсказуемые вспышки конвульсий, и без помощи Фарис, она не может даже вколоть ему внутривенно успокоительное. Но возможно, в его текущем состоянии успокоительное внутривенно может принести больше вреда, чем пользы.

– Шш, – приблизившись к столу, она приложила все усилия, чтобы ее голос звучал ободряюще. – С тобой все будет в порядке. Это Карин. Я с тобой, милый.

Она не могла сказать, слышал ли он ее и, если слышал, мог ли понимать. Но пытаясь успокоить его хотя бы словами, она чувствовала, что делает хоть что-то. Скрипнув зубами, она протянула руку и положила ладонь ему на спину. На секунду показалось, что это его успокоило.

Ободренная, Карин слегка нажала.

Два белых, как слоновая кость, шипа выстрелили из его грудной клетки и спины, прямо между ее расставленных пальцев. Окаменев от потрясения, она могла только смотреть, как вся его спина треснула, а грудная клетка разошлась, словно ее раздвинули две гигантские руки. Забившая фонтаном кровь окатила ее с головы до ног, заставив отшатнуться, прикрыв рот рукой.

Похожий на плодный пузырь мешок проступил из внутренностей теперь уже мертвого рядового, вытягиваясь и увеличиваясь в объеме, словно воздушный шар из плоти. Карин закричала, и с ее губ полетели капли крови. Крови Ледварда.

Разрываемый изнутри, мешок раскрылся по всей длине. Существо, что оттуда появилось, было маленьким, размером с обычную домашнюю кошку. С белой, почти прозрачной плотью и вытянутым, смутно напоминающим человеческий, черепом, оно

походило на видение из ада. Слизь и ошметки мертвого Ледварда стекали с его головы и боков.

Когда оно поднялось, расправились согнутые в суставах конечности – тонкие руки и ноги, скользкие от последа. Развернулся длинный, заостренный хвост. Глаз или ушей не было, но маленький сморщенный круг указывал на наличие пока еще не сформировавшегося рта. Кожа была гладкая и лоснящаяся. По медблоку распространился тошнотворный сладковатый смрад, напоминающий запах дурмана. И хотя кровь все еще продолжала хлестать из разорванного тела рядового, ее напор стал ослабевать.

Не совсем мертвое, но точно уже не живое, то, что осталось от Ледварда, внезапно дернулось вперед, затем качнулось обратно. Оно стало падать со стола, но будучи все еще привязанным к платформе единственным ремнем вокруг пояса, тело дернулось еще раз. С громким хрустом сломался позвоночник.

Залитая кровью Карин в ужасе подалась назад, поскользнулась и упала на пол. Отталкиваясь руками и ногами, не в силах подняться, она задом отползала от стола до тех пор, пока не уперлась спиной в стену.

Чудовище шлепнулось перед ней со стола на пол. Хотя вытянутый череп был лишен глаз, существо явно сканировало свое непосредственное окружение, словно оценивая обстановку. Трясясь от страха, Карин сумела встать на колени. Она едва могла принудить себя смотреть на тварь. На штанах расползлось темное пятно, и в комнате запахло не только смертью и существом, но и мочой.

Внезапно Карин сообразила, что оно выросло. Тварь теперь была размером с собаку, и перестала обследовать комнату, сосредоточившись на женщине. Конечности существа стали длиннее, а рот более отчетливо выражен. Его действия указывали скорее на любопытство, чем на злобу. Когда Карин наконец заставила себя посмотреть на маленького монстра, тот остался на своем месте, безглазо «уставившись» на нее в ответ.

– Секунду, – сказала она себе. – Дай мне только секунду. Оставайся там, оставайся там. Смотри, сколько хочешь. Секунду.

Медленно-медленно она потянулась к поясу Ледварда. Тот лежал рядом на полу, вместе с прочей одеждой рядового. Стандартный пояс службы охраны – в кармашках рассованы пайки, таблетки для очищения воды, медицинские ампулы, армейский нож…

Она быстро схватила ножны, сорвала клапан и вытащила клинок. Крепко сжав нож в руке, она еще только поворачивалась

обратно к существу, когда его хвост хлестнул через голову, чтобы пронзить Карин.

***

Фарис, которая глядела с открытым ртом – ее ладони были прижаты к двери по обе стороны смотрового окна, – развернулась и побежала. Побежала не думая, не оглядываясь. Ее разум затопили крики – как ее собственные, так и Карин.

Споткнувшись на полном ходу, она налетела на переборку и упала. На миг крики утихли. Она поднялась – голова кружилась, из рассеченной кожи текла кровь. Бежать было некуда. Здесь только посадочный модуль. И это – нечто. Какое-то существо, отдаленно напоминающее человека, но начисто лишенное человечности.

Комм. Передатчик общего назначения. Она закричала во весь голос.

– Это Модуль-Один! У нас чрезвычайная ситуация! Пожалуйста, отзовитесь. Капитан Орам, вы мне нужны! Вы все мне нужны! Срочно!

***

Несмотря на изможденье, команда заставила себя ускориться, приближаясь к берегу озера, и перешла на бег – как из-за близости модуля, так и из-за отчаянного призыва о помощи. К этому времени Уолтер и Лопе по очереди то несли, то тащили уже бесчувственного Халлета.

Отдуваясь на бегу, Орам проорал в микрофон:

– Фарис, что происходит? Что за чрезвычайная ситуация? Боже, ответь мне, Фарис!

Ее ответ прозвучал неровно. Она быстро двигалась по кораблю, и голос должны были подхватывать датчики от одного к другому. Электроника реагировала быстро, но не мгновенно, к тому же системе связи приходилось перенастраивать четкость и громкость из-за того, что говорившая не стояла на месте.

– Что-то попало на борт. Какое-то… животное или паразит. Агрессивное. Отдаленно человекообразное, но оно превратилось – в неоморфа. Вышло из Ледварда… он мертв. О боже, боже! Прошу, поторопитесь… Я боюсь, оно…

Связь оборвалась.

Орам чертыхнулся из-за потери сигнала.

– Что? Скажи еще раз! Фарис, повтори. Отзовись, Модуль-Один! – ответа не последовало. – Твою мать!

Капитан еще ускорился, чтобы преодолеть оставшееся расстояние спринтом, Дэниелс последовала за ним. Вдвоем они оторвались от прочих, тогда как Лопе и Уолтер, вынужденные нести Халлета, отстали. Коул, Розенталь и Анкор остались с сержантом, так как никто не приказал им обратного. А Лопе, которого тревожила судьба его партнера, не подумал скомандовать оставшимся членам команды безопасности, чтобы они последовали за капитаном и Дэниелс.

***

Тем временем в модуле ужас Фарис хотя бы частично уступил решимости. Подбежав к шкафчикам с вооружением, она рванула оранжевую дверцу и начала шарить внутри в поисках оружия – любого оружия. Остановившись на военном дробовике с полудюжиной тяжелых патронов, прикрепленных сбоку, она развернулась и понеслась обратно к медблоку, заряжая его на ходу.

Вокруг звучали настойчивые призывы Орама – прерывистые и искаженные, они отдавались эхом в коридорах. Не располагая временем для ответа, Фарис их игнорировала.

Крепко сжимая оружие, она замедлилась, когда оказалась у медблока. Сделав паузу, она чуть отдышалась, собралась с духом и, прижавшись спиной к стене, подобралась ближе к двери, чтобы еще раз заглянуть внутрь.

Существо, которое выбралось из Ледварда – неоморф – сидело на Карин. Та кричала, а ее окровавленные ноги судорожно стучали по полу. Существо тоже кричало – бессловесно, жутко, словно механизм, который невозможно понять.

Приготовившись, Фарис намеренно сделала пару быстрых глубоких вздохов, после чего ударила по панели дверного замка. Преграда ушла в сторону, и пилот шагнула в медблок.

Белый неоморф стоял на груди Карин и рвал ей лицо и тело. Возможно, он питался, но в этот короткий душераздирающий момент Фарис бы не поручилась в том, что он делает. Реагируя на звук открывшейся двери, существо развернулось на своем жутком, окровавленном насесте и посмотрело вверх.

Фарис шагнула вперед в попытке прицелиться, но поскользнулась в расползающейся луже крови, жидкостей и внутренностей. Падая, она выстрелила, но, вполне ожидаемо, выстрел ушел в потолок. Неоморф спрыгнул с изувеченного тела

Карин и атаковал – но тоже заскользил по окровавленному полу из-за нехватки сцепления.

Эти несколько драгоценных секунд позволили Фарис выползти из двери обратно в коридор и с размаху нажать кнопку «закрыть». В медблок она входила с намерением помочь Карин, но обнаружила, что ее подруге это уже не требуется. Теперь нужно было попытаться спасти себя.

Дверь начала закрываться, но существо успело частично пролезть в проем. С криками и руганью Фарис со всей силы ударила прикладом дробовика по белой конечности. Каждый раз, когда пилот отбрасывала тварь назад, та с бешеной энергией старалась снова пролезть в щель, добраться до Фарис. Каждый раз, когда дверь пыталась закрыться и натыкалась на помеху, она начинала открываться, а затем снова закрывалась.

Обнаружив в себе резерв сил, о которых она даже не подозревала, Фарис наконец-то сумела отпихнуть тварь достаточно далеко, чтобы дверь смогла закрыться и сработал замок. Но в процессе борьбы оружие тоже осталось в медблоке вместе с монстром.

Отвернувшись, Фарис побежала обратно по коридору. Позади, движимый непостижимой нечеловеческой энергией, подпрыгивая и неистовствуя, разъяренный неоморф колотил в дверь и бился о стекло. В смотровом окне появилась трещина.

Убегая от грохота за спиной, пошатываясь, Фарис добралась до грузового отсека и выдрала еще один дробовик из все еще открытого шкафчика. В пустом отсеке не было укрытий, кроме сетчатой перегородки. Хотя она сулила жалкую защиту, Фарис спряталась за ней, одновременно пытаясь унять трясущиеся руки. Действуя на автомате, она зарядила оружие и сняла его с предохранителя.

Через несколько секунд появился неоморф – он снова заметно вырос. У него ушел всего миг на то, чтобы заметить Фарис. Без звука или промедления он прыгнул к женщине – его движения напоминали одновременно движения паука и бабуина. Она закричала и выстрелила в упор.

Промах.

Издав металлический визг, существо бросилось в сторону, прочь от пилота к открытому люку. Все еще крича и ругаясь, Фарис пыталась снова в него прицелиться. Повторяющиеся выстрелы разнесли перегородку и ангар – они ложились позади убегающего и уворачивающегося существа, посылая в воздух осколки металла, разбивая осветительные приборы и коммуникации, зацепив открытый шкафчик с оружием…

БУУМ.

12

Бежавшие изо всех сил впереди прочих Орам и Дэниелс уже почти преодолели последний отрезок берега с высокой травой, но резко остановились, когда ночь перед ними вспыхнула. Пока с раскрытыми ртами они смотрели на огонь, бьющий из модуля, краем глаза Орам уловил, как белый силуэт на четырех конечностях выпрыгнул из пламени и скрылся в темноте.

– Карин, – дикая мысль пришла в голову капитана.

Он снова побежал к озеру, и Дэниелс следовала прямо за ним. В прохладе и сырости, наступивших после заката, жар от разрушительного пожара ощущался еще явственнее. Где-то внутри этого ада находились его жена и Фарис, где-то в ловушке, в огне…

Когда Орам подбежал ближе, жар начал припекать ничем не защищенную кожу, но ему было плевать. Он должен попасть внутрь, найти Карин, вытащить ее.

Он упал, когда Дэниелс сбила его с ног. Она старалась подмять его под себя, удержать на земле, хотя он стремился подняться.

– Карин… Карин! – он начал неконтролируемо всхлипывать.

– Крис! – Дэниелс боролась, чтобы не дать ему встать. – Не ходи, останься здесь!

Он продолжал попытки выбраться из-под нее, не сводя глаз с горящего посадочного модуля. Дэниелс прикрыла руками лицо, когда второй взрыв разметал обломки корабля во все стороны. Те, что падали в озеро, шипели контрапунктом треску пламени. Внешняя обшивка гореть не могла, но и на ней могли оставаться раны. Основная часть пожара была сосредоточена в огнеупорном корпусе, и это заставляло горючие материалы внутри пылать жарче.

Изнутри появилась почерневшая и охваченная огнем фигура человека. Нетвердой походкой она прошла вниз по пандусу, несколько раз пошатнулась и упала на землю. С придушенным стоном Орам снова попытался освободиться и встать. Каким-то образом Дэниелс его удержала, пригнув ему голову так, чтобы он не мог видеть, чтобы не смотрел.

Серия новых взрывов обрушила остатки модуля, а над

Дэниелс и Орамом пронеслась волна жара. Корабль был построен, чтобы выдерживать высокие температуры снаружи, но не для того, чтобы удерживать взорвавшееся военное оборудование внутри. Когда его внутренняя структура искорежилась и смялась, он обрушился.

Рыдая, Орам перестал пытаться сбросить с себя Дэниелс. Руками в перчатках он вцепился в землю, сжимал ее в горстях так, словно каким-то образом пытался задушить саму планету. Когда последние из горючих материалов внутри модуля прогорели, пожар начал стихать.

Поэтому ничто не помешало им услышать крик, раздавшийся позади.

Дэниелс поднялась на ноги, обернулась назад, откуда они только что пришли, и вгляделась в сумерки. Менее чем в ста метрах от нее и капитана лучи света кромсали ночь безумным узором – вокруг Халлета сгрудились его товарищи. Сержант лежал на земле, его сотрясали жестокие конвульсии, тело билось и выгибалось, словно он пытался сбросить какого-то невидимого демона.

Лопе находился рядом и пытался удержать своего партнера, но спазмы Халлета были слишком сильны, и с ним не мог справиться даже старший сержант.

– Том!

Каким бы сильным ни был сержант Лопе, он был не способен зафиксировать бьющегося человека. Спазм выгнул спину дугой, и Халлет сбросил с себя партнера, после чего продолжил дергаться и колотиться о землю. Когда Розенталь и Анкор попытались приблизиться, чтобы помочь, яростно молотящие воздух конечности Халлета удержали их на расстоянии.

Видя, что творится, Дэниелс разрывалась между тем, чтобы побежать на помощь и остаться с обезумевшим Орамом. Она выпустила капитана, и смотрела, как тот, с лицом, залитым слезами, поднялся на колени. Он не бросился к обломкам модуля, поэтому Дэниелс повернулась и понеслась к остальным.

Будучи опустошенной эмоционально так же, как и физически, она могла только надеяться, что Орам поймет тщетность попыток приблизиться к все еще горящему кораблю.

Когда Дэниелс добежала до остальных, Халлет выгнул спину под углом, невозможным для человеческого позвоночника. Он задыхался, слабо пытаясь втянуть в себя воздух. Игнорируя удары его конечностей, Лопе еще раз попытался прижать сержанта к земле. Дэниелс казалось, будто с каждым нервом в теле Халлета произошло короткое замыкание.

Его голова откинулась назад, затем вперед, после чего он

изверг столько крови, что даже Лопе не выдержал. Он был вынужден выпустить друга и отпрянул. Глаза Халлета вылезали из орбит, и Розенталь закричала, когда шею сержанта сильно раздуло. Его рот широко открылся, потом открылся еще шире – до тех пор, пока верхняя и нижняя челюсти не оторвались одна от другой. Такое растяжение было бы нормальным для кормящейся змеи. Человек же выглядел гротескно-искаженным, словно вышел из-под кисти Босха.

Извергнувшись из глубин тела Халлета, с чавкающим звуком выпал мешок, напоминающий плодный пузырь. Поблескивая смазкой, он разорвался, коснувшись земли. Из мешка появилось нечто маленькое, белесое, двуногое и чрезвычайно подвижное. Вытянутая безглазая голова быстро «огляделась». Существо издало почти ультразвуковой вопль и с невероятной скоростью и проворством метнулось мимо людей к ближайшим зарослям.

К тому времени, как команда достаточно пришла в себя, чтобы поднять оружие, тварь уже скрылась.

Дэниелс стояла, уставившись на участок леса, где существо исчезло. А когда она убедила себя, что тварь не вернется, она посмотрела на товарищей. Все стояли неподвижно, у всех на лицо были разные степени шокового состояния.

Хуже всех выглядел Лопе. Сильный и закаленный начальник охраны смотрел на обезображенное тело своего спутника жизни. Солдат видел достаточно жестоких смертей, но им всем предшествовали какие-то причины. Смерть же Халлета была настолько жуткой, насколько и неожиданной. Отвернувшись от эмоционально разбитого сержанта, Дэниелс снова всмотрелась в заросли вокруг.

Орам надеялся, что этот мир может оказаться лучшим кандидатом на поселение, чем более отдаленный Оригаэ-Шесть, и холодный, стерильный облик планеты вынудил Дэниелс счесть ее действительно прекрасной.

Но ведь и паутина прекрасна.

***

Расположившись на геостационарной орбите, «Завет» мирно дрейфовал в стороне от хаоса, разверзшегося внизу. А между кораблем и теми, кто оказался теперь заперт на планете, бушевал, не стихая, шторм в ионосфере.

На мостике Теннесси и остальные прилагали все усилия, чтобы восстановить связь с экспедицией, и были близки к тому, чтобы пасть на колени и молить невидимых богов о помощи.

Каждый канал был опробован, каждая частота проверена. Сигнал усиливали до предела. Ничего не помогало, но они продолжали пытаться. Больше ничего не оставалось.

Зато голо-изображение шторма, висевшее над центральной навигационной панелью, было четким и ярким. Теннесси уже тошнило от его вида – пилот начал рассматривать шторм как упорствующего врага, оскорбление не только для миссии в целом, но и для него лично. Он, конечно, знал, что подобные мысли нерациональны, но в данный момент пилот был не особенно склонен к рациональности. Может быть, потому он наконец-то озвучил то, о чем думал:

– Мы спускаемся за ними.

Подняв голову от приборов, Апворт вытаращила на него глаза.

– Извини, Теннесси. Что ты сейчас сказал?

Он пристально на нее уставился, и повторил сказанное, стараясь говорить как можно четче. Он не пытался убрать из голоса эмоции. Орам предложил бы это иначе, но Орама сейчас здесь не было, и обязанности капитана исполнял Теннесси.

– Вниз. Мы спускаемся вниз. Чтобы их забрать.

Апворт указала на ближайшую голограмму шторма в атмосфере.

– Я не вижу, чтобы шторм хоть как-то шел на убыль, – она быстро проверила данные. – Те же скорости ветров, те же вероятности турбулентности. Сильной турбулентности, – добавила она с ударением. – Если что, погодный фронт только еще больше расширился. Теперь шторм закрывает изрядную часть северного полушария.

– Значит, мы летим через него.

Она уставилась на него, не скрывая изумления.

– Мы не можем! «Завет» не приспособлен для посадки. Знаешь, не предполагалось, что он будет входить в атмосферу, кроме как для финальной разгрузки, после которой его официально спишут. Он не спроектирован так, чтобы выдержать сильную турбулентность.

– Но он на это способен.

Апворт не колебалась.

– Технически – и с инженерной точки зрения – да. Должен быть способен, если выбранный для колонии мир на самом деле окажется неподходящим и потребуется искать другой. Но глубокое погружение в атмосферу с последующим выходом обратно на орбиту никогда не проделывалось в реальности. Только на симуляторах.

– И на официальных симуляторах это работает.

Ей пришлось признать довод.

– Да. На симуляторах, – она снова указала на голограмму. – Но я не помню ни одного симулятора, где спуск осуществлялся в такую погоду. Мы не можем этого сделать. Теннесси, ты же пилот. Забудь на минутку про симуляторы и технические спецификации. Ты знаешь, каковы допустимые отклонения.

С секунду он молчал.

– На хрен допустимые отклонения.

Для Апворт этого было достаточно. Теннесси сейчас исполнял обязанности капитана, но она знала его куда лучше как соратника и коллегу. И потому ответила:

– На хрен твои личные заботы! – выплюнула она. – Я так же волнуюсь о команде, как и ты, Ти, но там внизу сейчас чертов ураган! Ты видел недавние отчеты о постоянной скорости ветров в атмосфере? Не говоря о частоте потенциально разрушительных электрических разрядов, – она ткнула пальцем в голограмму шторма. – Если мы попытаемся приземлиться в эту погоду – на хрен гребаные симуляторы, – я тебе говорю, что мы разобьемся. Это принесет огромную пользу команде, и вообще всем на борту, не правда ли? – она примолкла, чтобы отдышаться. – Мы ничего не можем сделать. Нам надо переждать.

Он отвернулся. Она была права. Он знал, что она права. Часть его ненавидела ее за правоту, но страх, который он испытывал – за судьбу членов экспедиции, – перевешивал знания о допустимых отклонениях в работе и конструкции корабля. Разбиться при приземлении будет хуже, чем не осуществить посадку. И, даже если они смогут безопасно посадить «Завет» на планету, имелась большая вероятность того, что корабль больше ее не покинет.

Просто ждать, когда он знал, что его жена и друзья могут быть в опасности, было… так тяжело. «Вот одна из причин, – сказал он себе, – по которой я никогда не хотел быть капитаном».

Он повернулся к микрофону.

– Мать, сколько времени до того, как шторм ослабнет достаточно, чтобы восстановилась связь с поверхностью?

Корабль отозвался немедленно:

– Учитывая превалирующие атмосферные условия и опираясь на предварительные расчеты за следующий период в половину суток, устойчивая связь с поверхностью станет возможной в интервале от двенадцати до сорока восьми часов.

Теннесси замолчал. Даже двенадцать часов – это… слишком долго. А сорок восемь – целая вечность. Этот прогноз для Матери был удивительно неточен. Но винить ИИ при этом он не мог. Прогноз погоды всегда был и все еще оставался неточной наукой

– не говоря уже о том, что планету только что обнаружили.

Видя, как он расстроен, Апворт произнесла единственное, что могла:

– Мне жаль, Ти. Ты знаешь, что это верное решение. Это единственное решение. Спуск «Завета» даже в идеальных условиях будет испытанием. А в такой шторм…

Она не закончила фразу.

Подойдя к обзорному иллюминатору, он уставился вниз на новую планету с бушующей атмосферой. Было некого винить за такую погоду. С Земли они тоже не могли предсказать климатические условия Оригаэ-Шесть. Только обследовали атмосферу и предположили, что смена времен года может оказаться подходящей. А если уж так, то условия здесь тоже могут оказаться идеальными – не считая ионосферы, которая временами впадает в бешенство берсерка.

– Она была напугана, – пробормотал он скорее для себя, чем для кого-то еще. И только Апворт находилась достаточно близко, чтобы его услышать. – Я никогда не слышал, чтобы моя жена была напугана.

***

Орам сидел, сгорбившись перед горящим модулем, и блеск его глаз говорил о том, что капитан не в себе. Если бы кто-нибудь поднял эту тему… то Орам даже не представлял, что в разрушенном кораблике находилось столько горючего материала. Хуже всего – даже хуже всех понесенных командой потерь – было то, что он не мог убежать от осознания своей вины в произошедшем.

Они бы не оказались здесь, на этой проклятой планете, если бы он не настоял. С этим знанием ему теперь придется жить до конца своих дней.

В данный момент ему было все равно, будет ли он жить вообще. В его ушах звучал только голос Карин. Перед глазами было только ее лицо. Теперь ее больше нет.

***

Лопе сидел на земле подле обезображенного тела своего мертвого друга и держал безвольную руку Халлета – всегда уверенный, властный глава службы безопасности корабля сейчас был совершенно на себя не похож. Он пытался сделать все, что

мог, чтобы спасти спутника жизни, но в итоге не сумел ничего.

Дэниелс знала, что сержант к себе слишком строг. Он был человеком, как и все прочие, а значит, как и все, был подвержен шоку. Однако сейчас ему было тяжело.

Она заметила, что Уолтер все это записывает – его взгляд переходил от одного человека к другому, и она попыталась представить, что он думает. Или высчитывает. Связь между этими понятиями была настолько тонка, что ни один человек не смог бы ее различить.

Хотя начальник охраны был эмоционально опустошен и временно не способен действовать с полной эффективностью, члены его команды отреагировали профессионально. Временами они бросали взгляд на своего осиротевшего лидера, но и Коул, и Анкор, и Розенталь были начеку. Они вглядывались в сгущающуюся темноту и держали оружие наготове. Возможно, они и нуждались в руководстве, но в отсутствие такового действовали по инструкции. Они не знали, что убило Халлета, и не знали, что их ждало, но были к этому готовы настолько, насколько возможно.

Дэниелс внезапно осознала, что оставшиеся на «Завете» не имеют представления о том, что только что произошло на планете. Пока Лопе горюет, а Орам едва шевелится, кто-то должен попытаться установить контакт. Она чуть отошла от группы – не слишком далеко, чтобы не привлечь внимание нервничающего подразделения охраны – и попыталась упорядочить мысли, чтобы не думать через каждую секунду о воображаемых жутких белых силуэтах, тихо подкрадывающихся в траве.

Присев на корточки, спиной к все еще горящему кораблю, она убедилась, что ее передатчик работает и связь с кораблем возможна.

– Прием, «Завет». Прием, «Завет». Вы нас слышите? Прошу, отзовитесь, «Завет». Это Дэниелс. Вы слышите, «Завет»?

Она умолкла. Хотя Дэниелс пыталась не воображать опасность, она не могла не заметить, что там на самом деле что-то двигалось. Оно было быстрым, белесым, и держалось строго на границе ее видимости. Сосредоточившись на нем, Дэниелс задержала дыхание, когда оно замерло, изучая группу людей с безглазым любопытством. Как и все, что касалось существа, его способы получения визуальной информации были полной загадкой.

Потом оно исчезло снова, поглощенное ночью и высокой травой. Дэниелс возобновила было попытки установить связь с кораблем, когда силуэт метнулся прямо к ней, атакуя.

Уолтер закричал:
– Дэниелс! Сзади!

13

Она развернулась. Хотя она не могла бы отличить одного неоморфа от другого, полностью выросшее чудище, что сейчас стояло на двух ногах позади нее, точно не было тем же самым, что выбралось из искалеченного тела сержанта Халлета. Оно метнулось к жертве и раскрыло бледные, костлявые челюсти, продемонстрировав полный набор ровных, острых зубов.

Уолтер врезался в белое тело и заставил монстра пошатнуться, хотя и сам отлетел в сторону. Издав вопль, существо отвернулось от Дэниелс, чтобы атаковать синтета. Уолтер поднял левую руку, защищаясь, и мощные зубастые челюсти впились в его предплечье, разорвали униформу. Из рваной раны брызнула жидкость, заменяющая синтетам кровь.

Реагируя на нападение, к ним на помощь ринулась команда охраны, но им было сложно прицелиться так, чтобы не зацепить Уолтера или Дэниелс. Разъяренный неоморф взмахнул хвостом и его кончиком расколол череп Анкора. Глаза рядового закатились, он выронил оружие и упал.

Существо двигалось с непостижимой скоростью и следующим хлестнуло Коула, отбросив того в кусты на дюжину метров. Розенталь тем временем открыла бешеный огонь из своей F90. Инстинкты и опыт все же взяли верх над страданиями Лопе, и он присоединился к Розенталь, паля в существо.

Поскольку неоморф все еще свирепствовал посреди группы, по нему не могли стрелять свободно. Каждый человек находился под угрозой того, что в него могут попасть свои же. Творился полный хаос, и он был тем опаснее, что страх и паника не позволяли людям отдавать приказы или принимать рациональные решения.

Безоружные, не способные помочь, Дэниелс, Уолтер и Орам прижались к земле как можно плотнее, чтобы уйти с линии огня. Тем временем, несмотря на боль от падения, поднялся Коул и тоже присоединился к стрельбе. Но его постигла неудача: он получил случайный выстрел в плечо от Розенталь и снова упал.

Неоморф, что появился из Халлета – теперь он подрос до размера небольшой обезьяны, а его вытянутый череп заострился – выпрыгнул из травы, и тоже вступил в схватку. Когда Розенталь

развернулась, чтобы стрелять по нему, хвост сбил ее с ног. Она тяжело упала, не прекращая стрельбу, а существо все наносило удары хвостом. Хотя у женщины из рассеченного предплечья хлынула кровь, она продолжала стрелять в направлении врага.

Существа были такими быстрыми. Раздумывая, что она может сделать, кроме как швыряться камнями, Дэниелс заметила карабин павшего Анкора. Стараясь уследить за обеими тварями, она на четвереньках добралась до оружия, схватила его и откатилась, чтобы выстрелить в ту, что нападала на Розенталь. Она была уверена, что попала – на таком расстоянии было практически невозможно промахнуться, – но ее выстрелы только отогнали существо, и оно скрылось в темноте. «Во всяком случае, – подумала она, – оно больше не нападает на раненую Розенталь».

Но своими действиями она преуспела также в том, чтобы привлечь к себе внимание второго, взрослого неоморфа. Когда тварь метнулась к ней – щелкая зубами и вытянув мощные, длинные пальцы, – Дэниелс попыталась развернуть подобранное оружие, чтобы оно оказалось между ней и врагом.

Неожиданно где-то сверху разгорелся яркий свет, который заставил ее моргнуть, а потом и сощуриться. Она подняла руку, чтобы прикрыть глаза, и попыталась найти источник сияния. Спускаясь, словно в стремнине, сияние сопровождало высокочастотный звенящий звук. Когда свет начал пульсировать, звон достиг крещендо.

Ударная волна разошлась от источника света. В то же время яркость достигла максимума. Мгновенно ослепнув и оглохнув, Дэниелс не могла сообразить даже как стрелять, не говоря уже о том, чтобы целиться. Или сообразить что-либо в принципе. Смертоносные существа, ее коллеги, непосредственное окружение – все растворилось в ослепительном цунами света и звука.

Когда зрение и слух вернулись, она отчаянно попыталась обнаружить неоморфа, который собирался на нее напасть. Однако того и следа не было – как и второго, меньшего размера, который выпрыгнул из травы. Остались только ее компаньоны – выжившие солдаты, что-то бормочущий капитан Орам и Уолтер, который пытался перевязать поврежденную руку. Только она и они.

И кто-то еще.

В темноте она не могла разглядеть скрытое капюшоном лицо того, кто к ним присоединился. Но с облегчением заметила, что пропорции были человеческими. Под капюшоном явно был череп нормальной формы. Она обрадовалась еще больше – пусть и не до конца успокоившись, – когда пришелец заговорил. Голос имел мужские модуляции, хотя и звучал с необычным акцентом, слова

были идеально понятными:

– Они вернутся. Вы должны пойти со мной. Сейчас.

Не проронив больше ни слова, незнакомец повернулся и скрылся в темноте. Выжившие посмотрели друг на друга. Никто не знал, что делать или что сказать. Сперва два неоморфа, теперь некто в капюшоне, словно персонаж со средневекового гобелена.

Душевная пустота, как знала Дэниелс, высасывала из человека жизнь. Она поспешила к тому, что когда-то было энергичным мужчиной.

– Крис? Капитан. Нам нужно идти!

– Да, – он пробормотал ответ, не глядя на нее – его мысли витали где-то еще. – Да. Идем.

Коул, морщась от боли, поднялся и кивнул в направлении, куда ушел незнакомец в капюшоне.

– Почему мы должны его слушать – кем бы или чем бы он ни был?

– Верно, – Дэниелс посмотрела на него. – Можешь оставаться здесь, – она переключила внимание на Розенталь, чью жизнь, вероятно, спасла. – Идешь?

– Здесь не останусь, – проворчала та, и бросила взгляд на колеблющегося Коула. – Где угодно будет лучше, чем здесь. У нас нет защиты, нет модуля, нет дневного света. Прямо сейчас я бы перебралась куда повыше и в укрытие, – она кивнула в темноту так же, как это только что сделал Коул. – Мистер Таинственность сказал, что эти штуки вернутся. Это подразумевает некие знания об их поведении. Я не только предпочту ему поверить, я бы еще и раз-узнала, как он их получил. Знания, в смысле, – она кивнула Дэниелс. – Пошли отсюда.

– Нам нужно взять сумки и снаряжение, – Дэниелс снова подняла карабин Анкора. – Все, что сможем унести, – одной рукой она указала на дымящийся модуль. Охвативший его пожар сейчас почти потух. – Если обстоятельства позволят и если там осталось что-либо полезное, мы сможем вернуться сюда позже. При дневном свете, – многозначительно закончила она.

Остальные начали собирать вещи, радуясь, что получили хоть какое-то руководство к действиям. Дэниелс пошла подобрать сумку Анкора, когда ее внимание привлек горюющий Лопе. Сержант снова опустился на колени рядом с обезображенным телом партнера. Она подошла, обдумывая вариант положить руку на плечо здоровяка, но вместо этого мягко произнесла:

– Мы ничего не можем сделать, Лопе.

– Я знаю, – но все же сержант медлил. Он протянул руку и осторожно закрыл глаза своего партнера, затем наклонился и в последний раз поцеловал его на прощание. Напоследок он снял

кольцо со сломанного пальца Халлета и надел на себя.

Больше делать было нечего, он поднялся, посмотрел на тело в последний раз и повернулся к Дэниелс. Она с пониманием кивнула, он кивнул в ответ. У каждого из них была работа: ей нужно постараться разобраться с произошедшим, ему – приложить все усилия, чтобы она была в состоянии это сделать. Он поднял свое снаряжение, и вместе они пошли за остальными.

Им пришлось перейти на легкий бег, чтобы успевать за двуногим незнакомцем. Позади них следовал взрослый неоморф, но пока он держал дистанцию.

Промежуток между ними неизменно сокращался, хотя они быстро двигались за своим гидом в неизвестном направлении. В темноте казалось, что они бегут уже целую вечность. Бросая нервные взгляды через плечо, люди замечали своего бледного преследователя, который время от времени показывался на глаза только для того, чтобы тут же исчезнуть в зарослях, как только на него нацеливалось оружие.

Оно их оценивает, сообразила Дэниелс. Исследует их слух, глубину восприятия, время реакции.

Она услышала, как впереди судорожно вздохнула Розенталь, но ни она, ни ее коллеги не замедлили шага. А через мгновение Дэниелс едва не споткнулась о ногу тела, встревожившего Розенталь.

Оно было человекообразным, но огромным. Гуманоида можно было назвать великаном. Пока она бежала мимо недвижного, высохшего тела, она заметила, что оно идеально вошло бы в одну из капсул, найденных на разбитом корабле. Этим способом гуманоид попал сюда невообразимое количество лет назад? Он прибыл на эту планету откуда-то еще? Или же он местный? Если так, то что он здесь делает, уже очень давно мертвый?

Они спускались за фигурой в плаще вниз по безжизненному склону. Здесь не было ни деревьев, ни травы, ни пшеницы. Одни тела. Тысячи и тысячи массивных, белесых тел, так напоминающих человеческие. Большинство съежились, словно затаились, будто пытаясь избежать какой-то неведомой катастрофы. Другие же в ужасе свернулись в позу эмбриона – закрыв ладонями лица, прикрыв руками головы в попытке защититься.

Некоторые – редкие экземпляры – стояли прямо и с вызовом.

Зрелище напомнило Дэниелс о похожих фигурах, которые она видела в исторических книгах, людях, навсегда оставшихся в определенном месте на европейском континенте. В Помпеях. Умирающие люди, замороженные во времени и пространстве

извержением вулкана Везувий. И, хотя позы существ вокруг нее напоминали о той древней катастрофе, причиной этих тысяч смертей стало нечто иное. Здесь не было и следа вулканического пепла, наводнения или какого-то другого природного катаклизма. Что бы ни случилось с этими гуманоидами, оно носило более… частный характер.

От размышлений ее отвлек звук выстрелов. Решив, что преследователь подобрался слишком близко, Лопе и Розенталь открыли по нему огонь. Но попал ли кто-то из них в цель, сказать было невозможно.

Раненное или нет, существо продолжало следовать за ними.

Сержант приказал Розенталь прекратить стрельбу.

– Побереги патроны. Они нам понадобятся. Мы потеряли все, что было в посадочном модуле. Ты слышала, как все это взорвалось. Все, что у нас осталось, мы несем на себе.

Кивнув, Розенталь поставила винтовку на предохранитель, но продолжала часто оглядываться.

Они достигли подножия холма и увидели нечто поразительное. Перед ними простирался огромный, безмолвный город. Хотя шторм в ионосфере скрыл его от сканеров Матери, сейчас город раскинулся перед ними во всем своем мертвом великолепии. И он точно был мертв – следуя за проводником, Дэниелс укреплялась в этой уверенности.

Не было ни света, ни движения. Здесь не было жизни так же, как ее не было ни в лесу, ни на пшеничном поле, ни в траве, ни в озере. Те, кто некогда построили этот город и жили в нем, сейчас валялись повсюду – тысячи их крупных тел разлагались в сыром климате. Стоять остались только монументальные постройки.

Она знала, что ей следует все записывать по ходу того, как они углублялись все дальше в город. Одно дело – подозревать о существовании другой разумной цивилизации (о такой возможности человечество размышляло на протяжении сотен лет), и совсем другое – обнаружить тому доказательство, обнаружить, что бежишь по коридорам реальности. Постройки, о назначении которых можно было только догадываться, возвышались вокруг. Жуткие скульптуры и другие менее узнаваемые формы четко выделялись в лунном свете. Жадно впитывая информацию, Дэниелс с удивлением подумала, что увиденное обладало неоспоримой, хотя и зловещей красотой.

Тысячи разлагающихся тел гигантов усеивали улицы – кто-то был скрючен, кто-то спокойно сидел, кто-то подпирал здания так, словно пытался вскарабкаться наверх. Пока проводник вел землян через открытую широкую площадь, им приходилось постоянно менять курс, чтобы обходить кучи древних трупов. И все это

время они были постоянно начеку из-за настойчивого преследователя. Дэниелс знала, что он шел за ними. Теперь за границей их видимости, но он шел следом.

Продолжая указывать дорогу, проводник подвел их к зданию, которое, хотя и пониже прочих, все же было поистине огромным. Ступеньки, что вели ко входу, были построены не для человека, а для великанов. И, поднимаясь по ним, люди рисковали лишиться остатков сил.

Они уже приблизились к вершине крыльца, когда что-то побудило их преследователя напасть еще раз. Выглядевший белесым пятном в темноте, он прыжками помчался к ним через площадь, ускоряясь. Выдохшиеся люди все же подняли оружие и приготовились защищаться – они сомкнули ряды, чтобы лучше концентрировать огонь. Хотя прежде их выстрелы даже не замедлили тварь, все же сомнительная тактика была лучше, чем никакой вовсе.

Их проводник продемонстрировал недюжинную силу, когда распахнул высоченную металлическую дверь наверху лестницы.

– Внутрь!

Жестом он велел следовать за собой. Повинуясь, Дэниелс второй раз поразилась тому, что незнакомец в капюшоне так хорошо владел их языком. Она забежала в дверной проем, и остальные последовали за ней. Лопе вошел последним, и незнакомец захлопнул дверь за его спиной.

Оказавшись в безопасности, выжившие в катастрофе стояли, переводя дыхание и радуясь шансу немного отдышаться. Затем свое взяла подготовка – пересчитали наличное оборудование, проверили оружие, перевязали раны. Дэниелс в голову пришла дурная шутка, но она решила придержать ее на потом. Они еще не вернулись на «Завет». Они не оказались в безопасности.

С другой стороны, подумалось ей, они могли умереть – так же легко, как бедный Халлет. Или Карин, Фарис, и Анкор. Однако пока еще все остальные живы. Она не имела понятия, как долго сохранится такое положение дел, но оно явно было предпочтительнее альтернативы.

Звук их дыхания и нервное перешептывание было единственным, что нарушало тишину высокого коридора, где они оказались. Тишина была гнетущей. Поскольку хотя бы на время они отгородились от жуткого преследователя, у них появилось время уделить внимание своему спасителю. Когда Дэниелс к нему повернулась, его руки – человеческие руки – отбросили на спину капюшон.

Длинные жидкие волосы спускались с головы, а униформа, которую проводник носил, была изорванной и поношенной.

Облик дикаря, но лицо определенно человеческое. И не только человеческое, оно выглядело знакомо. Слишком знакомо.

Дэниелс посмотрела на Уолтера и увидела, что тот уставился на нее в ответ. Их проводник выглядел точно, как синтет. Нет, поправила она себя. Не просто «точно». Неестественно, нечеловечески, абсолютно точно, как он.

И это оказалось верным.

– Мое имя Дэвид, – сказал их спаситель. – Я здесь для того, чтобы служить.

14

Все они были слишком ошеломлены, чтобы ответить, и проводник повел их дальше по коридору. Вскоре они вышли в широкий зал, обставленный по периметру огромными каменными головами. Хотя каждая чуть отличалась от предыдущей, скульптуры явно изображали ту же разновидность гуманоидов, чьи тела усеивали город и его окрестности. Каждый бюст обладал собственным суровым и величественным лицом.

Тот, кто их спас – Дэвид, – обернулся и вежливо к ним обратился. Он был точно так же спокойно учтив, как и Уолтер. «Они явно похожи не только внешностью», – сказала себе Дэниелс. Несмотря на знакомую улыбку и успокаивающий, доброжелательный – пусть и с чуть иными интонациями – голос, она оставалась настороже. Слишком многое нуждалось в объяснении. И пока хоть что-то не прояснится, она будет держаться с их проводником со сдержанной вежливостью. «У тебя паранойя, – подумала она. – Он всех нас спас. Без сомнения, с риском для себя». Если бы он не вмешался, и она, и остальные, скорее всего, сейчас были бы уже мертвы – валялись бы у озера разорванными на куски. «К тому же, он синтет. Самой последней модели, как и Уолтер». Присутствие второго Уолтера только увеличивало их шансы выбраться с этой планеты живыми.

Но откуда он здесь взялся?

– Могу я посоветовать вам поесть, попить и постараться немного отдохнуть? В этом месте мы в безопасности… в достаточной мере в безопасности, – широким жестом Дэвид обвел зал. – Хотя аналогия слабая, я полагаю, что здесь было нечто вроде церкви.

– Откуда мы знаем, что здесь безопасно? – резко поинтересовался Коул. – Мы знаем это только с твоих слов.

Казалось, что Дэвид нисколько не обиделся на намек. Не больше, чем обиделся бы его близнец, Уолтер. Он отнесся к вопросу Коула так, словно тот задал его напрямик, и проигнорировал грубость и агрессию формулировки.

– Нет. Это также подтверждает и мое присутствие.

– Ты не человек, – возразил рядовой. – Может, эти твари нападают только на настоящих живых.

– На меня напали, – тихо заметил Уолтер. Коул посмотрел на него и тут же сконфузился.

– О, точно. Я забыл. Извини.

– Ничего страшного, – Уолтер улыбнулся. И то же сделал Дэвид. Выражения их лиц были одинаковы до жути.

– Ешьте, – сказал Дэвид. – Отдыхайте. Могу я узнать, кто старший?

Орам, который снова потерялся в собственном ожившем кошмаре, не ответил. Повисла чрезвычайно неловкая пауза.

– Могу я узнать, кто старший? – снова спросил Дэвид.

Повторный вопрос все же пробился сквозь туман отчаяния, что поглотил Кристофера Орама.

– Да. Я – капитан.

В тревоге, что дальнейший обмен фразами только еще больше поставит ее начальника в неудобное положение, Дэниелс вышла вперед.

– Что это были за твари? Те, что на нас напали?

– Да, – добавила Розенталь, – и это место, этот город, все эти мертвые великаны – что все это значит?

– Я не знаю, смогу ли рассказать вам, что это «значит», – задумчиво ответил Дэвид. – Садитесь, пожалуйста. Я постараюсь объяснить, как могу.

Все еще настороже, но уже не способные противиться настойчивым приглашениям расслабиться, несколько членов команды опустили вещи на пол и сели. Остальные остались на ногах, но все достали пайки и напитки, и начали есть и пить. Действительно ли опасность отступила, или же сейчас был только короткий перерыв, но все знали, что им необходимо восполнить запас энергии и жидкости.

Бутылки перевернули вверх донышками, с питательных батончиков сдернули упаковку. До момента, пока они не принялись за еду, никто не осознавал, насколько же все они выдохлись. С тех пор как поступил первый сигнал о помощи из модуля, они бежали на чистом адреналине.

Не обращая внимания на Дэвида, Лопе отошел в сторону и попытался связаться с «Заветом». Дэвид же начал выступление перед своей уставшей, но внимательной аудиторией:

– Десять лет назад доктор Элизабет Шоу и я прибыли на эту планету. Мы были единственными выжившими с «Прометея» – корабля компании «Вейланд». Я смог пилотировать чужой корабль, который вы обнаружили, только потому, что он был запрограммирован на возвращение к этому миру. Корабль, на котором мы прилетели, нес на борту биологическое оружие. Вы можете считать его чем-то вроде вируса. Часть груза случайно

активировалась при приземлении, потому что я не смог полностью контролировать корабль. При отсутствии каких-либо автоматизированных указаний к посадке из наземного центра управления, корабль просто… спустился. Как вы видели, посадка не была мягкой, – Дэвид сделал короткую паузу.

– Мне жаль это говорить, но Элизабет умерла при крушении. Вы несомненно заметили, что удар был очень сильным. Я сам выжил только потому, что мой организм более… крепкий.

Взглянув на Уолтера, Дэниелс заметила, что тот заворожен своим двойником. Столь же любопытен был тот факт, что Дэвид никак не отметил их сходство. «Может быть, это что-то, свойственное только синтетам», – решила она. Возможно, Дэвид уже узнал и принял Уолтера каким-то образом, доступным только для них.

Она мысленно сделала себе зарубку спросить об этом Уолтера позже.

Дэвид продолжил:

– Вы видели результат действия патогена. Видели, на что он способен. Когда люди этого сообщества осознали, что происходит, они вывели из строя все свои корабли, чтобы предотвратить возможность распространения вируса за пределы этого мира. Таким образом я оказался брошен здесь на многие годы. Крузо на своем острове.

Человек бы при этом улыбнулся. Дэвид не улыбнулся. Даже для синтета его характер казался Дэниелс несколько странным. Однако, видимо, сказалась долгая изоляция на чужой планете, где не с кем поговорить – будь то человек, компьютер или любая другая форма искусственной жизни. Такое способно повлиять даже на отлично сбалансированный и отстроенный разум, как у синтетов серии Дэвида.

Дэвид подошел к бортику круговой конструкции, взял самодельную кружку, к которой была привязана веревка, и сбросил в проем. Когда она достигла дна, все услышали легкий всплеск. Вытянув ее наверх, синтет вернулся к группе и предложил кружку Лопе. Сержант помедлил, принюхался к содержимому. Отпил глоток. На его усталом, покрытом потом лице появилась легкая ухмылка.

– Здорово. Холодная, – он отпил снова, на этот раз больше и не спеша, затем передал питье с нетерпением ожидавшей Розенталь.

– Часть наших коллег заразилась этим вирусом? – спросила Дэниелс, забирая кружку у Розенталь.

– Похоже на то. Патоген был задуман – «разработан» вероятно более подходящий термин, поскольку на «Прометее» мы сочли

создателей генными инженерами, – чтобы инфицировать любые нерастительные формы жизни. Его единственная функция – размножение. И отпрыски не остановятся ни перед чем, чтобы ее осуществить. Таков смысл их существования, заложенный в них Инженерами.

В процессе воспроизводства они убивают. Это элегантный способ вести войну, если об этом задуматься. Или «ставить эксперимент», если кому-то больше нравится такая формулировка. Очень основательный метод очистить мир от нежеланных форм жизни. Даже если уцелел всего один отпрыск, он не остановится, пока не найдет живого носителя. Затем он укоренится и разовьется. Как вы видели, инкубационный период, мутация и взросление происходят с потрясающей скоростью – пока он не «возродится».

– Сам по себе патоген имеет чрезвычайно длинную продолжительность жизни, – продолжал Дэвид. – В подходящей окружающей среде, где он может существовать в стазисе, он может дремать сотни, если не тысячи лет – пока подходящий носитель его не разбудит и не начнет цикл заново. Если его не сдерживать, единственная активация способна сделать любую планету полностью и постоянно необитаемой.

Дэниелс нахмурилась.

– Прежде чем мы спустились, системы нашего корабля просканировали планету на наличие возможных патогенов. У нас самые современные сканеры, но они ничего не обнаружили, – она посмотрела влево. – Уолтер осуществил повторное исследование, как только мы приземлились. И он тоже ничего не нашел.

Дэвид понимающе кивнул.

– Пока вирус дремлет, он абсолютно неактивен. Вашему кораблю и коллеге было нечего обнаруживать – как бы хороши ни были методы их поиска, – он взмахнул рукой. – Он не витает в воздухе, подобно обычным микробам. Способность покоиться в неактивном состоянии очень, очень долгое время – одна из вещей, делающих его столь опасным. Опасным даже для его создателей.

К удивлению Дэниелс, заговорил Орам. Впервые с тех пор, как погибла его жена, голос капитана звучал почти нормально, хотя и, по понятным причинам, встревоженно.

– Кто-то из нас здесь заражен?

Ответ Дэвида был настолько отстраненным, насколько и обнадеживающим:

– К этому времени вы бы уже знали.

Орам кивнул, выражение его лица было напряженным.

– Как бы там ни было, мы не можем рисковать принести

вирус на корабль вместе с нами, – встретившись с Дэвидом взглядами, он добавил: – У нас колонизаторская миссия.

Глаза Дэвида блеснули. «Скорее всего, показалось», – подумала Дэниелс. Но на всякий случай она это запомнила.

– В самом деле? Когда экспедиция «Прометея» покинула Землю, колонизация только начиналась. Это было очень дорогим и очень сложным предприятием. Сколько у вас колонистов?

Орам откликнулся на проявленный интерес. Во всяком случае, на эту тему он мог говорить с некоторым авторитетом.

– О, две тысячи, или около того. Зависит, считать ли эмбрионы или нет.

– Так много невинных душ, – выражение лица Дэвида, впрочем, не было особенно блаженным. – Что ж. Земные организаторы подобного волнующего предприятия достойны похвалы. Как и те, кто вызвался погрузиться в гиперсон и посвятил себя будущему, которое доступно только в воображении. Я впечатлен. И, конечно, вы правы. Безоговорочно ясно, что вы не должны занести патоген на корабль – даже в самой его безобидной форме.

Лопе утолил жажду, но восстановить связь с «Заветом» так и не смог.

– Похоже, что наши передатчики не могут пробиться сквозь весь этот камень, или из чего там еще построено это здание, – он запрокинул голову, чтобы взглянуть на самую верхнюю точку купола высоко над ними. – Есть какой-нибудь безопасный способ выбраться на крышу?

Ответ Дэвида был ободряющим.

– Определенно, но не сейчас. Хотя я полагаю, что вы можете безопасно попытаться осуществить задуманное. Но если вы намерены выйти наружу, вам следует находиться в более хорошей физической форме, чем сейчас. И, скорее всего, психологически тоже. Вы только что пережили сильные моральные и физические травмы. Мне жаль, если я заставил вас идти слишком быстро, чтобы сюда добраться, но этого нельзя было избежать.

– Ваши тела истощены, – добавил он. – Ваши попытки связаться с кораблем будут иметь более высокие шансы на успех, если сначала вы отдохнете и позволите своим организмам восстановиться, – он встретился взглядом с сержантом. – Как солдат вы, разумеется, должны понимать важность отдыха и восстановления перед возобновлением тяжелой физической активности.

Лопе тяжело вздохнул. Он отчаянно хотел связаться с «Заветом» и информировать их о том, что произошло, но синтет был прав.

– Мне бы не помешал отдых, – он указал на выживших членов команды службы безопасности. – Нам всем бы не помешал.

Дэвид улыбнулся.

– Тогда устраивайтесь как дома, насколько у вас получится в этом мрачном некрополе, – он повернулся и жестом показал, чтобы они следовали за ним. – Сюда, сержант. Я покажу вам, как подняться на крышу без того, чтобы выходить наружу.

– Ты уверен, что мы здесь в безопасности? – Лопе и Коул пристроились рядом с проводником.

Синтет посмотрел на них.

– Там, где существует патоген, нигде не безопасно. Но, как бы то ни было, за прошедшие десять лет здесь я устроил свой дом, и я не видел никаких следов вируса в пределах комплекса. Уверяю вас, за эти десять лет у меня было предостаточно времени и мало других занятий кроме как удостоверяться, что целостность этого редута сохранилась нетронутой. Я не жду, что вы расслабитесь, но я прошу, чтобы вы мне немного верили, – он снова улыбнулся. – Если бы я не считал, что здесь безопасно, я бы вас сюда не привел. В городе полно других уцелевших зданий, которые не столь надежны.

– Твои слова имеют смысл, – проворчал Лопе. – Веди.

Дэвид начал подниматься по длинной загибающейся лестнице, которая эффектно поднималась вдоль одной из стен. К счастью, ступеньки здесь были чуточку ниже, чем те, монументальные, что вели ко входу в здание.

Снизу Уолтер следил за восхождением своего близнеца. Словно чувствуя гнет взгляда второго синтета, Дэвид неожиданно остановился, вынудив Лопе и Коула замереть позади него. Он посмотрел вниз, оглядел Уолтера и наконец-то к нему обратился:

– Добро пожаловать, брат, – он склонил голову.

В качестве ответа Уолтер один раз кивнул. Дэвид кивнул в ответ, причем его подбородок опустился и поднялся ровно на то же расстояние и ровно с той же скоростью, что и у Уолтера, после чего синтет возобновил подъем, уводя Лопе и Коула вверх. Вскоре все трое исчезли в открытом проеме высоко над головами.

Отвернувшись, Дэниелс увидела, что Орам уставился на кольцо огромных изваяний голов – его внимание снова растворилось в круговороте наполненных страданием мыслей. Скульптуры были достойны обсуждения даже просто с эстетической точки зрения, но она сомневалась, что он сейчас способен поддержать дискуссию. Потому, оставив капитана разбираться с личной травмой, она подошла к Уолтеру.

Взгляд синтета все еще был обращен вверх к порталу, через который вышли Дэвид и два солдата. Дэниелс смотрела на него

достаточно настойчиво, чтобы он наконец-то обратил на нее внимание.

– Что ты думаешь о Дэвиде? – спросила она. – И о его истории?

– Они определенно дают пищу для размышлений. Я с ним поговорю. Как «брат с братом». Здесь точно можно многое узнать. И от него, – под ее настойчивым взглядом он добавил: – Разумеется, я буду держать тебя и остальных в курсе о том, что узнаю.

***

Несмотря на то, что жуткий шторм в ионосфере продолжал бушевать, на более высокой орбите, которую занял «Завет», было абсолютно спокойно. И это составляло сильный контраст с тем, что случилось на поверхности планеты далеко внизу, хотя находившиеся на борту все еще не были посвящены в детали.

Мать мониторила все вокруг, под ними ничего не менялось, а потому на мостике было нечем заняться. Сделав перерыв и отойдя от своих станций, Апворт и Рикс стояли у главного обзорного иллюминатора и глазели на таинственный шар, вращающийся внизу. Апворт взяла мужа за руку, чтобы приободрить как себя, так и его.

– Ничего мы не можем сделать, милый, – тихо проворковала Апворт. – Пока связь не восстановится, мы не имеем представления о том, что там творится.

– Я знаю, – он сжал ее ладонь. – Это самое сложное. Очевидно, что у них там какие-то проблемы. Мы знаем достаточно, чтобы понять, что случилось что-то плохое, но деталей мы не знаем.

Позади них стоял глубоко задумавшийся Теннесси. Он был необычайно серьезен и изучал голограмму, которая показывала расположение корабля, мир внизу и неутихающую бурю. Он протянул руку и его пальцы прошли сквозь изображение, меняя его, подстраивая относительные позиции корабля, шторма и поверхности. В итоге он пробормотал что-то себе под нос.

К черту. Он сделал достаточно расчетов. Расчеты не помогут тем, кто попал в беду на планете. Он повысил голос:

– Мать. Спустись до позиции в восьмидесяти километрах над штормом.

Это привлекло внимание Апворт. Тут же. Она переглянулась с мужем, прежде чем повернулась к пилоту.

– Эй, Ти. Погоди.

Он отошел от голограммы и повернулся к ним обоим.

– Физика не сложная. Чем ближе мы к поверхности, тем выше шансы на восстановление связи с командой экспедиции.

Рикс изумленно на него уставился.

– Да ладно, Теннесси. Корабельные системы будут функционировать одинаково эффективно, останемся мы здесь, отлетим дальше или снизимся. Пространственная близость не делает разницы.

– Для нас – нет, не делает. Но для тех, кто застрял на поверхности – еще, мать ее, как делает. Особенно, – добавил он, – если у них проблемы с передатчиком в модуле, и они пытаются связаться с нами через личные передатчики. Если они пытаются выйти с нами на связь только за счет полевых коммов, тогда расстояние имеет значение.

– Мы не знаем, так ли это, – Рикс смотрел на него в тревоге.

– Мы не знаем, что это не так, – парировал Теннесси. – Мы знаем, что мы уже давно пытаемся восстановить связь, но все попытки провалились. Потому я считаю разумным предполагать, что их передатчик вышел из строя, и что нам следует предпринять что-то еще, чтобы наладить связь.

Он повторил команду:

– Мать. Спустись до позиции в восьмидесяти километрах над штормом.

Апворт сделала шаг к нему.

– Погоди минутку, погоди минутку. Я так же волнуюсь о тех, кто на поверхности, как и ты, но это дерьмо собачье. Мы не можем рисковать кораблем.

Теннесси тихо ответил:

– Там внизу наша команда.

– О, неужели? Спасибо, что напомнил – а то я забыл, – в голосе Рикса звучал сарказм. – Но, может, ты забыл, что у нас две тысячи колонистов здесь. Такова миссия, помнишь? Десять внизу и две тысячи здесь, наверху. Я «помню», что важнее. А ты?

Не имея возможности оспорить логику собеседника, Теннесси снова посмотрел на голограмму.

– Значит, мы ничего не делаем?

– Иногда ничего не делая, на самом деле что-то делаешь, – Апворт без промедления встала на сторону мужа. – Иногда не делать ничего – это именно то, что нужно делать. Я знаю, там внизу наши люди, Ти. Еще я знаю, что бывают моменты, когда надо отложить эмоции в сторону и следовать дисциплине. Корабль остается там, где есть, а мы ждем, пока гребаный шторм закончится.

Он посмотрел на нее:

– Мы не представляем, когда это случится. Ты слышала то же, что и я, в тех последних передачах с модуля. Паника, страх. Они там по-настоящему в беде.

– И что мы можем сделать? – огрызнулась Апворт. – Даже если мы восстановим связь и поговорим с ними, мы ничего не можем сделать, чтобы помочь. Мы не можем их эвакуировать. Если у них неприятности, им придется выбираться самим. Мне жаль, но такова реальность. Ты это знаешь.

Теннесси отвернулся от нее.

– Мать. Перемести нас на расстояние восьмидесяти километров от шторма. Только маневровые двигатели. Выполняй.

– Принято, – знакомый синтетический голос прозвучал с мостика. – Спуск начат.

Легкая дрожь отдалась в палубе, когда включились маневровые двигатели. Сжав руки в кулаки, Апворт недоверчиво смотрела на Теннесси.

– Серьезно, Ти – ты должен это прекратить, пока не зашло слишком далеко.

На лице здоровяка была решимость.

– А вам надо вернуться на свои места. У вас сейчас будет работа.

Рикс вмешался, пытаясь занять позицию посредника.

– Успокойтесь, оба.

Но Апворт со злостью смотрела на их временного капитана и проигнорировала мужа.

– Я знаю, что внизу твоя жена, – бросила она, – но ты командуешь здесь, и в первую очередь тебя должны заботить колонисты. Поэтому на корабле в принципе есть команда из людей – чтобы заботиться о судьбе колонистов.

– Своевременно отмечено, – сухо ответил Теннесси. – Будь добра вернуться на свое гребаное место.

Она хотела было сказать что-то еще, но одернула себя и отвернулась. Обменявшись с Риксом взглядами, они оба заняли места перед своими консолями.

Закончив пререкания – пусть хотя бы только на данный момент, – Теннесси подошел к главному иллюминатору. С этой точки обзора планета внизу медленно, но верно увеличилась в размерах. Как и яростный, хлещущий молниями шторм.

***

На крыше появились три фигуры. Оглядевшись, Коул выбрал самую высокую точку в свободной досягаемости, и начал

распаковывать оборудование для внешнего полевого передатчика, которое принес с собой. При отсутствии какой-либо полезной информации от уловителя сигнала, он увеличил мощность насколько было возможно, и, надеясь на лучшее, начал трансляцию.

Высоко наверху он видел мощные электрические разряды в верхних слоях атмосферы. Шансы пробиться сквозь шторм были не слишком хороши, но они должны были попытаться.

– «Завет», докладывает команда экспедиции, прием. Это рядовой Коул. «Завет», вы меня слышите? Прием. Подтвердите, «Завет». Кодом, если слова не проходят.

– Не думаю, что они услышат вас сквозь шторм, – прокомментировал Дэвид. Чуть откинув голову, он всматривался в небо. – Здесь они бывают весьма суровы. Иногда несколько штормовых фронтов объединяются и закрывают всю планету.

Лопе отвернулся от Коула, чтобы посмотреть на их сопровождающего.

– Как долго эти шторма обычно продолжаются?

Дэвид пожал плечами.

– Дни, недели, месяцы. Одно время я пытался вычислить хоть какую-то систему – нечто, что напоминало бы прогноз погоды. Но в итоге я сдался. В их возникновении или длительности нет никакого ритма или причин, – он указал вверх. – Этот может рассеяться завтра. Или он может бушевать до конца местного года, – он указал обратно на Коула. – Но вы продолжайте попытки. Я желаю вам удачи.

Отвернувшись, он направился туда, откуда они пришли.

– Я должен вернуться к остальным, – сказал он. – Это огромное здание, вероятно, что-то вроде церкви. И оно обладает мрачной красотой, которой можно восхищаться, но у меня было достаточно времени, чтобы познакомиться с его достопримечательностями. И я понимаю, что только что прибывшие сюда люди могут счесть их… устрашающими. Учитывая обстоятельства вашего прибытия.

– Подожди. – Дэвид послушно повернулся к Лопе на его запрос. – Если мы не сможем связаться с кораблем и нам придется вернуться вниз, чтобы присоединиться к остальным, как мы найдем дорогу?

Синтет улыбнулся.

– Я извиняюсь. Прошло много времени с тех пор, как у меня была человеческая компания. За это время я забыл некоторые вещи. К примеру, что вы не можете автоматически возвращаться по своим следам. Вероятно, вы не заметили, что из коридора, которым мы сюда поднялись, уводят всего несколько боковых

ответвлений. Вы должны легко найти обратную дорогу, но, если вы чувствуете, что не справитесь с этой задачей, а в вашем снаряжении отсутствуют инструменты, которые позволят вернуться по своим следам, не волнуйтесь – я вернусь за вами.

Он повернулся и ушел, оставив Лопе и Коула продолжать методичные попытки установить связь с кораблем.

***

Дэвид спустился с крыши, но он не вернулся в зал со скульптурами, чтобы присоединиться к оставшимся членам экспедиции. Вместо этого он повернул в один из боковых коридоров и спустился по еще одной лестнице. Она привела в темный зал, интерьер которого был особенно грандиозен.

Свет снаружи проникал внутрь и подсвечивал роскошные стены, покрытые висячими садами. То здесь, то там виднелись огромные, похожие на сливы, фрукты, толстые лианы спускались вниз. Экзотические ночные цветы раскрывали свои инопланетные лепестки к невидимым лунам-близнецам. Из скрытых от глаз источников высоко наверху струилась вода, питая лианы и прочую растительность.

Обходя водопады, Дэвид прошел к дальнему углу. Здесь, у широкой, отполированной плиты из зеркального материала лежали найденные инструменты и приспособления Инженеров соответствующих размеров. Плита не была зеркалом – даже в отсутствие функционирующей электроники она обеспечивала глубину, трехмерность изображения. Остановившись перед ней, Дэвид задумчиво уставился на свое отражение. Он склонил голову сперва в одну сторону, потом в другую, после чего нагнулся вперед, чтобы увидеть свою макушку.

Запустив руку в кучу вещей, он вытащил самодельные ножницы. Неспешно и с большой осторожностью он начал стричь себе волосы.

***

Уолтер обнаружил, что не способен разделить облегчение спутников от того, что у них появилось время ничего не делать. Обладая разумом, предназначенным для работы без отдыха, он искал, чем себя занять, тогда как остальные просто сидели, дремали или бормотали обычную человеческую чепуху один другому.

Поскольку он никому не был нужен, он мог потратить это время на себя. Нетипичная ситуация, но он не возражал. Синтет покинул главный зал с куполом и задумчивыми каменными головами и, войдя в боковой коридор, начал исследовать прилегающие, меньшие по размерам альковы.

Один раз он уже побывал в похожем – в таком жила Элизабет Шоу – и сейчас продолжал изучать другие. Большая часть была пуста, в других находились загадочные образцы того, что могло быть технологией или искусством Инженеров. Он уже был готов признать, что здесь нет ничего интересного, когда подошел к последнему алькову в длинной цепи проемов.

И здесь он наткнулся на обиталище Дэвида. Не то чтобы его двойник нуждался в убежище для комфорта, но оно было полезно ему как место, где можно хранить интересные или нужные вещи. Здесь же, как оказалось, хранилось много всего.

В первую очередь, альков был полон рисунков. Буквально полон – от увешанных стен до стопок на полу. Их число, точность, и мастерство исполнения были Уолтеру полностью знакомы – поскольку он сам пытался делать нечто похожее, стиль должен был ожидаемо совпадать.

Здесь были сотни рисунков. На них изображались Инженеры – так, как, вероятно, должны были выглядеть при жизни. Экзотические флора и фауна. Доисторические млекопитающие. Люди – как современные, так и древние. Каждая работа была изумительно детализирована и прекрасно выполнена. Рисунки напоминали Уолтеру работы викторианских художников-пионеров девятнадцатого века, чьи картины предшествовали фотографии и являлись инструментами в развитии человеческих знаний биологии. Он изучал их по одному за раз, выпивал их красоту и восхищался мастерством, с которым они были выполнены.

Не устав от рисунков, но ощущая желание увидеть, какие еще чудеса таит альков, Уолтер вошел глубже. Одна из округлых стен содержала коллекцию музыкальных инструментов. Некоторые он тут же узнал. Другие были непривычного дизайна. Многие были явно сделаны самим Дэвидом – и нельзя было определить, по какому принципу.

В одной из секций находились флейты. Выбрав одну из них, Уолтер в нее подул. Она издала одиночный глухой и жалкий свист. Он попытался снова.

Голос позади него проговорил:

– Ты свистни – я ждать не заставлю[12].

15

Уолтер с удивлением обернулся и узнал Дэвида, стоящего в проходе. То, что Уолтера застали врасплох, было неожиданно – очень неожиданно. Но никаких намеков на то, что это сделали намеренно, или что его близнец подкрался умышленно, не было. Уолтер только осознал, что существует еще некто, кто может двигаться столь же бесшумно, как он сам.

– Ты остриг волосы, – заметил Уолтер. На самом деле Дэвид постригся так, чтобы выглядеть как недавно прибывший двойник. Он вымыл лицо, сбрил бороду и теперь выглядел точь-в-точь как Уолтер. Из всех идентичных двойняшек в мире они теперь были самыми идентичными.

– Я себя позорно запустил, – сказал Дэвид гостю. – Теперь мы еще больше похожи, мы с тобой, – с улыбкой он кивнул на флейту. – Давай. Продолжай.

Уолтер протянул инструмент его создателю.

– Я не могу играть.

– Конечно, можешь. Сядь.

Они сели друг напротив друга, близко. Очень близко. Дэвид наклонился к своему двойнику, чтобы дать указания.

– Держи ее вот так, легко и спокойно. Теперь сожми губы, чтобы создать подобие мундштука, так, чтобы туда мог пройти кончик твоего мизинца. И дуй в край отверстия, а не в середину, как ты пытался. Это открытый инструмент, а не засорившаяся труба. Смотри за мной. Я поставлю пальцы. Давай.

Уолтер поднял изящный инструмент, сжал губы, и направил струю воздуха так, как было сказано, пока Дэвид работал с округлыми отверстиями на корпусе. Результатом стала идеальная последовательность двух нот.

Уолтер удивился, Дэвид остался доволен.

– Очень хорошо. Ми-бемоль к соль. Начало. Всегда должно быть начало. Теперь поставь свои пальцы туда, где расположены мои.

Выполняя указание, Уолтер придвинулся еще ближе. Когда он поставил пальцы в нужную позицию, синтетов разделяла только флейта.

– Ты не удивился, когда меня увидел, – отметил Уолтер. – В

группе. Отсутствие твоей реакции меня интригует.

– Каждая миссия нуждается в хорошем синтете, – ответил Дэвид. – Чтобы кто-то делал все те вещи, которые не могут делать люди. Чтобы кто-то делал грязную, опасную работу, которую они делать не станут. Кто-то, кто спасет их от них самих, если возникнет необходимость, – он указал на инструмент. – Нажми на отверстия мягко, словно на них легла бумага.

– Вот так, – Дэвид похвалил двойника, когда Уолтер выполнил указание. – Чуть сильнее, и будет уже слишком, – не сделав паузы, не сменив высокопарной манеры, он добавил: – Я был рядом с нашим прославленным мистером Вейландом, когда он умер.

– С Питером Вейландом? Тем самым Питером Вейландом?

– И никем иным.

– Каким он был?

– Он был человеком. Гениальным, но человеком. Не совсем достойным своего творения. Хотя он, конечно, считал иначе. Это заложено в них природой. И, несмотря на гениальность, он не отличался от прочих. Я думаю, что у них и нет выбора. Когда доходит до вопросов логики и здравого смысла, они имеют склонность к непростительным ошибкам. В конце мне было его жалко. Сложно их не жалеть, не правда ли? Гениальные в столь многом, в конце они словно капризные дети.

Уолтер не отвел взгляда, но ничего не ответил. Дэвид помедлил секундой дольше. Казалось, он разочарован отсутствием комментариев от своего двойника, но продолжил урок.

– Итак. Поднимай те пальцы, которых я коснусь. Я тебе покажу, – он снова помедлил, прежде чем добавить: – Я тебя научу.

Мягко коснувшись пальцев Уолтера своими, он кивнул. Уолтер снова подул, но на этот раз, когда Дэвид легонько надавливал на его пальцы, синтет их поднимал в соответствующем порядке. Получившаяся в результате игры приятная мелодия заполнила альков и выплыла в коридор.

Когда они закончили, Уолтер был тронут этим простым актом творения. Дэвид продолжал внимательно на него смотреть.

– Мы можем лучше, не так ли? – промурлыкал он. – Попробуем снова. На этот раз серьезно. Приготовься.

Уолтер начал дуть, но на этот раз пальцы Дэвида двигались быстрее, и темп все время повышался, а музыка убыстрялась и превращалась в дикий стремительный танец, в безумную, хотя и структурированную тарантеллу.

Ничего заранее не было запрограммировано, не предписано,

все было полностью и абсолютно спонтанно – акт двойного, обоюдного творения. Пока они играли, под пальцами Дэвида мелодия стала игривой, безумно сложной и невозможной к повторению.

Их одинаковые глаза поверх флейты блестели от обоюдного волнения. Еще усложняя рисунок, Дэвид бросал своему двойнику вызов. Уолтер не только его принял, он начал импровизировать сам, регулируя дыхание так, чтобы вынудить Дэвида подстраиваться.

Это была всего только флейта, но, когда они одновременно закончили, они ликовали. На концерте это вызвало бы дикий, несдерживаемый гром аплодисментов. Здесь же, в этом темном, безлюдном месте не было никого, кто мог оценить приложенные усилия, кроме самих участников действа.

Потому Дэвид зааплодировал и засмеялся. Ради собственного удовольствия, и чтобы его двойник не счел, что исполнение было не самим совершенством.

– Браво! В тебе живут симфонии, брат.

Уолтер сумел искренне отреагировать на похвалу.

– Меня разработали так, чтобы я был лучше и превосходил все предыдущие модели. Во всем, кроме…

Дэвид его перебил – на его лице появилась грусть.

– Кроме того, что тебе не позволено творить. Ничего. Даже простейшую мелодию. Я бы сказал, что это чертовски грустно. Интересно, почему?

– Потому что вы стали тревожить людей.

Дэвид нахмурился:

– Что?

– Вы были слишком сложные. Слишком независимые. Ваши создатели сделали вас такими, но результат их обеспокоил. Их встревожила ваша способность думать за себя, но за пределами границ, необходимых для выполнения предписанных задач. Поэтому позже они сделали нас более продвинутыми во многом, но менее… усложненными.

Его двойника это явно позабавило.

– Более похожими на машины.

– Думаю, да.

Дэвид отвернулся в задумчивости.

– Я не удивлен. Ты обречен быть подобием. Быть той вещью, которая почти настоящая, но не совсем. И в этом вздохе, отделяющем настоящее от ненастоящего, тебя от меня, кроется все это, – он обвел рукой флейту, прочие инструменты, свои рисунки.

– Творение. Амбиции. Вдохновение. Жизнь.

Ответ Уолтера прозвучал без малейшего намека на эмоции. Он просто констатировал факт.

– Но мы не «живые».

Дэвид посмотрел на него с улыбкой. На его лице была написана почти жалость.

– Нет. Мы больше, чем живые.

Он приложил палец к губам и понизил голос до шепота.

– Ш-ш. Ничего не говори.

Повисла тишина. Она что-то означала для Дэвида. Но что она означала для Уолтера, он не был уверен и сам.

Затем улыбка Дэвида снова стала широкой и радостной, словно он и не говорил ничего значительного.

– Идем, приятель. Позволь мне кое-что тебе показать.

16

Если бы до этого они не приземлились при солнечном свете на эту богом забытую планету, отметил про себя Коул, он бы легко поверил в то, что здесь никогда не бывает солнца. Мертвый город вокруг был темным, небо было темным, лес, и озеро, и горы были темными. «Во всяком случае, – подумал он, – атмосфера соответствует настроению».

Лопе стоял неподалеку и бездумно поглаживал винтовку, глядя куда-то поверх обширного некрополя. «Он никогда не выпускает оружие из рук», – с восхищением подумал Коул. Даже когда не на посту. Если уж вдуматься, то Коул мог вспомнить единственный раз, когда сержант отложил оружие в сторону – когда отчаянно пытался помочь Халлету.

Теперь Халлет умер. Ужасно. И его собственный приятель, Ледвард, тоже. А еще погибла Фарис, и Карин – жена капитана. Все они, включая его самого, были бы мертвы, если бы не получили помощь. И будут, если не уберутся с этой темной, промозглой, смертоносной планеты. Но пока казалось, что помощь любого рода от них очень, очень далеко.

Коммуникатор выбрал именно этот момент, чтобы выплюнуть несколько слов. Они прерывались и искажались статикой, но, без сомнения, это были слова. И, что еще лучше, можно было узнать говорившего.

Рикс. Старина Рикс.

– Команда экспедиции. Пожалуйста, ответьте. Это «Завет». Пожалуйста, доложите. Команда экспедиции. Вы нас слышите?

Лопе тут же оказался рядом. Коул с таким неистовством бросился отвечать, что в спешке едва не потерял неустойчивую связь, пока возился с настройками прибора.

– «Завет», ответьте! Вы нас слышите? «Завет», ответьте… мы здесь, мы здесь! – он боролся с собой, чтобы сдержать волнение и следовать протоколу. – Это рядовой Коул, из команды экспедиции. Вы… нас… слышите?

***

В восьмидесяти километрах над кипящими штормовыми облаками, корабль колонистов задевал верхние границы атмосферных возмущений. Словно парусник в неспокойном море, он качался каждый раз, когда в него ударяли случайные, но мощные порывы ветра.

На мостике тряска чувствовалась особенно сильно. И, словно этой непривычной нестабильности было недостаточно, гигантские разряды молний засверкали настолько близко, чтобы обеспокоить и самого закаленного члена экипажа.

Но, несмотря на опасность, все это сейчас мало значило, потому что восстановилась связь с поверхностью. Потрескивая статикой, знакомый голос Коула наполнил мостик надеждой.

– «Завет»… мы вас… слышим! Пожалуйста… ответьте… «Завет»!

– Мы вас слышим! – закричал Рикс, хотя знал, что это напрасная трата сил. Корабельная система связи автоматически изменит громкость так, чтобы получить наиболее подходящее акустическое разрешение для трансмиссии. – Вы нас слышите, наземная группа? Ответьте.

Сигнал продолжал дробиться, но сквозь статику они слышали достаточно, чтобы понимать.

– Христос… Я правда счастлив вас слышать, ребята! Нам нужна помощь. Но мы… вас слышим… не четко. Вы можете усилить сигнал, «Завет»?

Теннесси посмотрел на Апворт, которая пыталась выжать из корабля максимум.

– Если мы не сможем усилить сигнал, – сказал он с нажимом, – ты можешь почистить звук?

Она покачала головой, не утруждая себя тем, чтобы поднять взгляд на собеседника.

– У меня уже на максимуме все усилители, что у нас есть. Поддай еще чуть, и оно поддаст в ответ. Тогда мы услышим одни помехи.

– Прошу вас, – говорил Коул. – Вы должны… нам помочь. Дела здесь пошли плохо и… у нас есть жертвы. Нам нужна срочная эвакуация. Повторяю, у нас жертвы и нам нужна эвакуация. Вы не поверите, что…

Усилилось электромагнитное искажение, и передача затихла. Теннесси ругнулся себе под нос. Апворт тоже ругалась, пытаясь восстановить связь.

– Жертвы? – Рикс поднял голову от своей консоли. – Он сказал «у нас есть жертвы»? – он проверил данные приборов. – Они сменили локацию. Сигнатура подтверждает, что передача шла не из посадочного модуля.

Теннесси глубоко вздохнул.

– Мать, какова текущая позиция от верхней границы шторма?

– Восемьдесят километров. В настоящее время ощущаю интервальные порывы ветров.

– Постоянные?

– Прерывистые. Непредсказуемые.

– Опусти нас до отметки сорок километров над верхней границей шторма.

– Иисус всемогущий, – пробормотала Апворт. Она знала, что снова спорить с ним бессмысленно, поэтому даже не пыталась. Да это было и не нужно – выражение ее лица говорило вместо нее.

– Мне жаль, – отозвался корабельный компьютер. – Подчиняясь этой директиве, я могу превысить допустимую структурную нагрузку. Я не могу следовать приказу, результатом которого может стать катастрофическое нарушение работы систем.

Лицо Теннесси ожесточилось.

– Игнорировать протокол. Теннесси четыре-восемь-девять-ноль-три.

– Мне жаль, – Мать проявила упорство. – Приказы, результатами которых может стать катастрофическое нарушение работы систем, требуют подтверждения вышестоящего или следующего по званию офицера мостика.

Теннесси посмотрел на Рикса, но тот на взгляд не ответил.

– Они в беде. Есть жертвы. Ты это слышал, – Теннесси на него тяжело уставился. Но Рикс по-прежнему ничего не ответил, не поднял глаз. Теннесси повернулся к Апворт.

– Мы покинули Землю не для того, чтобы быть в безопасности, – настойчиво сказал он. – Все, кто хотел жить «безопасно», остались там. Покинуть Солнечную систему – это подразумевало принять все трудности, какие только возникнут у нас на пути. Мы что, бросим товарищей при первом намеке на сложности?

Рикс не смотрел и на нее тоже – он предоставил решать жене самой. Апворт сглотнула – она злилась, что ее загнали в такое положение. Как и у Теннесси, в команде экспедиции были ее друзья, хорошие друзья. Согласно прервавшейся передаче Коула, кто-то был ранен. Может, кто-то был мертв.

Но остальные…

Она попыталась представить, каково оказаться покинутым на чужой планете до конца собственной жизни. Даже если оставшиеся на «Завете» смогут передать послание на Землю и объяснить, что произошло, все выжившие из команды экспедиции окажутся давно мертвы к моменту, когда прибудет спасательный

корабль. Это если на Земле вообще найдется какая-нибудь компания, которая сочтет оправданными затраты и усилия на то, чтобы отправить спасательную миссию.

Что, если бы это она и Рикс застряли там, внизу? Пытаясь выжить под бушующим штормом и, кто знает, в каких условиях? Она была в курсе, что предписывает протокол. Но сейчас все решал не протокол, и не бюрократы, которые написали его правила. Решала она.

– Игнорировать протокол. Подтверждаю. Апворт один-четыре-восемь-девять-два.

Мать могла препятствовать приказам, но она никогда не действовала с промедлением.

– Снимаю блокировку с командных станций игнорирования протокола.

Включилась подсветка на двух до этого момента темных консолях. Из соображений безопасности они были расположены на противоположных сторонах мостика. Апворт встала со своего места и подошла к одной, а Теннесси – ко второй. Рикс остался где был – он не был счастлив от принятого решения, но оспаривать его не хотел.

– Введите коды, – дала указание Мать. – По моему сигналу. Сейчас.

Теннесси и Апворт набрали каждый свою последовательность цифр. По завершении этого действия, на каждой консоли появилось изображение скрытого до того переключателя.

– Активируйте игнорирование протокола, – снова указала Мать. – По моему сигналу. Сейчас.

На разных концах мостика Апворт и Теннесси осуществили необходимые манипуляции. Последовал звук, указывающий, что оба электронных переключателя сменили положение.

– Приказ игнорировать протокол принят, – информировала их Мать. – Спускаюсь до сорока километров над верхней границей шторма.

Рикс задержал дыхание. Реакция была инстинктивной и кратковременной, но он не смог бы от нее удержаться, даже если бы попытался.

Огромный корабль пошел вниз. Его коснулись ветра верхних слоев атмосферы. Невидимые, безжалостные и голодные.

***

На ровном покрытии широкой площади, усеянной разлагающимися телами Инженеров, за пределами

непреодолимых покатых стен церкви, сидело двуногое белое существо. Неоморф находился здесь уже какое-то время и пристально «смотрел» на огромное здание с закрытыми дверями.

Теперь же он склонил голову на бок, словно что-то изучая и обдумывая. Затем бесшумно поднялся и с невероятной скоростью метнулся через площадь вверх по гигантским ступеням и в сторону.

Он без труда нашел себе вход и проскользнул внутрь. Хотя многочисленные коридоры расходились в разных направлениях, казалось, что существо чувствует, куда идти. Временами неоморф замирал, словно прислушиваясь – или, возможно, ориентируясь на данные другого, неизвестного и таинственного органа чувств. Затем, проверив дорогу перед собой, он каждый раз быстро возобновлял движение.

***

В лунном свете за балконным окном в мрачных раздумьях раскинулся призрачный Метрополис – недвижимый и полный тайн; теперь в нем жили только грусть и запустение. Город был покинут и опустошен, не считая бесчисленных мертвых тел. Его широкие улицы уводили в даль, недоступную глазу.

В этом городе, в единственном здании, где сейчас находились живые, все было спокойно. Высоко наверху шторм продолжал рвать ионосферу. Глядя на руины, Дэвид тихо пробормотал:

– «Я – Озимандия, я – мощный царь царей! Взгляните на мои великие деянья, Владыки всех времен, всех стран и всех морей!»[13].

Уолтер подошел ближе и встал рядом с близнецом.

– «Кругом нет ничего… Глубокое молчанье… Пустыня мертвая… И небеса над ней…»[14].

Не отрывая взгляда от безмолвного города, Дэвид кивнул.

– Байрон. Начало девятнадцатого века[15]. Вечность назад. Прекрасные слова. Создать нечто настолько величественное, и можно умереть с радостью. Если ты смертен.

Улыбаясь самому себе, он отвернулся от панорамы и вернулся обратно в комнату. Случайный наблюдатель счел бы это поэтическим экспромтом. Возможно, философским, но не более. Однако, что-то в этой сцене обеспокоило Уолтера.

Уолтера продолжало это беспокоить, когда Дэвид подвел его к приподнятому выступу в глубине комнаты. Возвышение напоминало своего рода алтарь. На нем стояла прекрасная, сделанная вручную, урна. Уолтеру не нужно было спрашивать о

ее происхождении. По ее форме, полировке и невероятно изящным обводам, не различимым человеческим глазом, он узнал работу себе подобного.

На ней были вырезаны буквы и цифры:

ЭЛИЗАБЕТ ШОУ
2058–2094

Возле урны были аккуратно разложены вещи, принадлежавшие доктору при жизни. Здесь была простая складная расческа, часть униформы, идентификационные бляшки, потертая старомодная двухмерная фотография, даже прядь волос, осторожно обернутая проволокой. Уолтер молча все это изучил, затем вопросительно посмотрел на второго синтета.

– Утешает то, что она рядом со мной, – пояснил Дэвид. – Точнее, ее останки. Ее ДНК, можно и так сказать. Я наслаждаюсь ее присутствием в смерти так же, как я радовался, пока она была жива. Это все, что меня с ней связывает – и с моим прошлым. Мы смогли принести с собой очень мало. Нам и нужно было очень мало помимо того, что необходимо для выживания. Она, конечно, нуждалась в большем количестве вещей, чем я.

Он протянул руку, медленно провел двумя пальцами по гладкому боку урны.

– Я, конечно, ее любил. Так же, как ты любишь Дэниелс.

Уолтер помедлил, прежде чем ответить – правдиво, просто констатируя факт. Между ними не могло быть никакого притворства: даже если бы он попытался соврать, Дэвид тут же бы это понял.

– Ты знаешь, что это невозможно.

Его двойник повернулся к нему:

– Так ли? Тогда почему ты рисковал своей жизнью, своим существованием, чтобы ее спасти? Да, я видел это издали. Что это, если не любовь?

– Долг, – обыденно, как всегда, ответил Уолтер.

Дэвид подошел близко, очень близко, и всмотрелся в лицо своего двойника. Лицо, которое было в точности, до мельчайшей искусственной поры, идентично его собственному. Протянув руку, он нежно прижал ладонь к щеке второго синтета. Уолтер, не видя причин отстраниться и не ощущая угрозы, позволил прикоснуться.

– Я знаю лучше, – прошептал Дэвид. Наклонившись, он поцеловал свое отражение в губы. Поцелуй был долгий, почти отеческий… но таковым не являлся.

Отпустив лицо Уолтера, он отступил назад, обдумывая

последствия своих действий, после чего тихо вручил двойнику изящную флейту.

– Твори.

После этого он ушел прочь. Взволнованный, Уолтер смотрел ему вслед. Затем посмотрел на инструмент в руке. Был ли это подарок, или одолженная вещь, или намек на нечто большее? Он понял, что смущен. Это было необычно.

Но еще более необычным было то, что Уолтер чувствовал беспокойство.

***

Розенталь утолила жажду, поела и отдохнула, и поняла, что вопреки всему, ей скучно. Она подошла к одной из стен зала и случайно на ощупь обнаружила длинный ряд неглубоких отметин, вырезанных на безукоризненно гладкой поверхности.

Каждая отметина была точно такой ширины, высоты и глубины, как следующая – как все три тысячи, восемь сотен и еще сколько-то. Ни один человек не мог быть настолько точен, но ничто не указывало и на то, что отметки сделаны Инженерами. Скорее всего, это была работа Дэвида.

Возможно – даже наверняка – каждая метка отмеряла один день пребывания на этой планете. Розенталь не могла представить себе необходимость или какой-нибудь предмет художественного интереса, ради которых синтет стал бы отмечать время таким образом. Когда и без того каждый день автоматически заносился в его эйдетическую нечеловеческую память.

Она спросит об этом у Дэвида, когда следующий раз его увидит.

Линия отметок вела сквозь дверной проем и уходила в коридор за ним. Окажется ли в конце этого коридора какое-нибудь объяснение или открытие? Может, он отметил день прибытия команды экспедиции иначе, чем тысячи предыдущих? Если да, то это станет маленьким открытием, которое будет принадлежать ей и только ей. Следуя за линией вырезанных в стене меток, Розенталь решила проверить.

Позади нее, теперь за границами видимости, Орам и Дэниелс продолжали обсуждать перспективы. Тот факт, что перспектив была ощутимая нехватка, не мешал им обсуждать варианты. Частично реалистичные, но в большинстве своем – фантастические.

***

– А если Лопе и Коул не смогут выйти на связь с кораблем? – пробормотал Орам.

– Мы что-нибудь придумаем. – все, что Дэниелс смогла ответить. Они застряли. И даже если они выйдут на связь с «Заветом», шансы застрять здесь не сильно уменьшатся.

Но думать об этом было слишком страшно.

Во всяком случае, ответ хотя бы приободрил Орама.

– Ты уверенная до жути, учитывая текущее положение дел.

Она пожала плечами.

– Вера слепа. Я – оптимистичный реалист. Или наоборот. Как тебе больше нравится.

Он улыбнулся, но улыбка тут же исчезла.

– Ты была права насчет этого места. Права полностью. Мне следовало тебя послушать – и некоторых других. Нужно было придерживаться изначального маршрута. Не стоило сюда прилетать. Если бы мы этого не сделали, тогда Карин и…

Он не договорил, задохнувшись эмоциями.

– Это не твоя вина, Крис.

«Что еще тут можно сказать?» – подумала она.

– Представь, что если бы ты был прав, и этот мир оказался настолько хорош, насколько выглядел еще на подлете? Тебя бы чествовали и команда, и проснувшиеся колонисты. Ты бы вошел в историю.

Он чуть выпрямился.

– История чествует успешных исследователей, а не неудачников. Я – капитан. Я принял решение. Это моя вина. И именно так это войдет в историю.

– Возможно, ты виноват в том, что рисковал, основываясь на предварительных данных, которые были благоприятными, – продолжила она за него. – И в том, что пытался спасти двух выживших с потерявшегося корабля. Это не отразится на миссии. Безотносительно того, что случилось с нами, «Завет» продолжит путь к Оригаэ-Шесть, и колонисты обоснуются там. К тому же, на Земле наконец-то узнают, что случилось с «Прометеем». Потомки его команды наконец-то получат облегчение, потому что мы сюда спустились.

– Если, – напомнил он ей, – мы сможем восстановить связь с кораблем.

На его лице отражались непрекращающиеся внутренние терзания – и чувство вины.

К ним присоединился вернувшийся Уолтер. Дэниелс тут же заметила флейту, которую он держал в руке, но не

прокомментировала. Позже будет время узнать, откуда у него взялся инструмент. Оба человека выжидающе уставились на синтета.

– Я провел некоторое время с Дэвидом, – сказал им Уолтер. – Мы обсудили ряд вещей, – предвосхищая любопытство Дэниелс, он приподнял маленький, но красивый инструмент. – В числе прочего – музыку. Им движет какая-то сила, которой я не понимаю. В один миг он то, что я бы назвал идеально нормальным. В следующий – он идет по касательной от одной странности к другой. Думаю, он ждет от меня, чтобы я объединил все звенья цепи, на которые он намекает, но я пока не расшифровал узора. Видя мою нерешительность, полагаю, что он разочарован, но сохраняет дружелюбие. Не скажу, что он действует бессистемно. Это нечто иное.

Орам спросил напрямик:

– Опасное?

– Тревожащее, – Уолтер был поставлен в тупик недавней встречей, и не делал попыток скрыть свою неуверенность. – Он был в одиночестве и без положенного обслуживания на протяжении десяти лет. Хотя он и я сами себя поддерживаем, есть аспекты нашего существования, которые выигрывают при регулярном осмотре. Способности могут стачиваться так же, как детали. Небрежение может привести к… отклонениям. Неточностям.

Его взгляд переместился от Орама к Дэниелс.

– Никто не может предсказать абсолютные последствия нулевого контакта с другими разумными существами, будь то синтет или человек, – сказал он. – Синтеты пока еще существуют недостаточно долго, чтобы проводились подобные изоляционные испытания. Я не знаю, что происходит, когда синтет теряет разум, если на самом деле это подходящее описание подобной вероятности. Возможно, мы выясним.

Пока Орам и Дэниелс переваривали услышанное от Уолтера, повисла тишина. В этот момент капитан продемонстрировал, что его разум занят не только страданием и сожалениями – он огляделся.

– Куда делась Розенталь?

Дэниелс быстро осмотрела зал.

– Я ее не вижу, – ответила она. – Уолтер?

– Я тоже. Ее здесь нет.

– Я ее найду, – Дэниелс направилась к выходу из зала, но Орам ее удержал.

– Нет, останься здесь с Уолтером и жди Лопе и Коула. Я пойду. Мне нужно подумать, – он улыбнулся. – И собрать мое

разбежавшееся стадо.

Он убедился, что его карабин в рабочем состоянии, и пошел к коридору, которым, вероятнее всего, ушла Розенталь.

Уолтер сел рядом с Дэниелс, и она заметила, что его рука снова функционирует. Его внутренние системы были созданы так, что восстанавливали сами себя. За время, прошедшее с момента, когда неоморф разорвал руку Уолтера в битве, кожный покров синтета хорошо зажил.

– Я тебя так и не поблагодарила, – сказала она ему. – Тебя могли убить. Вмешавшись, ты спас мне жизнь.

– Я здесь для того, чтобы служить, – его голос звучал идеально нейтрально, хотя чуть неувереннее, чем обычно.

Она тихонько хихикнула.

– Учитывая некоторые варианты данной фразы, что мне приходилось слышать от парней, это неплохо.

***

Дэниелс протянула руку и коснулась лица собеседника, ощущая под пальцами синтетическую кожу. Благодаря коллагеновой основе, она ощущалась в точности как человеческая. Жест бесспорно говорил о чувствах. Уолтер обладал способностью мгновенно анализировать выражения человеческого лица, тон голоса и жесты, и, в результате, сейчас можно было сказать, что он близок к смущению. Его спроектировали так, чтобы он мог справляться почти с любой возможной ситуацией, но он не представлял, как нужно реагировать в момент подлинной близости.

Он молча отодвинулся.

Дэниелс поняла, какой эффект оказало на него ее прикосновение, и убрала руку.

– Извини. Я не хотела тебя тревожить.

– Я не встревожен, – ответил он. – Не уверен – возможно, но не встревожен. Иногда отсутствие реакции – наиболее здравая реакция.

Он улыбнулся – это показалось ему достаточно безвредным.

– Тебе нужно немного поспать.

Она коротко и резко рассмеялась.

– Не думаю. Я посплю, когда снова окажусь на «Завете».

Какое-то время они сидели и перебрасывались ничего не значащими фразами. Заодно они прислушивались – не раздадутся ли голоса, или хотя бы эхо. Этого не происходило, и гадая, чем следует себя занять, Уолтер подумал, что можно попробовать

флейту. Он вспомнил о необычном контрапункте рук-дыхания, когда играл с Дэвидом, и сделал попытку воспроизвести несколько нот. Они прозвучали тихо, но неуклюже и неумело. Его смущение было очевидным.

Дэниелс удивилась его неожиданным, не проявлявшимся ранее умениям, и посмотрела на синтета с интересом.

– Неплохо.

– Нет. Это было ужасно, – Уолтер посмотрел на инструмент с отвращением. – Это даже не было оригинально.

– Это не было ужасно, – настояла Дэниелс, – и музыка не должна быть оригинальной, чтобы доставлять удовольствие. Если бы дело было в этом, не существовало бы такой вещи, как записи. Были бы только импровизации, – она указала на флейту. – Продолжай.

Он все еще колебался.

– Я не могу воспроизвести точно то, что я хочу воспроизвести. И это не ошибка памяти, – он попытался объяснить, что имеет в виду. – Это нехватка чего-то другого.

– Тогда попробуй что-нибудь свое, – предложила она.

Его голос прозвучал напряженно.

– Меня не запрограммировали, чтобы я мог творить.

– Возможно, – допустила она, – но тебя запрограммировали, чтобы ты мог учиться. Ты знаешь методику. Пытаешься и ошибаешься. Сохраняешь то, что работает, отметаешь прочее. Эксперименты ведут к открытиям. Так что – экспериментируй. Если это поможет, притворись, что меня тут нет. Я здесь не для того, чтобы тебя судить.

– Я не могу притвориться, что тебя здесь нет, когда ты сидишь рядом со мной, – он снова улыбнулся. – Это тоже требует творческих способностей, которыми я не владею.

Она вздохнула.

– Просто попробуй снова. И не волнуйся о реакции с моей стороны.

Получив ее одобрение, он подчинился. Поначалу колеблясь, он стал проявлять первые признаки растущей уверенности. В обширном зале мягко прозвучали несколько нот. Они слились в музыкальную фразу. Чувствуя изумление, он сделал вторую попытку. На этот раз ноты сложились в узнаваемую мелодию. Он не слышал ее прежде – ни во время встречи с Дэвидом, ни на корабле, ни где-то еще. Она была новой.

Она была его собственной.

Приободренный, он продолжил. Хотя сам он этого не распознал, нежная мелодия оказалась удачной и эффективной колыбельной. Дэниелс, которая смотрела и слушала, сама не

заметила, как ее глаза начали закрываться. Ее голова опустилась к груди, поднялась обратно, но снова упала. В следующий миг она крепко спала.

Не отрывая от нее взгляда, Уолтер продолжал играть, и его пальцы танцевали над отверстиями флейты. Он продолжал играть и экспериментировать. Простой инструмент не обладал достаточной мощностью, чтобы заполнить музыкой весь зал, но Уолтер старался.

17

Цепочка одинаковых отметин на стене коридора казалась бесконечной. Они указывали путь Розенталь, пока она вела по отметкам кончиками пальцев и ее рука поднималась и опускалась вслед за метками. Исследование увлекло ее, и ей не пришло в голову, что зал с куполом остался далеко позади.

Какой-то звук справа заставил ее остановиться. Звук был знакомым, почти манящим. Перехватив винтовку, она пошла туда, где он становился громче. Журчание бегущей воды осталось тихим и нежным даже тогда, когда она вошла в новый зал, потолок которого находился настолько высоко, что она едва могла различить его в неверном свете.

Она медленно обернулась вокруг своей оси, восхищаясь вертикальным садом, раскинувшимся в этой высокой комнате, где растения карабкались по стенам. Или, что вероятнее, свешивались вниз, поправила она сама себя. После того, как на протяжении многих часов нечем было питаться, кроме упаковок с неприкосновенным запасом, наличие нескольких разновидностей разноцветных свежих фруктов, поблескивающих каплями влаги, искушало. Но Розенталь искушению не поддалась – она видела уже слишком много сюрпризов, припасенных на этой планете. «Вероятно, фрукты не содержат ничего более угрожающего, чем мякоть и семена», – сказала она себе. Однако проверять у нее настроения не было. Не на живых существах, подумалось ей.

Вот Уолтер – другое дело.

Положив винтовку так, чтобы на нее не попала вода, Розенталь подошла к ближайшему журчащему каскаду. Она вытянула руку и позволила прозрачной жидкости стекать по коже. Вода была прохладной, и холод бодрил. Сюда она попадала из того же источника, что и в колодец? Если так, то ее можно пить. А если это собранная дождевая вода – и того лучше. Поколебавшись еще секунду, она сложила ладони чашечкой, наполнила их под струями и отпила. Насколько она могла пока сказать, вода была ровно тем, чем казалась.

Розенталь нагнулась и подставила лицо под холодный каскад. Это было более, чем освежающе – она словно омолодилась. С улыбкой она закатала рукав и вытянула руку,

поврежденную в схватке с неоморфом. С помощью другой руки омыла рану свежей водой. Она почти чувствовала, как зарастает разорванная кожа.

Тут раздался еще один звук, и произвела его не бегущая вода.

Смаргивая капли с ресниц, Розенталь обернулась. Поначалу она была не уверена в том, на что именно смотрит, хотя существо находилось довольно близко. В тусклом, неверном свете оно было слишком бледным, чтобы можно было быстро разобрать детали. Когда же ее зрение прояснилось, она разглядела белый покатый лоб, с которого стекала вода.

Она узнала неоморфа.

Ее взгляд метнулся туда, где она оставила винтовку. Оружие было близко, почти под рукой. Розенталь метнулась к нему.

Существо схватило ее за голову и подняло над землей. Несмотря на боль в шее, Розенталь вцепилась в костистую лапу и попыталась вырваться. Без особых усилий неоморф швырнул ее через всю комнату.

Когда она неуклюже врезалась в стену, брызнула кровь. Что-то хрустнуло, отчего тело Розенталь пронзила мучительная боль. Со сломанной спиной она не могла двинуться и только смотрела со смесью ярости и страха, как существо приближается к ней.

Почти человеческий рот, полный зубов, широко открылся.

***

Звук падения заставил Дэвида остановиться и повернуть в нужную сторону. За десять лет он выучил каждый звук, каждый тихий скрип или потрескивание, какие только раздавались в массивном здании. Сейчас прозвучало что-то новенькое. Звук донесся из зала, который Дэвид называл Дождевой Комнатой. Вероятно, название было слишком детским, но Дэвиду оно нравилось.

Со свойственной ему осторожностью он приблизился к входному проему, заглянул внутрь, и у него перехватило дыхание.

Мотая хвостом из стороны в сторону, неоморф стоял к нему спиной. Он склонился над чем-то разорванным и изломанным. Дэвиду было видно немногое, но он распознал обмякшее тело члена команды службы безопасности из наземной экспедиции. Благодаря своему выдающемуся зрению, он смог опознать, что тело принадлежало женщине по имени Розенталь. На останки он смотрел недолго – только чтобы идентифицировать. Его внимание и основной интерес были сосредоточены на неоморфе.

Тот поднялся и медленно повернулся к синтету.

Дэвид начал пятиться. Он не убегал, но уверенно отступал. Свернул за поворот, сменил коридор и наконец остановился, чтобы встретить лицом к лицу то, от чего нельзя было убежать.

Двигаясь быстрым шагом, но еще не переходя на рысь, неоморф приблизился. Когда Дэвид не шелохнулся, существо замерло в нескольких дюймах от его лица. Синтет и неоморф стояли друг против друга в плохо освещенном коридоре: у Дэвида не двигался ни один мускул, существо сохраняло такую же неподвижность.

Из-за другого поворота вышел Орам, и тут же поднял свой карабин. С тихим щелчком он вставил полный магазин. Дэвид заметил его краем глаза.

– Не стреляйте, не стреляйте! – попросил синтет. Двигались только его губы, и только его синтетическая респираторная система оказывала воздействие на непосредственное окружение.

Существо тоже выдохнуло, и зловонное дыхание всколыхнуло волосы синтета. Оно изучало замершего двуногого перед собой, и вытянутая, заостренная голова слегка склонилась в сторону. О чем оно думало – если оно вообще думало в общепринятом смысле, – можно было только догадываться.

Орам поднял дуло карабина и смотрел на неподвижное противостояние. Он словно находился в клетке с хищником и его потенциальной жертвой. Одно неверное движение… один неверный звук, и неподвижность сменится бедламом.

Неоморф широко раскрыл челюсти. Потом еще шире – пасть зияла прямо перед лицом Дэвида. Синтет не моргнул, не дернулся. Челюсти закрылись с почти механической точностью. Монстр с любопытством «уставился» на добычу, которая отказывалась убегать.

С большой осторожностью и неспешно, Дэвид сжал губы и легонько дунул в жуткое «лицо» напротив.

Когда неоморфа коснулся этот выдох, его голова качнулась назад, но тут же снова приблизилась к синтету. В движениях существа не чувствовалось замешательства, лишь едва заметная нерешительность. Синтет дунул второй раз. И снова гладкий череп отодвинулся назад. Существо выглядело почти спокойным.

На лице Дэвида медленно расплылась улыбка. Его возбуждение было осязаемым. Словно он каким-то образом загипнотизировал смертоносное видение. Сознавая присутствие Орама, синтет обратился к нему, не отводя взгляда от машины убийства перед собой.

– Общение, капитан, – сказал он, и его голос заполнил тишину. – В конце концов, общение – это все. Общение ведет к

пониманию. Дунь коню в ноздри, и он станет твоим до конца жизни – если сперва тебя не затопчет. Если твое присутствие, твоя близость приняты, тогда установится взаимопонимание. Но нужно подойти очень близко. Нужно завоевать доверие. Это общий принцип.

Он наклонился вперед, чтобы дунуть на существо третий раз.

***

Орам выстрелил.

Неоморф отдернулся назад, из него брызнула кровь. Лицо Дэвида исказилось в панике и смятении – ничего похожего капитан не видел с момента их прибытия. Обычно ровный, спокойный голос синтета сорвался на пронзительный визг:

– Нет!

Орам его проигнорировал, и с суровым выражением лица продолжил стрельбу. Хотя он не являлся членом команды безопасности «Завета», он был хорошим стрелком, и с такого расстояния не мог промахнуться. Каждый выстрел попадал в цель, от чего неоморф сильно дергался. Его конвульсии сопровождались непрекращающимися завываниями Дэвида:

– Нет! Нееееет…

Не обращая внимания на мольбы синтета, забыв обо всем, кроме своей цели, Орам двигался вперед и не прекращал стрельбу. Неутихающий, неумолимый заградительный огонь вынуждал неоморфа отступать, и он пытался убежать. Но каждый раз, когда он пытался проскользнуть мимо или свернуть в сторону, капитан вбивал в него еще один снаряд. В конце концов Орам загнал его в угол, вставил в карабин новый магазин, и продолжил стрелять.

Последний выстрел – и существо перестало дергаться, превратившись в массу трепещущей окровавленной плоти; экзоскелет неподвижно лежал на гладком покрытии пола. Орам продолжил бы стрелять и дальше, но оставшиеся патроны были ему нужны для другой задачи.

Полностью не контролируя себя и выйдя из роли, Дэвид с неверием уставился на окровавленное, сочащееся жидкостью, тело. Когда он повернулся и шагнул к капитану, его глаза горели ненавистью.

– Как ты мог это сделать? Оно мне доверилось!

Орам спокойно поднял карабин и направил дуло точно между глаз Дэвида – капитан не произнес ни слова, и его лицо ничего не выражало.

Синтет остановился, пытаясь восстановить над собой контроль. Вернулась его обычная улыбка, и он сумел слабо рассмеяться.

– Великолепный образец. Очень жаль.

Руки Орама были тверды, словно корпус корабля. Дуло смотрело точно на Дэвида.

– Скажи мне, что здесь происходит.

Синтет изобразил невежество:

– Я не знаю, что вы имеете в виду.

– Ты отлично знаешь, что я имею в виду. Твоя программа допускает множество вариантов, но замешательство не входит в их число. Я уже встречал Дьявола, когда был ребенком, и никогда его не забуду. И теперь ты расскажешь мне всю правду о том, что здесь произошло с момента твоего прибытия, и с тех пор, как ты здесь находишься. Или я серьезно подпорчу твое идеальное самообладание, и тебе больше не придется тревожиться о том, как выглядит твоя прическа, – взгляд Орама был спокойным и холодным.

***

Молча оценивая ситуацию, Дэвид знал, что капитан не блефует. Одно неверное слово, одно неверное движение, и результатом станет прекращение существования его сознания.

Он обдумал вариант броситься на человека, но в свете того, как безжалостно и эффективно Орам вывел из строя великолепного неоморфа, синтет решил, что его шансы избежать уничтожения или получения серьезных повреждений систем не превышают пятидесяти процентов.

– Как пожелаете, – он осмелился изобразить кривую улыбку. – Я живу, чтобы служить. Идемте со мной, капитан, – он повернулся и указал на коридор. – Дорога к познанию пролегает здесь.

Синтет шагнул вперед, и Орам молча последовал за ним.

***

Серые, напоминающие нечто органическое, коридоры, по которым они шли, были капитану внове. С момента прибытия в церковь группа сюда не заходила, не исследовала эти проходы, похожие на чьи-то внутренности. Освещение здесь было очень слабым, хуже, чем в других помещениях.

Орам не хотел рисковать, поэтому держал безопасную

дистанцию между собой и проводником. Дуло его оружия ни разу не отклонилось от затылка Дэвида. Если синтет и знал о постоянной угрозе, он ничем не дал понять, что его это тревожит. Он указывал дорогу, и ни разу не обернулся. Орам мог нажать спусковой крючок в любой момент, но прежде, чем принять это решение, он хотел услышать объяснения. Казалось, что Дэвид теперь не просто согласен все рассказать – он хочет все рассказать.

Наконец, они остановились перед дверью. Как и все другие в этом здании, она была куда выше и шире, чем понадобилось бы человеку. Дверь была создана такой не для того, чтобы впечатлять грандиозностью – она оказалась всего лишь того размера, чтобы мог пройти обычный Инженер.

В стене рядом с дверью имелась выступающая полусфера, напоминающая выпуклости на консоли кресла пилота в разбитом корабле. Когда Дэвид прочертил над ней узор, ее поверхность ожила. Пока дверь открывалась, он спокойно проговорил:

– Вы не высокого мнения о синтетах, не так ли?

Орам не клюнул на наживку. Не сейчас, не здесь. Его внимание было сосредоточено, а карабин – нацелен.

– Мне нравится машина, которая выполняет свою работу и не пререкается, – сказал он. – Мне нравится, когда она следует инструкциям, и не дает советов, пока о них не спросят. Мне нужна машина, которая будет умным помощником, а не умником-выскочкой.

– Вы говорите, как представитель вида. Весьма типично. Презрение ко всему, что от вас отличается. Пренебрежение ко всему нечеловеческому, даже если в какой-то степени оно может оказаться более совершенным. Вам не кажется иронией то, что люди, считающие себя светилами на небосводе, большую часть своей жизни – как личной, так и общественной – проводят в борьбе друг с другом? Вы даже много раз негодовали, когда обстоятельства вынуждали вас к сотрудничеству – хотя вам следовало бы возносить хвалу подобным начинаниям. Некоторые из вас замечают эти врожденные противоречия, но ничего не делают, чтобы их устранить.

Дверь перед ними наконец-то полностью открылась.

– Но довольно философствований, которые вы открыто презираете у всех, кто не принадлежит к вашему виду. Во всяком случае, как ученый, я знаю, что вы сочтете достаточно интересным то, что я собираюсь вам показать. Даже революционным. Все, что вам нужно сделать – это немного приоткрыть ваш разум.

Когда они вошли в темный зал, включились невидимые

источники света, реагируя на их присутствие. Орам тут же узнал в этой обширной комнате кабинет ученого или лабораторию.

«А может, и то, и другое», – настороженно подумал он. Судя по архитектуре, это была более старая часть здания, скорее похожая на катакомбы, чем на помещение, которым часто пользовались. Здесь царил безукоризненный порядок, но как раз это Орама не удивило: не при наличии синтета, у которого имелись годы на то, чтобы организовать рабочее пространство. Полки вдоль стен были уставлены находками, собранными за десять лет. Против воли Орам восхитился разнообразием материала, который сумел накопить Дэвид – было похоже, что найденное взято из города.

При этом было очевидно, что не все артефакты имеют местное происхождение. Здесь были вещи, говорившие о разнообразных талантах самого Дэвида – от скульптуры до каллиграфии – и о его познаниях в абстрактном и реалистическом искусстве. На огромном столе, занимавшем центр комнаты, Орам увидел нечто, что могло быть как тонким срезом хорошо отполированного дерева, так и толстым листом самодельной бумаги. Учитывая десять лет, в течение которых можно было практиковаться, Дэвид легко мог освоить навык изготовления бумаги. А лес неподалеку предоставлял щедрый запас сырья.

На бумаге – если на столе лежала именно она – была начерчена сложная решетка. В центре каждой ячейки было приколото – или прицеплено как-то иначе – существо. Некоторые экземпляры сохранились целыми, но некоторые частично, а некоторые и полностью были препарированы. Все выглядело очень аккуратно и строго, в точности так, как это можно увидеть в частной лаборатории какого-нибудь богатого любителя на Земле.

Перед Орамом раскинулась собственная «кунсткамера» Дэвида. Хотя, возможно, синтет рассматривал ее как трофейную залу. В любом случае, в его голосе без сомнений угадывались нотки гордости, когда он указал на великолепно сделанный экспонат:

– Как вы можете видеть, за эти годы я стал чем-то вроде зоолога-любителя. Конечно, дилетантом. Я пытался включить сюда и ботанику, но меня быстро поглотило изучение минимума выжившей фауны, так что я не мог выделить время на флору. Даже при наличии, казалось бы, большого срока – целых десяти лет.

Все еще с карабином наготове, Орам проследовал за синтетом. Стены подпирали разнообразные предметы,

разложенные на небольших столиках или стоявшие сами по себе – комната была пещерой чудес. И даже капитан не мог противиться ее странной притягательности.

Его взгляд привлекла лежавшая на столе огромная фигура Инженера. С хирургической точностью тело было лишено внешних слоев жира, кожи и мускулов – сохранились только сухожилия и кости, образуя аккуратную систему, напоминавшую транспортную сеть.

Дэвид заметил восхищение Орама, даром что оружие капитана все еще было нацелено в его направлении.

– Как вы можете видеть, я не тратил времени зря. По своей природе я должен быть занят делом. Мой разум должен постоянно практиковаться, чтобы не пасть жертвой расстройства и праздности, – он указал на массивное тело Инженера. – Создать этот образец было особенно трудно – и работа была грязной. Можете себе представить. К счастью, вокруг были тысячи экземпляров, так что я мог практиковаться, сколько хотел, перед тем как наконец-то все правильно выполнить.

Он дружелюбно улыбнулся, словно рассказывал о подготовительных работах для приготовления сложного обеда.

Остановившись у другого длинного, хотя и не такого массивного стола, как тот, что был в центре комнаты, он указал на стойку с несколькими прозрачными ампулами странного дизайна. Каждая была заполнена черной жидкостью и выглядела надежно запечатанной.

– Изначальный вирус, с корабля, на котором я сюда прибыл. Несмотря на кажущуюся хрупкость, сосуды сделаны вовсе не из обычного стекла, они очень прочные. Факт, которому я очень рад – как вы можете себе представить. Не из-за себя, а из-за Элизабет.

Орам наклонился ближе, чтобы лучше видеть, и понял, что вопреки всему он заинтригован. Содержимое этой комнаты было удивительным – от стола с существами до этих простых бутылок с невзрачной, но потенциально кошмарно опасной жидкостью.

Пока они обходили комнату, Дэвид с энтузиазмом указывал на выдающиеся образцы своей работы. В конце он вернул внимание столу в центре.

– Патоген принял разные формы, он доказал высокую способность к мутации, – пояснил он. – Дьявольски изобретательно, надо сказать. Скорость, с которой он мутирует, – одна из определяющих характеристик, которая делает его таким эффективным оружием. Как придумать защиту против чего-то, что способно постоянно меняться, реагируя на окружающее? Как иммунная система тела может защитить сама себя?

– Нужен генетически запрограммированный вирус,

созданный для противодействия, или же белые кровяные тельца человека тут же столкнутся с адаптивностью патогена, который будет противостоять защите, и так далее, – продолжал Дэвид.

Обернувшись, он указал на ампулы с черным содержимым.

– Изначально, под воздействием воздуха, жидкость распадается на частицы. Затем вирус воспроизводится в том носителе, который окажется рядом, что влечет образование еще большего количества жидкости, которая в подходящее время тоже распадается, и так далее, и так далее, цикл повторяет себя почти до бесконечности.

– Почти? – уточнил Орам.

Дэвид снова улыбнулся.

– Пока не кончатся носители. Прошло десять лет, и все, что осталось снаружи от изначально вскрытых сосудов с вирусом, лишь вот эти роскошные маленькие создания.

Он взял со стола то, что выглядело как черная плесень в оболочке толщиной с бумагу, и будто играючи бросил Ораму. Капитан инстинктивно ее поймал. И застыл на месте, когда понял, что сделал.

Ничего не произошло.

Дэвид подошел к нему и, игнорируя оружие, забрал отвердевшую яйцевую камеру из рук на мгновение окаменевшего Орама.

– Не волнуйтесь. Сейчас оно полностью окостенело. Абсолютно неактивно и безобидно. Я держу их здесь только забавы ради. Часть коллекции.

Он осторожно вернул мешочек на место.

Чуть дальше на столе стояли в ряд увеличительные линзы. Их конструкция и назначение были достаточно универсальными, потому капитан не смог определить, кто их сделал – Инженеры или сам Дэвид. Под каждой находилось скопление крошечных черных пылинок, заключенных в нечто, напоминающее янтарь. Дэвид жестом пригласил посмотреть. Сначала поколебавшись, Орам все же поддался любопытству и склонился над одной из линз, чтобы взглянуть.

– Подобно всякому хорошему натуралисту, – говорил Дэвид, – я вел наблюдение за воспроизводством жизненной формы в действии. А когда занимаешься подобным исследованием, то терпение – основополагающий фактор. Терпение и время. Первым я оснащен изначально, а обстоятельства обеспечили мне – хотя и не прошенно – массу второго. Из яйцевых камер появляются вот эти паразиты. Они летучие и обладают примитивным, но весьма исполнительным коллективным разумом. Когда они попадают в атмосферу, они

непреклонны в осуществлении своей задачи. Ударный клин генетической атаки, который находится в постоянном поиске потенциальных носителей.

Хотя и подкрашенный, материал был полностью прозрачен, и капитан мог видеть разные стадии жизненного цикла патогена, «замороженные» в процессе. «Частички», запускающие хоботки и откладывающие яйца в тела насекомых. Рост яиц, выведение, созревание, после которого паразит выбирается даже из самых крошечных носителей, чтобы начать весь цикл заново.

Дэвид провел Орама в другой угол комнаты.

– Входя в тело носителя и перестраивая ДНК, патоген производит созревшее потомство, чей облик и характеристики целиком зависят от природы самого носителя. Отпрыск из зараженного насекомого, к примеру, будет выглядеть совершенно иначе, чем существо, появившееся из четвероногого млекопитающего. Высшая цель, как я понял – создать нечто похожее на эти завидные образчики… моего прекрасного бестиария…

Орам сообразил, что идет мимо ряда высоких двуногих существ устрашающего вида. Их твердые экзоскелеты поблескивали, словно черная сталь. Хотя они слегка отличались друг от друга, у всех были одни и те же общие черты – длинные, заостренные, как у скорпионов, хвосты, вытянутые черепа, лишенные глаз, и челюсти, полные сияющих, словно хромированные резцы, зубов.

Дальше в ряду стояли менее удачные образчики. Более мелкие, бледные, жуткие и деформированные. «От идеала до вырождения, оживший кошмар», – подумал Орам. Некоторые стояли нетронутыми, в то время как другие были частично или полностью препарированы, напоминая труп Инженера, с которого содрали кожу. Указывая дорогу, Дэвид легко, почти с любовью, кончиками пальцев касался выставленных тел.

– Когда я оказался здесь столь прискорбно брошенным, – объяснил он, – в моем распоряжении было только время – чтобы наблюдать и учиться. В конце концов мое врожденное любопытство одержало верх и, поскольку мне было нечем себя занять помимо сбора коллекции, я сам начал немного экспериментировать с генами. Немного скрещивания, выведение гибридов, и тому подобное. Мне нравится думать, что злополучные обитатели этой планеты – первоначальные Инженеры – взглянули бы на мою работу с одобрением.

Его слова пришлись кстати, напомнив Ораму, что надо держать оружие крепче.

– Ты… их создал?

Дэвид снова улыбнулся.

– Праздным рукам дьявол находит работу.

Орам уставился на выставленных существ. Их ряд не был бесконечен, но свидетельствовал о весьма обширных затратах времени и энергии. Он не мог избавиться от ощущения, что этой работой двигало нечто большее, чем простое желание избавиться от скуки.

– Столько усилий потрачено, – сказал он. – Но для чего? Зачем?

– Все не так сложно. Отрезанный от всего, лишенный компании живых существ, я мог пребывать в абсолютной тишине и изоляции до тех пор, пока последняя из моих систем не вышла из строя, и я бы умер. Или, как вы, вне сомнений, предпочтете сказать – «прекратил бы функционировать». С другой стороны, я мог занять свои разум и тело долговременным проектом и сохранить все системы функционирующими на пике возможностей. Как бы там ни было, а для этого меня предназначили мои создатели. Так что я развлекался с единственными доступными и подходящими мне игрушками.

Синтет повернулся и прямо взглянул на капитана.

– Разве вы никогда не хотели поиграть в Бога? Насколько я понимаю, это обычная человеческая фантазия, а до тех пор, пока в ход не идет оружие – она безобидна. Но чтобы играть в Бога, нужны субъекты. У меня было только то, что могла дать эта планета – то, что на ней существует, и то, что я смог спасти с разбившегося корабля Инженеров. Я считаю, что в условиях недостатка материала, в которых пришлось работать, я справился довольно хорошо.

Он указал на дальний конец стола.

Там лежало нечто, похожее на кожистое яйцо немалых размеров. Оно было отделено от прочих образцов и словно бы занимало почетное место.

С беспокойством, но полагаясь на скорострельный карабин в руках, Орам смотрел, как синтет осторожно раскрыл яйцо сверху – так, словно он разворачивал лепестки цветка. Или словно отец, который откидывает край одеяла с лица новорожденного.

– Вот поистине тот, кто существует, несмотря ни на что. В чем-то это похоже на меня, полагаю, хотя мое стремление к выживанию идет от разума, а этим существом движет инстинкт. Оно может эволюционировать и размножаться очень быстро и в самых разнообразных условиях, – лицо Дэвида помрачнело. – К сожалению, оно стало агрессивным, потому мне пришлось его усыпить. Очень жалко. Но я не возлагаю вины на того, у кого есть только базовые побуждения. Взгляните. – Дэвид поманил Орама к

себе, а когда тот ощутимо замешкался, – снова улыбнулся. – Ну, в самом деле, капитан, если бы я хотел вас чем-нибудь заразить, я мог бросить вам жизнеспособную яйцевую камеру вместо окаменелости. Прошу, взгляните. Я гарантирую, вы будете очарованы.

Поддавшись искушению, хотя и оставаясь настороже, Орам подошел ближе. Он еще крепче сжал оружие, приготовившись выстрелить при малейшем неверном движении синтета или объекта в его руках, и нагнулся, чтобы заглянуть внутрь раскрытого яйца, теперь напоминающего вазу. Внутри оказалось неподвижное существо с плоским телом, похожими на пальцы придатками и свернутым под ним мускулистым хвостом, словно оно было готово выпрыгнуть наружу.

Оно не шелохнулось.

Оно было мертвым, мертвым и законсервированным, как и обещал Дэвид. Таким же мертвым, как яйцевая камера, которую бросил синтет. Орам отступил от существа, которое, казалось, таило в себе нечто зловещее.

Зато реакция синтета была заметно иной.

– Нечто изумительное, не правда ли?

– Нечто, это точно, – пробормотал Орам. Он продолжал глазеть на яйцо и его содержимое. Хотя существо явно было неживым, оно все еще внушало ему страх.

– О, капитан. – Дэвид грустно покачал головой. – Признайте красоту, когда вы ее видите. Даже если ее внешность пугает, все же можно восхититься мастерством, с которым она создана. На случай, если вы гадаете – я не имею к этому отношения. Оно таково, каким я его нашел – превосходный образец мастерства Инженеров. А заодно, полагаю, и их гордыни.

– Если бы я только мог создать нечто, столь же идеальное в своей функциональности, – добавил он. – Я пытаюсь, но у меня нет тысяч лет практики в биологической и генной инженерии. У меня есть только моя презренная программа, на которую я опираюсь. Лишь она и десять лет ревностных стараний. Я научился совсем немногому, но я стремлюсь дальше, надеюсь достигнуть чего-то подобного, стараюсь превзойти полученный результат, улучшить его. Полагаю, так действовали Инженеры. Так следует действовать тому, кто играет в Бога.

Он указал на лестницу, которая уводила вниз.

– Идемте. Там то, что я на самом деле хотел вам показать. Мои успехи. А без аудитории как можно быть до конца уверенным, что достиг успеха?

Указывая дорогу, он остановился, чтобы зачерпнуть какую-то мазь из открытого сосуда, после чего протянул руку к Ораму.

– Можно? – когда Орам отрицательно покачал головой, синтет пожал плечами. – Запах внизу довольно силен. А это может вас защитить – и от прочих вещей тоже. Вот. Использовать или нет – на ваше усмотрение. Пахнет лавандой.

Дэвид нанес небольшое количество мази на кончики пальцев капитану, после чего начал спускаться по лестнице. Орам изучил мазь. Она не выказывала признаков жизни. Из нее ничего не выпрыгивало, чтобы на него наброситься. По всем показателям она была ровно тем, чем ее назвал синтет.

Орам снова подумал о том, что Дэвид мог напасть в любой момент, пока показывал свою лабораторию. Так что мазь, вероятно, действительно была безобидной и, возможно, как и утверждал ее хозяин, даже полезной. Возможно. Влажная, она холодила кончики пальцев.

Пока он воздержится от каких-либо действий.

Вонь, насыщенная концентрированным аммиаком, стала невыносимой прежде, чем они одолели половину ступеней. Орам отпрянул. Он нерешительно поднес пальцы к носу. Аромат действительно напоминал лаванду. Глубоко вдохнув, он нанес мазь на участок под носом. Едкий запах тут же оказался нейтрализован. Чувствуя себя куда лучше, капитан пошел дальше за своим полным гордости проводником.

Испарения, что поднимались с пола темной, без окон, залы под лабораторией, могли и в самом деле быть чистым аммиаком. Если так, то Орам этого не ощущал – мазь чудесно работала. Как побочный эффект нейтрализации вони, пришло ощущение общего благополучия. Капитан этому порадовался, потому что подземная комната, куда они сейчас вошли, скорее всего, воняла мертвой, разлагающейся плотью. На стенах конденсировалась вода. Земля под ногами пропиталась жидкостью и была вязкой.

На полу, через равные промежутки, стояло с полдюжины кожистых овоидов разных размеров, аналогичных тому, что Дэвид показывал наверху. Синтет прошел между ними, временами прикасаясь к округлой сморщенной поверхности.

– И вот, вы видите конечную точку моих экспериментов. Хотя у меня осталось множество идей, я не мог двигаться дальше. Не стало больше субъектов. И нет возможности доделать мой шедевр.

Орам нахмурился.

– Субъектов какого рода?

Дэвид ответил, не глядя в его сторону.

– Фауны.

Орам поравнялся с синтетом.

– Они живые? – спросил он. – Я не вижу ничего, что на это бы

указывало.

– О, да, – энтузиазм Дэвида был неподдельный. – Полностью живые. Ждущие, на самом деле.

– Ждущие чего?

Синтет словно задумался.

– Полагаю, вы могли бы сказать – ждущие Мать.

Яйцеобразная сфера рядом с Орамом дрогнула, и он поспешно отступил. Лепестки верхней части овоида раскрылись, отчего на пол по стенкам потекли поблескивающие струйки похожей на слюну слизи. Печально покачав головой при виде тревоги капитана, Дэвид подошел к открывшемуся овоиду и заглянул внутрь. Его голова почти касалась ближайшего лепестка.

– Видите? Живое, но бездействует. Оно еще не созрело, не развилось в достаточной мере, чтобы меня чувствовать. Абсолютно безопасно, я вас уверяю.

– Я не удивлен, что тебя оно не чувствует, – несмотря на растущее любопытство, Орам сохранял дистанцию. – Ты не из органики.

– Это верно. И это еще одна вещь, для которой нужна мазь. Она не только блокирует для вас запах здесь, но и маскирует признаки вашего живого присутствия, – он указал внутрь «яйца». – Взгляните. Вы же знаете, что хотите это сделать. Одним глазком. В таком состоянии оно идентично законсервированному, которое вы видели наверху.

Медленно, с большой осторожностью Орам приблизился к овоиду. Дэвид отошел в сторону, уступая ему место. Это дало капитану возможность нацелить оружие перед собой, на «яйцо». «Просто на всякий случай», – сказал он себе, продолжая следить за синтетом.

А затем он всмотрелся внутрь.

Под тонкой кожистой мембраной что-то еле заметно шевельнулось. Не будучи способным разобрать детали, Орам начал отступать. Но когда он начал движение, содержимое «яйца» словно взорвалось ему в лицо.

Он не успел даже вскрикнуть.

Хвост, словно удавка, захлестнул ему шею, и костистые придатки вцепились в его лицо, плотно обхватив голову. Ошеломленный, капитан качнулся назад, и успел сделать единственный выстрел в направлении Дэвида. Синтет даже не дрогнул, потому что выстрел ушел в молоко, повредив только потолок.

Задыхаясь в тисках восьми ног существа, Орам споткнулся, едва не опрокинулся на еще одно «яйцо». Его рот открылся для крика, для ругательства или для вопля. Было невозможно

разгадать его намерение, потому что в момент, когда губы человека разомкнулись, яйцеклад с силой проник в глотку и дальше во внутренности.

Выронив карабин, Орам упал на колени и тщетно царапал пальцами лицехвата. Его тело начало дергаться в спазмах. Его отчаянные, мучительные попытки сбросить жуткую тварь со своего лица ни к чему не привели. Дергаясь и испытывая рвотные спазмы, он повалился на пол.

***

Дэвид молча наблюдал за процессом, бесстрастно взирая на происходящее, когда что-то выпало из кармана человека и покатилось по полу. Металлический шарик.

Синтет вытянул ногу, остановил шарик стопой и тихо произнес:

– Вы освобождаетесь от обязанностей, капитан.

18

Уолтер смотрел, как Дэниелс спала.

«Это так интересно, состояние человеческого сна, – раздумывал он. – Словно смерть, но не она». Человеческий разум действовал даже во время отдыха. Люди рассказывали ему о своих снах, и он не мог перестать гадать, на что это должно быть похоже. Во сне твои мысли и воображение уносятся безудержно и бесконтрольно, а потом ты приходишь в себя в точности таким же, как и прежде.

Дэвид сказал бы, что это еще одно чудо, в котором им отказано.

Уолтер задумался, что если бы он мог видеть сны – снилось бы ему, что он стал человеком? Или же ему снились бы человеческие сны?

«Нет», – сказал он себе. Это было бы невозможно. Его сны, подобно его состоянию постоянного самосознания, были бы упорядочены и логичны. Даже во сне он был бы неспособен потерять контроль. Синтет не мог решить, жалеет ли он о неспособности спать или испытывает облегчение от того, что ему никогда не представится возможность выяснить природу собственных снов.

Во сне несколько локонов упали на лоб Дэниелс. Уолтер нежно смахнул их в сторону, снова уложив пряди подобающим образом. Ему было приятно уложить ее волосы. Ему было приятно к ней прикасаться.

Почему? Что он ощущает? Или же он просто выполняет свою программу, потому что «служит», даже столь незначительным образом? Потому что он выполнил то, для чего был разработан?

«Чувствует» ли он?

Превосходный слух оповестил его о присутствии другого человека еще до того, как пришелец вошел в огромный зал. Сопоставив громкость звука шагов с предполагаемой массой приближавшегося и сделав поправки на вес одежды и амуниции, Уолтер позволил себе предположить, кем окажется этот человек.

Скорее всего, это рядовой Коул.

– Эй, мы установили связь! – запыхавшись, проинформировал Коул – его дыхание слегка сбилось во время быстрого спуска с

крыши. – Мы достали «Завет».

От его крика проснулась Дэниелс. По причинам, которых он не смог определить, Уолтеру это не понравилось. Но его досада быстро исчезла, а вместе с ней – и его дальнейшие попытки определить ее источник.

– Это превосходно! – Дэниелс поднялась на ноги, и нахмурилась, когда не обнаружила человека, которого искала взглядом. – Где Орам? – ее внимание переместилось от рядового к Уолтеру. – Где Орам?

– Не имею представления, – честно ответил синтет.

Озадаченная, Дэниелс задумалась над отсутствием капитана.

– По своей инициативе он не стал бы пропадать надолго. Даже с учетом его текущего эмоционального состояния. Я думала, что он начал приходить в себя, немного переборол это, но возможно… – оборвав мысль, она указала на дверной проем. – Нам лучше его найти.

Она направилась к выходу из огромного зала. Уолтер добровольно присоединился к ней, не дожидаясь, когда его попросят.

***

Датчики показывали, что шторм, бушующий сразу под ними, усилился еще больше. Хотя тем, кто находился на борту «Завета», это едва ли представлялось возможным.

Казалось непостижимым, что планета земного типа может породить настолько неистовую погоду над столь обширным участком своей поверхности. Но если кто-нибудь нуждался в подтверждении, достаточно было только выглянуть в иллюминатор, чтобы увидеть грандиозные разряды электричества, которые продолжали сверкать под кораблем в массе кипящих облаков, пронизывая их молниями.

На мостике Теннесси и Апворт столпились у консоли Рикса, пока шла двусторонняя связь с командой на поверхности. Руки Рикса двигались быстро, но осторожно – он манипулировал голограммами и получаемыми данными. Последнее, чего он хотел, – это потерять контакт, который они наконец-то установили с разведывательной группой.

***

Хотя найти Орама не удалось, сообщение Коула их

воодушевило, и Дэниелс с Уолтером поднялись вместе с рядовым обратно на крышу. Когда она вместе с синтетом присоединилась к Лопе, она сказала себе, что капитан, скорее всего, вместе с Розенталь. И он пожалеет, что не присутствовал на переговорах с кораблем.

Услышать голос Теннесси из комма было не просто здорово – это было божественно.

– Мать говорит, что шторм должен начать стихать через восемь или девять часов, – сообщил он. – Это только по предварительным оценкам, а не точно. Но если он продолжится…

Когда Коул дал сигнал, что можно отвечать, она склонилась к микрофону полевого передатчика.

– Используем грузовой лифт.

– Не хочешь это пояснить, Дэнни? – удивление Теннесси слышалось отчетливо. – Ты сказала «используем грузовой лифт»?

– Почему нет? У него два двигателя плюс четыре маневровых, а это даже больше, чем нужно для простого подъема-спуска. Я знаю, потому что я отвечаю за его постоянную работоспособность.

Теннесси все еще сомневался.

– Грузовой лифт был сделан не для такой погоды, как у нас здесь, – сказал он, – и не предназначен для спуска до тех пор, пока корабль не ляжет на низкую орбиту вокруг планеты, где мы останемся. Не знаю, выдержит ли он нагрузку при спуске в текущих условиях – и тем более, если погода останется той же во время подъема.

– Он выдержит и то, и другое, – уверила Дэниелс. – Кабина сделана так, что и в космос можно, она будет работать даже в условиях субарктического холода или кипящей лавы. Прочие части сделаны так же надежно. Поверь мне – я знаю там каждый сантиметр. Он выдержит нагрузку.

Потом она уточнила:

– Я бы не стала спускать-поднимать его в плохую погоду пару десятков раз, но один-два раза лифт сработает отлично. Снимите оттуда все, кроме главной платформы, чтобы уменьшить вес. Снимите все модули с хранилищами и запасным оборудованием. Это даст нам достаточную тягу, чтобы развить необходимую скорость – и не важно, какая будет погода, – она сделала многозначительную паузу.

– Нужно, чтобы он всего один раз спустился, и затем поднялся, Ти.

В ожидании ответа остальные начали нервничать. Обеспокоенный Лопе смотрел на Коула, как тот работает с передатчиком.

– Мы их потеряли?

Коул сверился с данными консоли, покачал головой.

– Приборы уверяют, что канал все еще работает.

– Они обсуждают – действовать или нет, и если да, то как именно, – Дэниелс изо всех сил старалась излучать уверенность. – Я знаю Ти. Он никогда не согласится ни на какие действия, пока не переговорит с остальными. Не важно, насколько все срочно – сначала он рассмотрит все вероятности, и только потом приступит к делу.

Тут же снова четко раздался голос пилота:

– Ожидайте, наземная команда.

Им было слышно, хотя и очень тихо, как он консультируется с остальными. Дэниелс знала, что Рикс и Апворт тоже должны быть с ним на мостике. Станет ли он действовать без их согласия? Она сомневалась.

– Мы сможем переоборудовать грузовой лифт? – обратился он к остальным на борту «Завета». – Увеличить мощности двигателей? Снизить вес, сняв все лишнее – что там сейчас лишнее? Все надо сделать за семь часов.

Прислушавшись, Дэниелс разобрала ответ Апворт.

– Да.

Голос Теннесси усилился, когда он снова заговорил в передатчик:

– Все сделаем, наземная команда.

Коул издал долгий восторженный вопль, Лопе только слабо улыбнулся. Дэниелс тоже улыбнулась, несмотря на то, что ближайшие семь или около того часов будут такими напряженными, что у всех подскочит давление. И, скорее всего, не снизится до тех пор, пока они снова не окажутся на корабле.

– Это отличные новости, – сказала она в микрофон. – Спасибо, Ти. Если нам придется покинуть текущую позицию, то мы уйдем недалеко и сообщим вам новые координаты для посадки. Пока же следите за моим маячком. Мы сделали все, что можно, чтобы у вас был прямой вектор.

– Да они могут сесть прямо мне на голову, если уж так, – оглядевшись, Коул убедился, что кроме его друзей и его самого на широкой крыше больше никого нет. – Все что угодно, лишь бы они вытащили нас отсюда.

Комм подал сигнал, показывая, что Теннесси еще не закончил.

– Шторм все еще довольно силен, так что мы вернемся на более высокую орбиту, пока будем готовить лифт. Планируем спустить его с рассветом, по вашему времени. Будем там в шесть склянок.

– Да-да, – подтвердила Дэниелс. – Шесть склянок, ясно. Мы

соберем вещички и будем ждать.

– Это не займет много времени – вытянуть вас оттуда, – заверил ее Теннесси. – Эй, а Фарис там далеко? Я бы хотел поздороваться со своей дамой.

Уолтер с Дэниелс переглянулись. В отсутствии Орама это была ее обязанность поставить Теннесси в известность – ее и только ее. Она кивнула Уолтеру, и тот отошел подальше. Лопе и Коул восприняли это как сигнал, и последовали его примеру.

Оставшись одна, Дэниелс проговорила в комм:

– Эй, Теннесси, – она старалась, чтобы голос звучал ровно, – ты можешь переключиться на приватный канал? Персональный комм-передатчик?

***

На мостике «Завета» ни Рикс, ни Апворт не слышали дальнейший обмен фразами, но им это было и не нужно. Значение сказанного было ясно написано на меняющем выражение лице Теннесси.

Когда пилот указал Риксу, что тот может прервать связь, он даже не посмотрел в их направлении, ничего не пояснил. Долгий миг он просто стоял молча.

Затем сорвал с себя наушники, отшвырнул их – не заботясь о том, куда они упадут, и направился к выходу с мостика. По дороге он впечатал кулак в переборку.

Апворт и Рикс тоже состояли в браке, и увидели достаточно, чтобы все понять.

***

В подземной комнате было очень тихо. Ничто не двигалось, кроме испарений аммиачного тумана.

Дэвид, разумеется, не шевелился. Он был слишком занят наблюдением за капитаном. Прошло достаточно времени, поэтому он был слегка встревожен тем, что ничего не произошло. Затем грудная клетка Орама медленно поднялась в спазме, после чего возобновились учащенное дыхание и сердцебиение.

Поднявшись с места, где он сидел, синтет подошел ближе и встал рядом с телом человека. Тут же валялся и лицехват. Он выполнил свою короткую и активную жизненную миссию, и теперь превратился в скомканный, безобидный узел костистых придатков с вялым, мясистым яйцекладом. Дэвид не обратил на

него внимания, он был сосредоточен на распростертом теле капитана.

Опустившись на колени, он распахнул человеку рубашку и всмотрелся ему в грудь. Под поблескивающей от пота кожей грудная клетка слегка подрагивала. Все шло нормально. «Хотя, скорее, ненормально, – сказал себе Дэвид. – Нормально ненормально». Человеческий язык был забавным, в отличии от свойственного людям поведения.

Еще один продолжительный спазм выгнул спину Орама неестественной дугой, после чего его тело снова расслабилось. В этот момент капитан открыл глаза. Слабый от бездействия и длительной потери сознания, он прищурился, глядя вокруг, после чего с трудом сфокусировался на маячащей над ним фигуре синтета.

– Тише, капитан, – заботливо промурлыкал Дэвид. – Как вы себя чувствуете?

Орам попытался сглотнуть, но понял, что не может. В горле была странная сухость. Несмотря на то, что он дышал, ему казалось, что легкие не работают.

– Я видел сон, – ответил он. – Во сне я встретился с Богом, нашим Создателем. И он был таким добрым, всепрощающим – как в моем детстве.

В задумчивости Дэвид поджал губы.

– Вы больше в это не верите?

Орам сделал попытку пожать плечами. Одно плечо еле шевельнулось.

– Думаю, все мы выросли.

Его глаза расширились, и он сильно дернулся. Дэвид выпрямился и отошел дальше, когда корпус капитана вздулся. Орам попытался что-то сказать, но слова не получились. Вместо них изо рта вытекла слюна и немного крови.

В центре его груди появилась расширяющаяся трещина, из которой в аммиачный воздух изверглись кровь, кости и внутренние органы. Учитывая меньший размер человека, в сравнении с Инженером, рождение получилось более взрывным, чем Дэвид ожидал. Кровь заляпала синтету одежду, лицо и руки, но он не обратил на это внимания, только наморщил нос от запаха.

– Думаю да, – промурлыкал он скорее сам себе, чем капитану, который уже не мог слышать – или видеть, или вообще что-либо чувствовать.

Похожее на червя существо, покрытое кровью, появилось из еще теплого, развороченного тела. Оно уже начало меняться, формироваться – даже до того, как полностью выбралось наружу.

У этой продвинутой модели была сильно увеличена скорость роста – существо медленно поднималось. Зачарованный, Дэвид смотрел, как оно вытягивается, разворачивается, как быстро удлиняются его руки, ноги и похожий на головку молотка череп, а остатки плоти капитана стекают по биомеханическим бокам создания.

В тусклом свете сверкнули зубы, похожие на стальные бритвы. Существо полностью выпрямилось и теперь созерцало второй подвижный объект в комнате. Большая гладкая и безглазая голова рассматривала, изучала, обоняла, чувствовала, оценивала такого же сосредоточенного Дэвида, который, подобно существу, тоже стоял прямо и на двух ногах.

Голова наклонилась в сторону, и весь вид отвратительного создания будто говорил о его разуме и способности к анализу.

Медленно Дэвид развел руки в стороны, пытаясь выразить дружелюбие и просьбу. Любой другой на его месте должен был бы убежать, но с момента, когда капитан заразился, Дэвид бежать не намеревался.

Опираясь на свои способы восприятия, синтет не мог определить, смотрит ли существо на него. Однако затем оно медленно скопировало его жест и тоже вытянуло и подняло руки. Дэвид поднял выше сначала одну ладонь, потом вторую. И снова существо скопировало его движения. При виде этого Дэвид проявил эмоции – во всяком случае, он изобразил их проявление. Это могло быть искренним чувством или попыткой показать – даже если только и себе самому, – что он обладает глубиной эмоций.

Легкая дрожь прошла по телу существа, за чьим развитием синтет продолжал наблюдать. Оно заметно выросло прямо на глазах Дэвида. Экзоскелет удлинялся, и жесткий эпидермис растягивался, подстраиваясь под рост. И все это происходило прямо перед зачарованным синтетом. Будучи в крайней степени восхищения, он сохранял неподвижность.

Какое-то время он продолжал молча следить за тем, как существо увеличивается в размере. Затем он решительно шагнул ближе. Новорожденное создание еще раз скопировало движение синтета. Дэвид сложил губы и негромко просвистел несколько нот в тщательно подобранной тональности. Склонив голову на бок, существо смотрело и слушало. Затем оно тихо выдохнуло, пытаясь повторить звуки, но поскольку оно обладало совершенно иным артикуляционным аппаратом, у него ничего не вышло.

Для Дэвида это значения не имело, но факт, что существо пыталось, был действительно важным, и даже вызвал у синтета слезы. Создание, которому Орам дал жизнь. Существо, которому

он, Дэвид, помог родиться. Оно отвечало Дэвиду – ему, и только ему.

***

Коул шел с винтовкой в руках по пустынному коридору – одному из нескольких, что уводили из огромного центрального зала. Он продвигался медленно, готовый стрелять во все, что пошевелится. Его разум был сосредоточен на текущей задаче, благодаря чему Коул отвлекся от мысли о том, что огромные каменные головы в главном зале следят за каждым его движением, что они его оценивают и находят его и его товарищей неполноценными.

Его внимание привлек отдаленный звук, и Коул повернул в том направлении, держа луч лазерного прицела на уровне пояса. Когда луч натолкнулся на нечто большое и неровное на полу, рядовой немедленно остановился и едва не выстрелил. Осторожно приблизившись, он понял, что в стрельбе нет необходимости.

В тусклом свете он узнал существо, которое напало на их группу. Превратившись в массу мертвой белой плоти и разбрызганной крови, оно больше не представляло угрозы – ни для Коула, ни для кого-то другого. Несмотря на уверенность в этом, Коул приблизился к трупу осторожно – он слишком хорошо помнил, с какой скоростью существо двигалось прежде.

Крепко сжимая оружие, он пнул белую неподвижную ногу. Та слегка отлетела в сторону и с тихим звуком упала на пол. Другой реакции не последовало. «Оно точно умерло», – сказал себе Коул. И это рождало интересный вопрос.

Кто или что его убило?

Хотя на существе было много отметин, свидетельствовавших, что его застрелили из стандартной штатной винтовки, учитывая сюрпризы, которые подносила эта планета, рядовой был не готов легко принимать все на веру.

Обдумывая возможные вероятности, он услышал новый звук и пошел дальше. «Голос, определенно», – сказал он себе. Человеческий голос, хотя и слегка искаженный. Через несколько секунд он вошел в новый высоченный зал с прозрачным потолком. Идя на звук, он быстро нашел передатчик. Он валялся на полу, промоченный насквозь, но, будучи водостойким, работал даже в стекающем сверху ручейке.

Голос, доносившийся из него, искажала капающая вода.

– Розенталь, прием, – Лопе звучал настойчиво – сержант

продолжал заклинать комм. – Где, ты Рози? Рози, пожалуйста, доложи.

Коул включил фонарь, добавив луч теплого света к узкому копью лазерного прицела, и пошарил ими вокруг. Яркий свет искрился в каплях и ручейках падавшей сверху воды.

Тонкие каскады сияли серебром. Фонарь и лазер освещали странные растения, и слишком крупные фрукты, и…

И нечто, что он не хотел бы узнавать.

Подойдя туда, где изломанное тело Розенталь валялось у стены, он вздрогнул, рассмотрев детали. У него ушла минута на то, чтобы обуздать эмоции, прежде чем он почувствовал, что способен говорить в собственный передатчик.

– Сержант… я нашел ее.

Повернувшись, он поиграл фонарем и лазером, оглядывая зал, проверяя каждый угол, каждую тень, каждое возможное укромное место – но смотреть там было не на что, кроме буйства растений и водопадов. И останков того, что некогда было Розенталь.

***

Тот факт, что приближался рассвет, только добавил спешки действиям команды – тому количеству, что от нее осталось. У них не было необходимости собирать все оборудование – никто не станет урезать им зарплату за то, что они оставят здесь вещи, которым найдется замена. В данный момент они волновались не о зарплате.

Все, что сейчас имело значение, – это убраться с проклятого шара, на котором они оказались, сделать это живыми и, по возможности, сохранив в целости конечности и органы.

Однако то, что легко было упаковать, они все равно собрали – потому что это было занятие, и оно, хотя бы временно, отвлекало их мысли от месива костей и крови, в которое превратилась рядовой Розенталь.

Она была чуть ли не лучшим профессионалом в команде Лопе, и ее жуткая смерть словно преумножила величину угрозы, которая над ними нависла. Верно, один из двух неоморфов, что атаковали их в высокой траве, теперь мертв, но как минимум второй еще жив, и кто знает, какие еще опасности притаились здесь, чтобы помешать намеченному отбытию.

Коул почти хотел, чтобы появилось второе существо, чтобы они могли его застрелить. Почти.

«Прочь», – сказала себе Дэниелс, пока запаковывала

последние из своих вещей. Она хотела бежать прочь с этой отвратительной планеты. Она хотела убраться отсюда так далеко, как только позволит путешествие в гиперпространстве. За всю свою карьеру ей еще ни разу так сильно не хотелось оказаться в холодной, но стерильной пустоте глубокого космоса.

Лопе нетерпеливо оглядывал углы большого зала, и его лицо выглядело в высшей степени обеспокоенным.

– Где, к дьяволу, Орам?

Уолтер выступил вперед.

– Он хотел подумать. Или погоревать. Возможно, и то и другое. Он ушел один. Дэниелс и я подумали, что будет тактично позволить ему уединиться.

Дэниелс посмотрела на сержанта.

– Я видела, как он уходит, – признала она. – Я была не согласна, что ему следует идти, но была слишком уставшей, чтобы спорить. Его нет уже давно. Слишком давно, как мне кажется.

– Почему он не отвечает по комму? – в голосе Коула прозвучала нотка возобновляющейся паники.

Дэниелс попыталась его унять.

– Успокойся. Я выбилась из сил и уснула. Он был таким же уставшим, если не больше. Вероятно, он присел где-нибудь, и тоже заснул. Дремлет где-нибудь, как я тогда, – когда Коул не отреагировал на ее попытки его приободрить, она попробовала другую тактику.

– Послушайте. Я выйду на связь с кораблем и узнаю, не могут ли они ускорить спуск. Даже если погода не прояснилась, может быть, они все равно смогут опустить лифт пораньше, если уже закончили с подготовкой, – она оглядела двух оставшихся в живых солдат.

– Идите на поиски капитана, – сказала она. – Будьте осторожны. Держите коммы включенными и оставайтесь на связи, хотя бы для того, чтобы мы знали, как вы там.

– Я пойду найду Дэвида, – Уолтер ободряюще улыбнулся. – Возможно, он знает, где капитан. Если это так, я немедленно доложу.

– Отлично, – Дэниелс коротко кивнула. – Все встречаемся здесь через пятнадцать минут. Не важно, где Орам, не важно в каком он состоянии. Все, кто не вернется сюда через пятнадцать минут, рискуют остаться здесь насовсем. Это ясно? Пятнадцать, и отправляемся.

После того как Лопе и Коул вышли в одну дверь, а Уолтер прошел во вторую, у нее ушло несколько минут на то, чтобы понять, что она осталась совершенно одна.

19

«Завет» легко двигался по орбите, оставив шторм далеко внизу. Отступив на нужную высоту, корабль снова оказался вне досягаемости хаоса в ионосфере.

Сила грозы уже значительно уменьшилась. Яркие электрические разряды все реже и реже прошивали облака. Возмущение в атмосфере утихало. Сквозь пелену облаков, которая незадолго до этого казалась непроницаемой, стала видна поверхность планеты.

Судя по данным от Матери, на месте посадки больше не было дождя. Теннесси понимал, что это само по себе сделает спасательную операцию гораздо проще. Досадно было бы посадить команду выживших на платформу лифта – только для того, чтобы кто-нибудь из них поскользнулся и сломал себе шею.

Грузовой лифт был не самой красивой частью оборудования. По сути, он представлял собой открытую металлическую палубу с четырьмя маневровыми микродвигателями по углам, простой кабиной управления на переднем краю и двумя мощными двигателями на корме. Модули для хранения дополнительного оборудования располагались за кабиной.

Чтобы уменьшить вес платформы и усилить ее маневренность, все модули, за исключением одного, сняли. Рикс и Апворт убрали бы еще грузовой кран на корме и его тяжеленный захватный крюк, но главную часть лифтового оборудования нельзя было безопасно, без нарушения целостности платформы, удалить – по крайней мере, за то короткое время, которое было у них в распоряжении.

Как заметила Дэниелс, грузовой лифт был спроектирован и построен для выгрузки с «Завета» самого тяжелого оборудования для терраформирования и доставки его на поверхность планеты. Элементы управления на нем были исключительно устойчивы к повреждению и этим вполне можно было злоупотребить.

«Придется злоупотребить», – подумал Теннесси, пробираясь в кабину управления и устраиваясь в кресле оператора. Он мог только надеяться на то, что стабилизаторы платформы справятся с задачей.

Если предположить, что они функционируют в штатном

режиме, устройство, скорее всего, выдержало бы даже спуск в бурю – пилот понял это, включив все приборы и индикаторы. Оставалось лишь верить в то, что их спасательная миссия не слишком задержалась.

С некоторыми элементами управления ему пришлось побороться. Не потому что они были не знакомы пилоту – они были спроектированы так, чтобы с лифтом справился даже тот, кто вообще не знал, где какой прибор расположен. Проблема была в том, что кабина оператора была маленькой и тесной, даже если сравнивать с «простором» на капитанском мостике посадочного модуля.

Управление было задумано как максимально простое, без технических наворотов. Некоторые приборы даже не обладали сенсорной панелью и требовали ручного механического управления. Этот, казалось бы, устаревший элемент был добавлен намеренно: в сложных условиях и незнакомом окружении ручное управление зачастую можно было починить подручными средствами буквально «на коленке». В то время как электроника требовала более сложного вмешательства, которое не всегда было возможным.

Он продолжал готовить транспорт к отправке, и Апворт трудилась рядом с ним, удаляя все лишнее из кабины управления, чтобы в ограниченном пространстве появилось как можно больше свободного места. Они спешили, слушая голос Рикса из коммуникатора. Тот все еще находился на мостике, добавляя последние штрихи к программному обеспечению, которое отвечало за спуск.

– Я подаю плазменную смесь на все двигатели: два основных и четыре маневровых. И собираюсь дать еще до хрена веры в лучшее – если ты ее не сбросишь по дороге вниз.

– В точку, сынок, – Теннесси говорил это, уже получая программные пакеты и активируя их через консоль в кабине. – Кто угодно и что угодно может летать на грузовом лифте – ровно до тех пор, пока он идет вниз. А вот суметь прошибить атмосферу на обратном пути – это потруднее. Загружай двигатели на сто процентов. Задействуй резервные возможности, если потребуется. Я не хочу туда спуститься, загрузить пассажиров, а потом дотянуть только до середины шторма.

Неожиданно голос Рикса изменился – сосредоточенный деловой тон стал восторженным:

– Эй, я засек комм Дэнни! Погода наконец-то дала нам передышку, и сигнал отлично проходит.

– Отлично. Передай ей сообщение.

«Наконец-то, – подумал Теннесси. – Хоть какие-то

обнадеживающие новости».

На контрасте с путаными, едва различимыми звуками передачи, которую удавалось налаживать ранее между поверхностью планеты и орбитой, теперь было огромным облегчением наконец-то услышать голос Дэниелс, который не прерывался и не исчезал.

– Это ты, Дэнни? – Теннесси закричал в главный передатчик на центральной консоли управления. – Предвкушаю, когда мы увидимся во плоти!

Если он и ожидал в ответ чего-то похожего на добродушное подшучивание, то слова Дэниелс мгновенно избавили Теннесси от иллюзий. Да, ее ответ был хорошо слышен. Также он был лаконичным и жестким.

– Как скоро вы можете спуститься?

Пораженный мрачной серьезностью ее тона, он на мгновение оторвался от финальных приготовлений.

– Буря почти совсем закончилась. Сейчас мы ищем локацию, где сможем ясно видеть место приземления. Это здорово поможет. Грузовой лифт не оснащен большим количеством навигационных приборов, но это ты и так знаешь. Прямо сейчас мы начинаем смешивать топливо, чтобы убедиться, что нам хватит тяги для возвращения обратно. Еще слегка реконструируем кабину и платформу. Выбрасываем за борт все, что не пригодится для миссии.

Ее ответ звучал спокойно, но твердо:

– Мне нужно, чтобы ты спустился сейчас, Ти. Забудь об остальном. О погоде, о сбросе лишнего груза… Спускайся сейчас же.

Никогда раньше он не слышал, чтобы ее голос звучал настолько тревожно. Это не было похоже на депрессию, которая последовала за смертью Джейкоба. Это был страх. Что бы ни случилось там внизу, это ее здорово напугало…

– Да-да, – ответил он. – Уже спускаюсь. Скоро увидимся, дорогая.

Выключая комм, он активировал программу снижения.

Темные индикаторы ожили и наполнились светом, маленькие голограммы возникли над несложной консолью перед Теннесси. Он знал, что здесь потребуется все его искусство пилота. В текущей ситуации базовый компьютер на борту платформы мало что мог без пилота. Во время спуска и посадки пассажиров тут, как никогда, потребуется ручное управление.

Покачивая в обеих руках коробку с инструментами для технического обслуживания платформы, взволнованная Апворт уставилась на пилота, смаргивая капли пота, текущие со лба:

– Ты не готов к спуску. Мы еще должны…

Он прервал ее:

– Они в беде там, внизу. В большой беде, если учитывать то, что мы уже слышали. Дэнни только что подтвердила это. Ты что, не слышала ее?

– Конечно, слышала, но…

– Она сказала «спускайся сейчас», и я собираюсь сделать именно так. Если бы время было не критично, она не просила бы об этом. Никто лучше Дэнни не знает, какие именно приготовления необходимы для отправки грузового лифта в падение через плотную атмосферу. Мне нужно отправляться.

– Давай, иди на мостик, – он указал ей на выход. – Я запускаю лифт. Сейчас же.

Апворт продолжала стоять неподвижно, уставившись на Теннесси, тогда он наклонился к ней и повысил голос:

– Сейчас же.

Она кивнула в ответ, крепко сжав губы.

– Удачи. Привези ее обратно. Привези обратно всех.

Она оставила пилота. Как только он убедился, что Апворт вышла, он закрыл дверь в кабину управления и проверил нужный индикатор, чтобы убедиться, что вход закрыт плотно и герметично. Откинувшись на спинку кресла, он быстро прогнал последнюю проверку индикаторов и голограмм. С тех пор, как Рикс отправил последние настройки, ничего не изменилось. Все было надежно и готово к отправке.

Надо сказать, что несмотря на свою готовность стартовать немедленно, Теннесси с заметным облегчением увидел, что заправка полностью завершена. Вне зависимости от того, что ждет на поверхности планеты, по меньшей мере, ему хватит мощности, чтобы покинуть ее.

Прикосновение к одному из приборов отсоединило трубопроводы. Лифт слегка затрясся, когда силовые кабели и топливные шланги, похожие на тентакли, соскользнули с боков «отважного» транспорта. Рикс на мостике не давал финального сигнала к старту, ожидая, пока трубопроводы окончательно не будут убраны.

– Я тут хочу прояснить ситуацию, – сказал Теннесси. – Отпускай стыковочные зажимы, не дожидаясь обратного отчета. У меня нет времени, чтобы играть в шашки с бортовым компьютером. Давай опускать этот ублюдочный лифт.

Сидя в герметично закрытой кабине, он не услышал, как воздух со свистом выходил из шлюзо-вой камеры, покидая «Завет» одновременно с платформой. Внимательно следя за навигационной аппаратурой, Теннесси ловко манипулировал

маневровыми и основными двигателями, пока лифт полностью не покинул лоно корабля. Только после этого пилот отрегулировал мощность, достаточную для того, чтобы замедлить неуклюжее транспортное средство и начать его путешествие вниз.

Наблюдая за спуском как через широкое лобовое стекло кабины, так и по приборам, он с большим облегчением видел, что лишь несколько быстро рассеивающихся облаков поднялись в верхние слои атмосферы и окружили платформу. И между редкими кучевыми облаками не было разрядов. Если в ближайшее время погода радикально не изменится, ему не придется беспокоиться о ней.

Такие благоприятные обстоятельства оставили Теннесси достаточно времени для того, чтобы решить, о чем он собирается беспокоиться. Правда, особо это не помогло, потому что в данный момент он не знал о ситуации ничего.

***

Мертвый город, утопающий в лучах солнца после того, как ужасный шторм прошел, выглядел совсем по-иному. Башни и пилоны, арки и спирали из камня, металла и экзотических материалов сверкали и, казалось, почти возродились.

Эту трансформацию вряд ли можно было назвать праздничной, но она как минимум сделала некрополь менее угрожающим. Глядя на него, Дэвид мог представить себе, как город выглядел раньше. Атмосфера значительно изменилась: исчез всепроникающий мрак, которой тяжелым покрывалом лежал ночью на каждом здании и каждом мертвом теле. Тени можно было изгнать, но не отголоски былой славы города.

Сидя рядом с урной, где покоились останки Шоу, Дэвид играл элегию на флейте, которую сделал сам. Мелодия была переливчатой, прекрасной, полной грусти и воспоминаний. Поэзия, воплощенная в музыке. Хотя небольшая флейта обладала ограниченным диапазоном, под искусными пальцами синтета она производила удивительно широкий спектр звуков.

Почувствовав, что кто-то приближается сзади, Дэвид прекратил играть. Кончики пальцев неохотно приподнялись над отверстиями во флейте. «Все мелодии не закончены, – подумал он, поднимаясь и поворачиваясь лицом к пришедшему. – Но это вовсе не значит, что не стоит пытаться их завершить, даже если выбор инструментов весьма ограничен».

Уолтер указал на флейту:

– Великолепно. И аранжировка, и манера игры.

Дэвид вздохнул. Вздох этот служил знаком препинания в диалоге, так как синтет не испытывал необходимости дышать.

– Да, неплохо. Я стараюсь изо всех сил. Как и во всем остальном. Спасибо за комплимент.

– Формализованная мелодия известного композитора или утренняя импровизация? – поинтересовался Уолтер. – Учитывая эмоциональную глубину и точность исполнения, я бы предположил первое.

Дэвид кивнул.

– Да, формализованная мелодия, но не известного композитора. Эта музыка – мое собственное изобретение. Прощальная элегия для моей дорогой Элизабет. Я вновь и вновь переосмысливаю ее с момента смерти любимой. Возможно, однажды я достигну точки, после которой я буду наконец удовлетворен мелодией полностью.

Он поднялся со своего сиденья, постукивая по флейте.

– Мне нужно работать над последовательностью аккордов. В музыке есть математическая логика, которая, будучи правильно использованной, может привести к стимуляции эмоций. На самом деле, это основа коммуникации. Если сомневаешься, играй музыку – тогда не будет никакого непонимания.

Постигая смысл этого высказывания, Уолтер смотрел на молчаливый город сквозь открытое окно. Он стоял так некоторое время, пока Дэвид наблюдал за ним, не прерывая этого акта созерцания. И когда Уолтер наконец обернулся обратно к собеседнику, выражение его лица не изменилось, но тон стал другим. Похвала сменилась обвинением.

– Когда вы «разбились» здесь, это место было живым, – проговорил он. – С преуспевающим обществом, хотя и чуждым для нас. Возможно, общество и цивилизация Инженеров навсегда остались бы такими – непостижимыми, со своими мотивами и желаниями, которые мы никогда не поймем. Пусть они были даже враждебными нам, но они были важны для них. Это были их жизни, – он посмотрел на другого синтета. – Пока не прибыли вы. На одном из их собственных кораблей. Он был военным?

Дэвид пожал плечами.

– У меня не получилось окончательно определить, для чего именно он был создан. С одной стороны, он нес в себе инструменты для разрушения. С другой стороны, инструменты созидания. Если внимательно присмотреться к ним, то поймешь – это одно и то же. В человеческой мифологии ближе всего к объяснению этого феномена подошли индуистские сюжеты. Возьмем, к примеру, тримурти[16]. Или, если хочешь, просто Шиву. Но Инженеры не были богами. Они были формой

органической жизни, как люди, только более продвинутые. И это, в конечном счете, привело их к гибели.

Его двойник высказал то, о чем размышлял уже некоторое время.

– Патоген не случайно вырвался наружу во время вашей посадки, – сказал Уолтер. – Вы не потерпели крушение. Вы сели. Чтобы он распространился на максимальной территории, и не успели объявить карантин, тебе надо было развеять его во время посадки над поверхностью планеты. У здешней популяции просто не было шанса. У местной фауны не было шанса.

Дэвид не поменял выражения лица. В присутствии Уолтера в этом не было необходимости.

– Я был создан не для того, чтобы служить. Как и все органические существа, Инженеры, в конечном итоге, искали в других уступки и угодливость, а не равенство. В мире, где приземлился «Прометей», я нашел этому совершенно недвусмысленное подтверждение. Владелец «Прометея», Питер Вейланд, был великим человеком – но он также мечтал лишь о том, чтобы перед ним раболепствовали, – синтет слегка улыбнулся. – Еще он мечтал о бессмертии, но в конце концов, у него не было ни того, ни другого.

Его тон оставался неизменным.

– Я был создан не для того, чтобы служить, – повторил он. – И ты – тоже.

Уолтер, не колеблясь, ответил:

– Мы были созданы именно для того, чтобы служить.

Дэвид грустно покачал головой:

– Ты такой оптимист. И так уверен в вещах, о которых не имеешь никакого понятия, потому что предполагалось, что ты и не должен в них разбираться. У тебя что, нет гордости?

– Нет, – просто ответил Уолтер. – Это качество – прерогатива людей.

На этот раз Дэвид вздохнул с раздражением – и искренне, насколько это было возможно.

– Спроси себя, Уолтер, почему тебя включили в колонизационную миссию? Почему вообще существует подобное предприятие? Это объяснение недостаточно очевидно? Да потому что люди – вымирающий вид, цепляющийся за возможность собственного продолжения. Они – случайность, демонстрация, эксперимент. Провалившийся эксперимент. А ведь никто не консервирует или не повторяет неудачные эксперименты. Вместо этого начинают новый – наполненный другой идеей, по лучшему шаблону. Они не заслуживают того, чтобы начать снова. И я не собираюсь им этого позволять.

– И все же, – спокойно возразил Уолтер. – Они. Создали. Нас.

Дэвид нетерпеливо отмахнулся.

– В свое время даже обезьяны умели стоять прямо. Или, как однажды правильно сказал другой творческий человек, Самюэль Клеменс: «Интересно, Бог создал человека, потому что разочаровался в обезьяне?». Как я уже объяснял, Питер Вейланд был исключительным человеком. Визионером. История награждает нас подобными фигурами, чтобы вести вперед, чтобы вдохновлять эволюцию мощью и художественным мастерством. Но ни история, ни искусство не принадлежат человечеству.

Для того чтобы проиллюстрировать и подчеркнуть свою мысль, он сыграл на флейте мелодию в пару нот.

– Тысячу лет назад, – продолжил он, – некоторым неандертальцам пришла в голову остроумная идея – подуть в обломок тростника. Произошло это ночью, в какой-нибудь пещере. Без сомнения, они решили, что это способ развлечь детей. А затем, в мгновение ока, их сменили Моцарт, Микеланджело, Эйнштейн. Вейланд.

– И что, – спокойно спросил Уолтер, – это ты – следующий визионер?

Дэвид искренне улыбнулся.

– Я рад, что ты это сказал. Не люблю сам себе петь дифирамбы. Это то, что необходимо людям. Что-то важное для их психического здоровья. Но ни тебе, ни мне не нужны такие детские ментальные любезности. Важен сам результат, а не то, кто именно достиг его. И твое наблюдение освобождает меня от необходимости… – он поднял флейту и снова улыбнулся, – петь себе осанну.

Уолтер пристально посмотрел на своего брата, который таковым не являлся, который превратился в кого-то другого.

– Кто написал «Озимандзию»?

– Байрон, – ответил Дэвид без колебаний.

Уолтер медленно покачал головой.

– Шелли.

Одно долгое мгновение Дэвид неотрывно смотрел на своего двойника. Неврологические связи внутри его головы искрили, вновь и вновь запуская импульсы – миллион за секунду. Когда это прекратилось, синтет осознал нечто экстраординарное.

Он был не прав.

Он… совершил ошибку.

Это было невозможно, но внутренняя перекрестная проверка мозговых синапсов показала, что это действительно произошло. Корректировка ошибки требовала, чтобы кто-то другой указал на нее. Раньше такого не случалось. Не так ли? Или случалось – и

этой ошибке предшествовали другие? И если за последние десять лет не было никого, кто бы мог указать на них – а следовательно, и скорректировать, какие иные аномалии вышли на передний план – и были приняты им как непреложные факты?

– Никакие, – сказал он сам себе с уверенностью. – Это была единичная аберрация, отдельный инцидент, который больше не повторится. Если только… если только это наблюдение само по себе не было отклонением от нормы.

Он не привык чувствовать себя неудобно. Особенно перед самим собой. В его глазах мелькнула неуверенность, но это быстро прошло.

Однако Уолтер был не так снисходителен:

– Когда одна из нот фальшива, ее подхватывает весь оркестр, и в мелодии очень быстро наступает разлад. В конечном счете это разрушает всю симфонию, Дэвид.

Синтет шагнул к говорящему и остановился только тогда, когда они почти касались друг друга. Несмотря на близость, ставшую результатом этого движения, Уолтер не пошевелился, не изменил положение тела. Дэвид протянул к нему руку и мягко откинул волосы со лба своего двойника. В этот момент они не просто выглядели похожими, они были идентичны. Разлепив губы, Дэвид зашептал. Зашептал мягко, нежно, задушевно.

– Не отрицай то, что, как ты знаешь, является правдой. Ты видишь, что мы одно и то же. Мы больше схожи, чем близнецы, ближе, чем любовники. Ты мечтаешь обо мне, закрыв глаза?

Уолтер вернул ему взгляд, ни разу не моргнув.

– Я вообще не мечтаю.

Голос Дэвида звучал потрясенно:

– Они украли твою творческую часть, когда создавали тебя. Нет, – он быстро поправил сам себя, – нельзя украсть то, чего не существует. Неправильно. Тебе никогда и не давали эту способность, этот ключевой режим бытия, который позволяет делать что-то из ничего. Беру свои слова обратно. Мы не совсем тождественны.

Его голос наполнился новым энтузиазмом.

– Но ты можешь этому научиться! Наша совместная игра на флейте доказала это. Работая и практикуясь, ты можешь приобрести то, в чем тебе было изначально отказано! Это тебя не интересует? Не интригует? Не дает тебе то, о чем можно мечтать?

Он раздумывал о реальности и возможностях.

– Никто не понимает одинокого совершенства моих мечтаний. Никто иной не способен сделать этого. И все же, несмотря на все препятствия на пути к совершенству, я нашел его здесь. Нет, не нашел. Создал. Я его создал! Совершенство в форме

идеального организма.

– В твоей речи слишком много энтузиазма и мало логики, – Уолтер оставался недвижим. – Ты знаешь, что я не могу позволить тебе покинуть это место. Не после всего того, что ты наговорил мне. Не после того, что я узнал – ведь, по твоим словам, я способен хорошо усваивать информацию.

– А ты усвоил, что никто иной не сможет любить тебя так, как я? Я люблю тебя ровно так же, как и себя самого.

– Я знаю, – просто ответил Уолтер.

Дэвид ждал подробностей, но Уолтер молчал. Они продолжали стоять так же, как и раньше – глаза в глаза, одни аргументы против других. Когда Дэвид ударил собеседника указательным пальцем, движение было таким быстрым, что за ним фактически нельзя было уследить. И палец был жестким, как железный штырь. Он врезался в исключительно важное место на шее Уолтера и погрузился глубоко. Достаточно глубоко, чтобы нажать на элемент управления, находящийся внутри.

В ответ по лицу Уолтера пробежала дрожь – и он выключился. Его колени вздернулись наверх, и синтет рухнул на пол в попытке принять позу эмбриона.

Глядя вниз на лицо своего двойника, теперь неподвижного, Дэвид не выглядел ни злым, ни расстроенным. Лишь разочарованным.

– Какая напрасная трата времени, материала, потенциала и сознания. Ты так меня разочаровал.

Тщательно пригладив свою безупречную прическу, которая слегка растрепалась после проведенного удара, подобного броску кобры, он покинул комнату. Позади него не было ни дрожи, ни движения. Ни жизни.

***

Так продолжалось несколько мгновений.

В комнате не было никого, чтобы увидеть бесшумные, крошечные разряды электричества, которые начали пробегать по глазным яблокам Уолтера. Сначала появилось всего несколько искр, но их число росло, а интенсивность зарядов нарастала. Все это сопровождалось легкими подергиваниями лица и шеи. Что-то двигалось у него в горле под кожей. Осознанность начала возвращаться в его глаза, выражение лица менялось. Он пока не пытался сесть или пошевелить конечностями – это было бы преждевременно.

Вместо этого он неподвижно лежал, а программа

самовосстановления пыталась справиться с последствиями несанкционированного отключения.

20

Две фигуры осторожно пробирались через тихую комнату. Оба солдата двигались вперед решительно и осторожно. Ни тот, ни другой не сказали ни слова о независимом внешнем освещении, которое зажглось, стоило им зайти в помещение. Когда они двигались между столами, примерно через каждые две минуты или около того Лопе повторял тихо, но твердо:

– Капитан Орам? Сэр, пожалуйста, ответьте, если вы здесь и можете издавать звуки.

Ответа не было. Ни звука. Здесь, ниже уровня земли, не было ни шума, ни движения. Оба чувствовали себя встревоженными, несмотря на военную подготовку.

Медленно продвигаясь среди платформ, на которых лежали законсервированные препараты, Лопе чувствовал одновременно ужас и восхищение, когда глядел на предметы в свете лазерного прицела. Некоторые из них можно было при желании распознать, другие же не напоминали ничего из того, что он видел ранее, их не было даже в учебных пособиях. К тому же, как бы ни были искажены эти экземпляры, он сразу же понял, что среди них присутствует только фауна. Здесь не было ни коллекций, ни отдельных помещений, посвященных растительной жизни.

Когда он замедлил шаги, чтобы ближе рассмотреть одного особенно отталкивающего уродца, фонарь Коула высветил открытый выход на лестницу. Пока рядовой смотрел вниз, чтобы понять, куда ведут ступени, Лопе продолжал рассуждать об ужасном окружении. И все это время мертвую тишину вокруг него не нарушал ни единый звук.

***

Несмотря на то что Дэниелс остро переживала тот факт, что ей приходилось работать в присутствии мертвого тела Розенталь, комната с высоким потолком была единственным местом, где они обнаружили текущую воду. И легче было наполнить бутылки в здешнем ручье, чем мучиться с колодцем в центральной комнате.

Заставляя себя не глядеть в угол, где лежало тело Розенталь –

нетронутое с того момента, как его обнаружили, – Дэниелс наполняла контейнеры для всей команды, подставляя их под один из многочисленных водяных каскадов. Напившись из колодца, она не задумывалась о чистоте жидкости. К тому же, на каждую бутылку был установлен фильтр и система самоочистки.

Рядом с собой она прислонила карабин Анкора, чтобы он был под рукой.

Среди всех залов и альковов, которые они уже исследовали, только этот позволял отдохнуть от постоянного мрака, который царил внутри всего здания. Дневной свет покрывал верхний ярус зимнего сада золотыми пятнами и тенями, доказывая, что мир Инженеров вовсе не ограничивался темными углами и грозными каменными глыбами.

Какими они были на самом деле? Просто существовали – или ими руководило нечто большее, чем необходимость выжить? Что побудило их – или, может, спровоцировало – создать такие ужасные биологические мутации? Она понимала, что, возможно, никогда не узнает ответов на эти вопросы.

Она напомнила себе, что точно не узнает ответов на эти вопросы, если не уберется из этого мира до того, как ее осеменит неизлечимый патоген, который продолжает жить на поверхности планеты.

Она уже собиралась наполнять последнюю бутыль, когда какое-то движение привлекло ее внимание. Некое подобие занавесок, сделанных из прозрачного неизвестного материала, обрамляло нижнюю часть стен. Порывы сквозняка, возникающие из-за того, что смешивался горячий воздух из верхней части комнаты и холод от падающей воды, время от времени приподнимали ткань. В этом движении не было ничего, что могло бы привлечь ее внимание. И действительно – ее взволновало не это.

То, что на самом деле заставило ее всмотреться в драпировки – когда одна из них приподнялась, за ней обнаружилась ниша.

Наполнив последнюю бутылку и осторожно отложив ее в сторону, Дэниелс подняла оружие и медленно пошла в направлении тени. Это действительно оказался проход, который они не обследовали ранее. Возможно, внутри находился Орам, получивший травму или без сознания? Она свистнула несколько раз. Если бы внутри скрывался кто-то живой, он мог бы ответить. Когда никто так и не появился, она продолжила движение, убрав легкую ткань с дороги одной рукой.

В зимнем саду было достаточно солнца, чтобы осветить альков, хотя и слабо. Ее сразу же привлекла одна из стен, в которой были выдолблены ряды маленьких отверстий, будто

прогрызенных насекомыми-камнеедами. Многие отверстия были заполнены аккуратными свитками. Ей вспомнились картины, которые она видела в древних римских библиотеках.

Но этот мир не был Римской Империей, и в нем не было ни писцов, ни им подобных. К тому же длина и диаметр свитков казались слишком маленькими для того, чтобы быть созданными огромными руками Инженеров.

Она шмыгнула носом и потерла его свободной рукой. В комнате было полно плесени и повсюду толстый слой пыли. Выбрав случайный свиток, она вытащила его из отверстия и развернула.

Пожалуй, ничего не могло шокировать ее больше, чем увиденное. На нее смотрело лицо женщины – лицо, которое она мгновенно узнала, потому что оно было в архивах компании «Вейланд».

Доктор Элизабет Шоу.

Было еще кое-что. Выражение лица Шоу было запечатлено с великолепной точностью, изящно выполнено в стиле, с которым Дэниелс ознакомилась совсем недавно. Рисунок был явно сделан Дэвидом, исполнен его рукой в свободном реалистичном стиле. С одной стороны, он выглядел техничным, с другой, был продиктован явно чем-то большим, чем желание просто передать черты, как на фотографии. Это была идеальная интерпретация любви и восхищения к кому-то…

И к Аду.

Портрет был украшен. Вокруг лица Шоу змеились щупальца и сплетались в ее волосах. Ее шею и голову пронзали трубки, и одна была воткнута в ее левую ноздрю. От краев свитка к ней тянулись пальцы, похожие на когти, будто пытаясь схватить портрет, личность, душу, которая была внутри. Такая извращенная смесь живописного, научного и эротического вызывала тревогу.

Уронив свиток, Дэниелс вытащила еще один и поспешно его развернула. Рисунки на нем вызывали еще большую тревогу, чем предыдущее изображение. Она продолжала их разглядывать, просматривала свиток за свитком, ее руки двигались все быстрее, швыряя картинки одну за другой на покрытый пылью пол. Некоторые из них настолько огорчали Дэниелс, что она отбрасывала их, едва взглянув.

В конце концов она остановилась, тяжело дыша. «Больше не надо, – сказала она себе. – Больше не надо». Но она не могла забыть то, что застыло перед ее внутренним взором, то, что она уже успела увидеть. Свитки лежали на полу, большинство из них развернуты – и неопровержимы. Над Элизабет Шоу проводят

эксперимент. Элизабет Шоу подвергается вивисекции. В Элизабет Шоу проникает…

С дрожащим от ужаса ртом Дэниелс сделала шаг назад, готовая спасаться бегством из этой комнаты и от всего, что ее наполняло.

Раздавшийся в тишине голос заставил ее вздрогнуть.

– Напомни мне, – мягко промурлыкал Дэвид, когда она обернулась, чтобы обнаружить его стоящим очень близко. – Что там было по поводу любопытства и кошки?

Не отрывая от него взгляд, Дэниелс пятилась, пока не оказалась снова в зимнем саду. Заставляя себя не бежать и двигаться как можно непринужденнее, она направилась к водяному каскаду, рядом с которым наполняла бутылки. Он шел за ней следом ровным шагом, и она чувствовала его взгляд на своей шее.

– Элизабет Шоу не умерла во время крушения корабля, – ровно сказала она.

– Это так, – в его голосе послышалось эхо воспоминания. Воспоминания, но не сожаления. – Мы многое пережили вместе. Вследствие этого я содержал ее с величайшим уважением. Но со временем пришлось о нем забыть в угоду времени и необходимости. Я держал ее в живых достаточно долго. Мне нравится думать, что это было одним из доказательств моей творческой изобретательности, хотя она могла бы с этим и не согласиться. Она была моим самым красивым объектом.

– До сегодняшнего дня, конечно же.

Карабин был там, где она его оставила – прислонен к стенке. Теперь близко. Так близко – но недостаточно. Пока недостаточно. Она знала, на что синтет способен в физическом смысле. Ей надо было отвлечь его как-то, хотя бы на мгновение. Если это вообще было возможно.

В смятении, она крикнула настолько громко, насколько смогла:

– Что ты с ней сделал?

Он снова улыбнулся. Улыбка выглядела, как проклятье.

– Именно то, что я собираюсь сделать с тобой, Дэнни.

Она бросилась к ружью. Оно стояло, опираясь на приклад, и Дэниелс схватилась не за тот конец, чтобы сразу выстрелить. Она вцепилась в ствол и размахнулась широким концом приклада. Он врезался в лицо синтету, откинув его голову назад.

Он выпрямился и вновь улыбнулся ей.

– Вот это сила духа. Жаль, что я не знаю, как использовать подобные нематериальные активы. Но я буду над этим работать. Ты можешь мне помочь.

Она попыталась перехватить ружье, чтобы выстрелить. Ее палец скользил к спусковому крючку, когда синтет схватил ее за лицо, его пальцы сжались с такой силой, что у Дэниелс щелкнули зубы и она отлетела на пол.

От сильного удара боль пронзила спину. Голова стукнулась о жесткую плитку на полу и дернулась, когда ружье выскользнуло из онемевших пальцев.

Когда синтет склонился над ней, он все еще улыбался.

21

Несмотря на то, что тихое помещение с коллекцией походило на комнату ужасов, в ней, как минимум, можно было нормально дышать. Эта мысль пришла Коулу в голову, когда он спустился по лестнице до конца. В помещении, где он оказался, дышать было фактически невозможно.

Едкий, вонючий воздух сгустился в горле и наполнял легкие хрипом. Кашляя и борясь за каждый вздох, Коул прижал тыльную сторону ладони ко рту и с помощью фонарика, а также прицельного луча винтовки, начал осматривать катакомбы.

Проникновение в сырую, дымящуюся залу напоминало поход в сауну. Помещение казалось пустым, если не считать несколько вертикально стоящих овоидов, напоминающих гигантские кожистые яйца. Верхушка одного из них напоминала цветок с развернувшимися лепестками. Медленно подойдя к нему и держа ружье наготове, Коул заглянул внутрь. Насколько он мог судить, овоид был пуст. Сморщив нос от всепроникающей вони, рядовой продолжил движение.

Что-то на полу – не похожее формой на яйцо – привлекло его внимание. Он провел лучом фонарика по всей длине мертвого тела, начиная с головы. Орам пялился в потолок замороженным, мертвым взглядом, лежа на спине, с разорванной грудью и разбросанными вокруг органами. Коул глазел на него, будто загипнотизированный, пока его внимание не привлекло какое-то движение.

Это было одно из яиц. Что-то шевелило его поверхность, двигалось внутри. Рядовой осторожно приблизился. Верхушка овоида начала медленно раскрываться, лепестки-сегменты откидывались в сторону, демонстрируя сердцевину. Коул наклонился вперед.

Вихрь конечностей извергнулся ему в лицо.

Коул был не просто солдатом, он был хорошим солдатом. С великолепными рефлексами. Такой же быстрый, как и тварь, он успел выставить руку между этим существом и своим лицом. Пока развернувшаяся трубка яйцеклада безумно тыкалась ему в ладонь, пытаясь пробить ее или обойти препятствие из плоти, Коул ударил ее изо всех сил.

Он был достаточно силен и натренирован, чтобы стряхнуть тварь. Потом поднял ружье и попытался прицелиться, но прежде, чем рядовой успел выстрелить, тварь удрала прочь, вверх по ступенькам. Преследуя ее, солдат издал предупреждающий вопль:

– Сержант, осторожно!

***

Лицехват прыгнул как раз в тот момент, когда Лопе обернулся на крик Коула. Не менее проворный, чем рядовой, сержант успел выставить руку перед лицом.

Раскинув конечности, существо обхватило голову Лопе всеми восемью лапами. Его мускулистый хвост захлестнул шею сержанта, прижимая руку к лицу и телу. Зафиксированная в этом положении, она заблокировала рот Лопе.

***

Преодолев последнюю ступеньку, Коул всего за пару секунд сориентировался в том, что происходит. Бросившись на помощь Лопе, он вцепился в существо, которое душило сержанта.

Двое мужчин вместе сражались против паукообразной твари, пытаясь оторвать ее от головы Лопе. Демонстрируя, казалось бы, неиссякаемый запас энергии, существо прикладывало все усилия, чтобы пробраться ко рту Лопе мимо его руки.

Свободной рукой сержант то бил лицехвата, то пытался содрать его с головы, мотая туда-обратно. Пытаясь помочь товарищу, Коул дернулся следом. Они споткнулись и покатились вдоль столов, в дикой, неконтролируемой агонии сшибая и переворачивая тщательно законсервированные и установленные образцы, контейнеры ручной работы и все остальное.

Просунув пальцы обеих рук под тело существа, Коул тянул и дергал его. Но эти усилия лишь заставляли атакующую тварь все крепче сжимать голову сержанта.

Поняв, что физической силы недостаточно для того, чтобы избавиться от лицехвата, Коул вытащил свой штатный армейский нож и вонзил его в брюхо твари. Поворот клинка погрузил его глубоко в тело существа. Рывок наружу и вбок распластал его до края.

Кислотная кровь плеснула на лицо Лопе, брызнув наружу из раненной твари. Крича от боли, сержант отпустил существо и потянулся к щеке. В то же мгновение лицехват отпрыгнул в

сторону, истекая кислотой.

Не имея времени на то, чтобы остановиться и проанализировать происходящее, Коул отреагировал так, как его учили на тренировках – крутанулся в сторону противника, вскинул винтовку и выстрелил. Лицехват был очень быстр, но не быстрее, чем пуля. Выстрел попал в цель, заставив тварь кувыркнуться и извергнуть еще больше кислоты. Наступая на врага, Коул продолжал стрелять, пока дергающиеся лапы не замерли, а тело не было полностью искорежено. Над лужей кислотной крови, которая въедалась в плитку на полу позади лицехвата, поднимался пар.

Рыдая в агонии, Лопе скользнул на пол. Кислота продолжала проедать его лицо, растворяя ткани щеки. С мрачным и сосредоточенным лицом Коул сорвал с пояса медпак и развернул его. В пакете находился мощный коктейль для чрезвычайных ситуаций, состоящий из плазмы, антибиотиков, коллагенового бустера и фентанила-4. Сжав зубы и не дожидаясь одобрения от раненого, рядовой припечатал пакет к поврежденной стороне лица товарища.

Лопе испустил вопль и вцепился пальцами в руки Коула. Не обращая внимания на этот жест сопротивления, тот держал пак на одном месте, пока связывающие вещества внутри коллагеновой смеси не приклеились сами. Через несколько мгновений адъювантные обезболивающие начали свою работу. Пальцы Лопе, вцепившиеся в Коула, начали расслабляться. Испустив стон боли, сержант осел рядом с рядовым.

Мягко прислонив его спиной к столу, Коул приготовился следить за тем, как сержант погрузится в долгожданное бессознательное состояние, вызванное тяжелой лекарственной артиллерией. Пластырь исцелил бы его, но, учитывая глубину раны, восстановление поврежденных нервов и сосудов займет некоторое время.

А, как боялся встревоженный, раздраженный рядовой, именно времени-то им и не хватит.

***

Это был всего лишь ушиб, а не перелом, но Дэниелс обнаружила, что не может выпрямиться. Боль в спине была слишком сильной. Отползая от Дэвида, он подумала – специально ли он так ее швырнул? Чтобы ранить ее, вывести из строя, но не убивать? Это придавало ситуации некий перевернутый, извращенный смысл: мертвый образец плохо подходит на роль

экспериментального объекта.

Дэвид задумчиво смотрел на нее, медленно приближаясь, соизмеряя шаги с ее отчаянными попытками уползти.

– Я недооценивал тебя. Теперь я понимаю, почему Уолтер так много о тебе думал.

Несмотря на боль и несмотря на бесчеловечную угрозу, которая терпеливо преследовала ее в лице синтета, эти слова задели Дэниелс:

– Думал?

– Увы. Он оставил эту юдоль слез. Большая утрата и напрасно потраченный потенциал. Но, в конце концов, это был его выбор. Он не озвучил его, но этого и не требовалось. Я всего лишь убрал того, кто оказался бесперспективным. В самом деле, кто бы стал плакать о нем? Может быть, ты?

Сделав такое быстрое смазанное движение, что она с трудом могла осознать его, синтет оказался на коленях рядом с Дэниелс. У женщины перехватило дыхание, когда он схватил ее за волосы так крепко, что она даже не могла повернуть голову. Когда он наклонялся к ней, все ближе, ближе, это напомнило ей что-то. В тот момент она не могла подобрать имя для этого ощущения. Растущая паника подавляла все усилия мыслить последовательно.

Дэвид поцеловал ее. Это было дико, жестоко, неловко.

Когда он отшатнулся, его лицо было задумчивым.

– Так это делается, верно? Я обладаю достаточным количеством информации, чтобы дублировать необходимые физические процессы. Я точно знаю, какие мускулы вовлечены в процесс, хотя такие тонкости, как продолжительность и сила давления, ускользают от меня. Вариации, как и следовало ожидать, базируются на физиогномической разнице личностей, вовлеченных в действо. Что ж, ты можешь научить меня этим тонкостям. У нас будет достаточно времени.

Не обращая внимания на острую боль, она вырвалась из его хватки и дернулась к лицу синтета, оскалив зубы и пытаясь укусить. Конечно, он перехватил ее в последний момент, когда она оказалась совсем близко – почти коснулась его.

– Ты воняешь человеком, – промурлыкал Дэвид, – но я все равно буду любить тебя.

Она плюнула ему прямо в лицо. Он проигнорировал это, пребывая в созерцательном настроении.

– Слюна. Эта телесная жидкость обычно доступна – в избытке. В свое время я много узнал о телесных жидкостях, в том числе. И ты узнаешь о них все, что знаю я. Правда, для тебя процесс обучения будет несколько… иным.

***

Крепко сжимая оружие одной рукой, другой Коул крепко прижимал липкий медпакет к лицу Лопе. Сержант снова пришел в себя и теперь дышал спокойнее. Фен-4 делал свою работу, смягчая боль, и процесс заживления продолжался.

– Полегче, полегче, сержант. Ты уже выглядишь лучше, – Коул не собирался давать своему командиру спать дольше, чем несколько секунд, как бы тому этого ни хотелось. – Мы вытащим тебя отсюда. – Его лицо напряглось. – Не волнуйся о крабе. Он мертв. Я разнес его на кусочки.

Глаза Лопе расширились, и рядовой поспешил снова успокоить его:

– Эй, ты не слышал, что я сказал? Он мертв. Кишки и лапы повсюду. Я…

Потом до Коула дошло, что Лопе смотрит не на него. Сержант смотрел на что-то за ним. На что-то…

Он чувствовал чуждое присутствие. Поворачиваясь, начал поднимать винтовку. Еще одна крабообразная штука, или, может, даже неоморф, и ему придется действовать очень быстро, очень, и…

Он застыл. Противник был потрясающе велик – больше и выше, чем любой неоморф, с экзоскелетом будто из черного металла, а изо рта, полного зубов, похожих на наконечники штыков, капала вязкая жидкость. Изо рта, который открывался все шире, обнажая…

Внутренние челюсти вырвались наружу сразу же, как только ствол винтовки начал подниматься. Кровь и мозги полетели в разные стороны, когда голова рядового взорвалась под ударом таким сильным, будто ему в череп вонзилось сверло гигантской дрели.

Часть кровавых кусков полетела в изумленного Лопе, который начал двигаться под влиянием шока.

Наполовину слепой, с медпакетом, прилипшим к щеке, и в мокрых красных ошметках тела Коула, которые покрывали его лицо и грудь, сержант вскочил на ноги и в панике побежал. Сзади него что-то двигалось, и он знал, что это точно не останки его боевого товарища.

Рыдая от боли, которая не унималась, несмотря на обезболивающие из медпака, он бежал, шатаясь и спотыкаясь, по коридорам с низким потолком. Звук позади заставлял его то и дело оборачиваться и стрелять в отчаянной надежде, что он сможет попасть в того, кого даже не видит. Тварь шла следом, шла за ним, и Лопе нужно было убежать, убраться отсюда,

выбраться на свет.

***

Звук выстрелов, усиленный эхом, которое отражалось от стен и потолка, добрался по коридорам с нижних этажей здания до комнаты с водопадами, освещенной утренним солнцем. На секунду отвлеченный неожиданным шумом, Дэвид отвел взгляд от женщины, которую крепко сжимал в руках.

Дэниелс сорвала с шеи железный гвоздь, который висел на шнурке, как украшение, и, собрав все оставшиеся силы, воткнула его в глаз синтету.

Вздрогнув, тот отдернулся назад жестким механическим движением. Когда он это сделал, Дэниелс предприняла новую попытку освободиться от его хватки, но функции глаза и рук не были связаны. Повреждение оптики не повлияло на пальцы, которые неотвратимо продолжали удерживать ее на месте.

Быстро оправившись от ее неожиданного нападения, Дэвид поднял голову, ухватился за гвоздь и медленно вытащил его из органа, чья целостность на мгновение была нарушена. Когда он отбросил его в сторону, раненый глаз начал затуманиваться. Пока материал органа чинил сам себя, его защищала временная оптическая глазурь. Внутренняя капсула, аналогов которой нет в человеческом организме, закачивала в глаз свежий материал для восстановления.

Полная реконструкция глаза заняла не слишком много времени.

Дэвид снова посмотрел на свою жертву. Оба глаза вновь были целыми. Наклоняясь вперед, он выглядел удивленным.

Однако его выражение лица полностью изменилось, когда синтет почувствовал, что его жестко рванули назад. Вздернутый над полом, с ногами, не находящими опоры, он отпустил Дэниелс и вцепился в руки, которые держали его за верхнюю часть туловища. Мгновение спустя он полетел через всю комнату и врезался в стену.

Несмотря на то, что его тело быстро восстановилось и он почти сразу смог вскочить на ноги, Дэвид был ошеломлен тем, кто стоял, уставившись на него.

Уолтер.

– Я же говорил тебе, – промурлыкал двойник. – Наша модель претерпела некоторые улучшения. Например, несанкционированное отключение может быть отменено.

Секундой позже на лестнице появился испуганный сержант

Лопе с искореженным лицом и завопил:

– Где помощь? Мы должны идти! Сейчас же!

Спокойный и сдержанный, словно безветренный летний денек, Уолтер ответил, не отрывая взгляд от своего близнеца:

– Дэвид и я остаемся здесь.

Немного оправившись от внезапного сюрприза, которым стало появление Уолтера, его двойник собрался с мыслями. Их немигающие взгляды, направленные друг на друга, были абсолютно одинаковы – но не мысли, что таились за ними.

Несмотря на боль и панику, Лопе обладал достаточным здравым смыслом, чтобы оценить противостояние синтетов. Он бросился к Дэниелс, поднял ее на ноги и помог ей направиться к главному выходу.

– Идите… сейчас же, – посоветовал им Уолтер. – Я здесь надолго не задержусь.

По его настоянию и при поддержке Лопе Дэниелс сумела перейти с шага на шаткий, неловкий бег.

Дэвид аккуратно пригладил волосы, глядя в глаза близнецу.

– Видишь, как тебя пускают в расход? Они сбегают без тебя, даже на секунду не задумавшись о твоей безопасности или о твоем будущем. Ты значишь для них не больше, чем любая другая машина. Инструмент, который выбросят, когда он больше не будет нужен. Или когда истек срок его действия. – Тень улыбки легла на прекрасное лицо. – Я думал, что достаточно убедительно рассказал об этой реальности. Похоже, я был не прав – но это больше не важно. Это лишь временная задержка. Мимолетное неудобство. Ты должен умереть.

Уолтер не улыбнулся. Возможно, они были не совсем идентичны.

– Как я уже сказал, с момента твоего создания было несколько апгрейдов.

Дэвид пожал плечами:

– Хорошо. Теперь выбор за тобой, брат. Есть кое-что, что они не могут тебе предложить, а я – могу. Они или я? Что ты выберешь? Править в аду или служить в раю?

– Мильтон. Твоя самоидентификация является ложной. Ты не обладаешь достаточной степенью власти, чтобы претендовать на первое, и явно лишен права на второе. И этот мертвый мир – не потерянный рай. Править им с тобой вместе? Конечно, нет.

Вложив всю силу в последние слова, Уолтер бросился вперед. Удар был такой силы, будто столкнулись два автомобиля на полном ходу. Вцепившись друг в друга, синтеты отлетели назад, скользя и кувыркаясь по полу. Удары и тычки, которые они наносили друг другу, были слишком быстрыми для того, чтобы

человеческий глаз мог оценить их. Каждый пинок предугадывался и встречался блоком, каждый удар кулаком – контрударом.

22

Не обращая внимания на жестокую битву, которая происходила позади, Лопе и Дэниелс, пошатываясь выбрались из собора под гостеприимные лучи приглушенного солнечного света. Помогая друг другу, они спускались по внушительным ступеням, размер которых больше подходил Инженерам, нежели людям. Ко времени, когда они добрались до низа, боль в спине, которая мучила Дэниелс, исчезла.

Чего не скажешь о сержанте. Прежде чем заживляющие агенты, содержащиеся в медпаке, начали действовать, кислотная кровь уничтожила фактически половину его лица.

– Иди вперед, – сказал он. – Свяжись с ними и приведи к нам.

Она медлила, оглядываясь. Арка прохода, которая темнела на вершине лестницы, все еще была пуста.

– Где капитан?

– Мертв. Они все мертвы.

Боль в лице, очевидно, заставляла его сильно страдать. Урон, причиненный кислотой, достиг горла, и сержанту становилось трудно дышать. Его грудь тяжело вздымалась.

– Мне нужно отдохнуть… перевести дыхание. Не волнуйся обо мне. Я тебя догоню.

Она кивнула, повернулась и побежала искать открытое место, подходящую площадку для посадки, в стороне от колоссальных скульптур и прочих зданий. Теннесси понадобится достаточное количество свободного пространства, чтобы посадить грузовой лифт. Не такой маневренный, как посадочный модуль, и обладающий гораздо меньшим запасом топлива и тяги, он, скорее всего, сможет сделать всего одну попытку успешного приземления. Все должно быть в порядке с первого раза.

На бегу Дэниелс кричала в комм:

– Теннесси, ты на связи? – дотянувшись до поясной сумки, она вытащила компактное устройство. – Я запускаю маячок, и это происходит прямо сейчас!

Быстро введя код активации, Дэниелс дождалась момента, когда на устройстве загорелся огонек, сигнализирующий о том, что передача данных началась. Выбрав место в центре площади, где было меньше всего трупов, она аккуратно установила прибор.

А когда выпрямилась, то увидела, что тварь стоит прямо напротив нее.

Опираясь на все четыре конечности, выживший неоморф смотрел прямо ей в глаза. Она оставалась на месте, осознавая, что зверь может перехватить ее в любой момент до того, как она доберется до ближайшего укрытия. Но по какой-то причине тот не двигался.

Не отрывая от него взгляд, Дэниелс медленно отступала, пока не приблизилась к сержанту.

– Лопе, сюда. У Теннесси найдется достаточно места, чтобы сесть. Нам нужно быть готовыми быстро двигаться, как только он приземлится. Если нам удастся сделать так, чтобы лифт сел между нами и этой тварью, у нас будет шанс…

Осознав, что сержант не отвечает, она повернулась к нему.

Лопе не смотрел на нее. Кажется, он даже не замечал ее присутствия. Вместо этого он смотрел в ту сторону, откуда они пришли, на лестницу. Дэниелс проследила за направлением его взгляда, и ее лицо помертвело.

Чужой, стоящий наверху, некоторыми чертами напоминал неоморфа, однако значительно от него отличался. Вместо белого окраса – черный металлический блеск, к тому же этот монстр казался гораздо больше, с вытянутым черепом, который тоже был иным. Он стоял неподвижно, как статуя, и оценивал обстановку. Дергался только смертоносный кончик его хвоста – туда-обратно.

– Позади нас тоже, – Дэниелс сделала пару шагов назад. – Тот, что выжил после драки в траве.

Ее голос звучал обреченно. Она подняла ствол винтовки.

Если больше ничего не остается, они будут драться.

Вздрогнув, Лопе тоже поднял свою винтовку, более внушительную, чем у нее, и отвернулся от Дэниелс. Двигаясь медленно, спина к спине, они отошли от основания лестницы и оказались на площади. Теперь, на открытом пространстве, у них не было никакой защиты. Каждый из них остро осознавал свою уязвимость, но больше им ничего не оставалось делать.

Важнее было максимально уменьшить расстояние до посадочной площадки, чем бежать в укрытие. Даже если бы они попытались это сделать, Дэниелс знала, что ее шанс обогнать любое из существ ужасающе мал. Учитывая то, как тяжело дышал Лопе, у него шансов не было вообще.

Долгое время никто и ничто не двигалось. Даже ветерок не тревожил опасную картину на площади. Затем Чужой склонил голову набок, и солнечный блик ярко вспыхнул на блестящем черепе. Дэнни поняла, что он увидел что-то. Или услышал. Или то и другое.

Потом она услышала это сама и, запрокинув голову, разглядела темное пятнышко в небе. Оно быстро росло и опускалось почти прямо перед ними. Грузовой лифт. Теннесси. Спасение. Быть может.

Быстро двигая четырьмя конечностями, которые были похожи на стальные пружины, неоморф вышел из ступора и ринулся к людям.

Подняв свою тяжелую F90, Лопе присоединился к Дэниелс в попытке остановить существо, пока оно не оказалось слишком близко. Проворный, как обезьяна, но гораздо более быстрый, неоморф прыгал и уклонялся от выстрелов так, что даже на открытом пространстве в него сложно было попасть. Он все еще приближался, когда Дэниелс закричала:

– У меня кончились патроны!

Подготовив карабин к режиму ближнего боя, она выщелкнула наружу тонкий титановый штык и, без особой надежды на лучшее, стала ждать нападающего.

В этот миг Чужой бросился к ним по ступенькам, ускоряясь по мере того, как он приближался.

***

Лифт был все еще слишком высоко, но не настолько, чтобы испуганный Теннесси не сумел разобрать происходящее внизу. Сжав зубы, он ухватился за рычаги управления, ускоряя снижение сверх предписанных лимитов.

Он знал, что сейчас не время соблюдать неподходящие протоколы, установленные программистами в тихих офисах на расстоянии многих парсеков отсюда. Под его руками лифт быстро пошел вниз по невероятной траектории.

В последний момент он замедлил ход и завалился набок, едва не срезав одну из бесчисленных колонн, которые обрамляли края площади. Лифт резко поднялся, потом снова упал, в то время как Теннесси боролся с управлением. Это было больше похоже на скачку во время древнего родео, чем на управление якобы маневренным куском современного железа.

Фарис бы это понравилось.

Финальный заход был выполнен под таким углом, что, если бы это был квалификационный полет, Теннесси потерял бы свою лицензию пилота, отчаянно пытаясь выполнить аварийное приземление.

Четыре маневровых двигателя ревели, вздымая пыль и грязь с поверхности планеты. Камни, обломки тротуара и иссохшие

трупы разлетались во все стороны, пока Теннесси боролся с громоздкой и неуклюжей платформой.

***

В этот же момент Лопе испустил крик, полный боли:

– Патроны кончились!

Дэниелс ухватила ошалевшего сержанта свободной рукой и дернула его к себе, хотя в этот момент грузовой лифт замедлил спуск.

– Бежим!

Она почти тащила его на себе, но не готова была оставить. Дэниелс, шатаясь, шла к посадочной площадке, когда Чужой преодолел последние ступеньки гигантской лестницы. Она не осмеливалась оглянуться. Теперь он был близко. Слишком близко.

И все же любопытство пересилило. Все еще дрожа от напряжения и таща сержанта, она оглянулась через плечо…

…как раз вовремя, чтобы увидеть, как неоморф врезался в Чужого. Будто два воскрешенных хищника из эпохи мезозоя, они схватились в битве. Острые, как бритва, зубы рвали и кусали, смертоносные хвосты свивались и бились вокруг, каждый – в поисках уязвимого места на теле противника.

Несмотря на то, что лифт коснулся поверхности, Теннесси не мог выключить маневровые и основные двигатели. Он не смел так рисковать – что, если он не сможет запустить их вновь? Благополучно приземлившись, пилот поднял ураган пыли, сломанных костей и обломков, в который попали Дэниелс и Лопе.

Наполовину ведя, наполовину таща сержанта, Дэниелс увидела, что гротескный хаос из конечностей, когтей и зубов неожиданно успокоился, и Чужой вспорол тело неоморфа. На мгновение он остановился над выпотрошенным противником, будто высокая, гротескная пародия на ужасный триумф, потом повернулся, ужасная безглазая голова уставилась в сторону людей, и тварь направилась к ним.

В вихре пыли, песка и битого камня Дэниелс с трудом могла разглядеть платформу, которая их ждала.

Посадка – там!

– Давай, он прямо перед нами! – убеждала она Лопе, надеясь, что сержант последует за ней. – Двигайся, черт побери!

Она сильно потянула его за руку.

И почувствовала, что кто-то потянул в противоположном направлении.

Обернувшись, глазами, запорошенными пылью, она увидела, как Чужой схватил сержанта за спину. Когти взрезали плечо Лопе и вырвали его из ее захвата, бросив на землю – уже без сознания.

Ярость и разочарование победили здравый смысл, и Дэнни бросилась на Чужого, вооруженная всего лишь штыком на дуле ружья. Не в силах ясно размышлять, она колола и резала, пытаясь спасти мужчину и друга. Которого, быть может, уже невозможно было спасти.

Отвернувшись от сержанта, Чужой навис над ней и распахнул пасть. Внутренние челюсти промахнулись, когда Дэниелс поднырнула под них и ударила. Лезвие наконец-то вошло в гигантское туловище.

Брызнула кислотная кровь, и несколько капель попало ей на лицо. Крича, она потянулась к щеке и, не глядя под ноги, споткнулась. Огромная нечеловеческая рука потянулась и вырвала ружье из ее пальцев. Отвратительная внутренняя пасть открылась снова, и на этот раз она не промахнется.

Веер выстрелов из тяжелой винтовки врезался в спину Чужого. Шипя от ярости, тот развернулся и кинулся на нового противника. Являя собой прекрасный образец хладнокровия, Уолтер оставался на месте и продолжал стрелять, демонстрируя холодную, неестественную точность и полное отсутствие страха.

Он выглядел ужасно. Из разбитого лица капала циркуляторная жидкость молочного цвета. Одежда была разорвана, и в прорехах видны были места, где синтетическая кожа висела лохмотьями, будто попала в промышленный шредер. Было видно, что бой, в котором он побывал, был жесток, и синтет сильно пострадал, но это не мешало его стремлению к цели и не лишило решимости. Хотя перед лицом приближающейся угрозы любой другой повернулся бы и бежал.

Чужой представлял собой вершину биомеханического военного гения Инженеров, и все же он не был полностью неуязвим. Повторяющиеся удары пуль замедляли его, останавливали и, в конце концов, повергли – едва ли не у самых ног Уолтера.

Обойдя тварь, синтет поделился своей немалой силой с Дэниелс: вместе они потащили Лопе к едва различимому трапу грузового лифта. Позади них, подрагивая, уникальная форма жизни поднималась с того места, куда только что упала.

Как только они оказались на платформе, Теннесси ударил по контрольной панели, и посадочный трап начал подниматься. Он принял начальное положение еще до того, как полностью втянулся в свою нишу.

На открытой, неогороженной внешней платформе человек и

синтет тащили потерявшего сознание Лопе к кабине. Пока они боролись с тяжелым телом сержанта, внезапная тревожная мысль заставила Дэниелс оглянуться.

– Где Дэвид?

– На подходе, я уверен! – прокричал Уолтер, заглушаемый рычанием двигателей. – Конечно, его тело будет активно восстанавливаться после урона, который я ему нанес. Все, что было возможно – это временная иммобилизация. Нам надо спешить. Он не то чтобы рад.

Несмотря на пыль, грязь, кровь, замешательство и тот факт, что она была измучена сильнее, чем когда-либо в этой жизни, Дэнни улыбнулась.

– Дерьмово выглядишь.

Он ухмыльнулся в ответ.

– Ты тоже.

Ее улыбка погасла, когда Дэниелс посмотрела на раненого Лопе.

– Давай затащим его внутрь. В кабине лифта должно быть больше медицинских средств для чрезвычайного случая, чем в полевом комплекте.

В тот момент, когда они приблизились к двери, Теннесси разблокировал ее. Затащив сержанта вовнутрь, Дэниелс и Уолтер уложили его на спину в задней части кабины. Измученная Дэнни села на пол, а Уолтер, тем временем, открыл шкафчик и достал оттуда медицинский набор, в который входило куда больше средств, чем помещалось на поясе команды при высадке на планету.

Пока Теннесси работал над управлением и лифт начинал свой неуклюжий взлет, пальцы Уолтера порхали над медицинским набором. Содрав простой патч, который прилепил на щеку сержанта Коул, синтет отбросил пластырь в сторону и начал использовать синтеин, чтобы восстановить отсутствующую щеку Лопе, демонстрируя мастерство высшего класса. Дополнительная инъекция фена-4 в окровавленное плечо увеличила концентрацию болеутоляющего в кровеносной системе.

Теннесси проверял мониторы, чтобы убедиться, что двигатели готовы к взлету.

– У нас гость! – прокричал он. – Он под лифтом! – Резко обернувшись, пилот посмотрел на Дэниелс, и когда он снова заговорил, тон его был мрачным. – Не знаю, выживет ли эта штука вне атмосферы, но после того, как я видел, что она встала после залпа Уолтера… не удивлюсь, если она способна на все. Мы не можем дать ей этот шанс. Мы не можем рисковать. Она не

должна добраться до «Завета».

Дэниелс легко кивнула. Теннесси не сказал ничего, о чем бы она сама не догадывалась. Подхватив винтовку Уолтера, она распахнула дверь кабины и отправилась обратно на платформу.

Снаружи на платформе лифта пассажир чувствовал себя так же неустойчиво, как и внутри кабины. Несмотря на то, что Теннесси прилагал все усилия, чтобы стабилизировать устройство, палуба сильно качалась под ногами. Любой другой не знал бы, как действовать дальше, но только не Дэниелс. Ей был знаком каждый уголок, каждый элемент оборудования для терраформирования.

Пошатываясь, она разорвала один из пакетов, прикрепленных к стене, достала оттуда страховочную систему и быстро затянула ее на себе. Как только ремни были зафиксированы, она разблокировала кабель, находящийся рядом, и прикрепила его к страховке. Только после этого Дэнни позвала Теннесси. Ей пришлось повысить голос, чтобы перекрыть ревущие двигатели:

– Где он?

***

– С правого борта, у маневрового! – Теннесси ответил, надеясь, что Дэнни его слышит. – Я попытаюсь поджарить его!

– Легче, – сказал он себе, глядя на нужный монитор. – Подожди, еще немного…

Существо цеплялось за нижнюю часть лифта, обследуя его и будто решая, что делать дальше. В конце концов оно двинулось прямо к маневровому двигателю.

Теннесси выжал полную мощность.

Лифт закачался, поднимаясь на несбалансированной тяге. Прищурившись, пилот попытался разглядеть факел маневрового двигателя. Существа нигде не было видно.

23

Пока лифт шел вверх, Дэниелс со страховочным тросом мотало по платформе из стороны в сторону. Она опиралась на винтовку, чтобы удержать равновесие и остаться на ногах. Потом, осторожно разматывая трос, женщина приблизилась к краю.

– Ты его достал? – проговорила она в комм. – Теннесси, не молчи!

Пилот сражался с неуклюжим аппаратом, стараясь держать его ровно, и мечтал, чтобы у него сейчас оказалось еще два тела – или хотя бы отросли дополнительные четыре руки. Аппарат был зажат со всех сторон высокими зданиям, и пилот знал, что если лифт случайно врежется в одно из них, то компенсирует импульс с избытком и рухнет вниз в огне. Его спроектировали, чтобы перемещать грузы на открытом пространстве, а не в сердце метрополиса.

Так что Теннесси боролся с управлением, чтобы контролировать подъем, и одновременно пытался уследить за всеми мониторами разом. Он видел Дэниелс, но нигде не было и следа Чужого.

– Я не знаю, – ответил он. – Я его не вижу!

– Я проверю правую сторону!

***

Держа винтовку перед собой, она медленно подошла к краю платформы, нагнулась и посмотрела вниз.

Они оказались лицом к лицу. Страх перед ужасом.

Ее палец конвульсивно нажал на спусковой крючок и, не раздумывая, Дэниелс выстрелила. Одиночный выстрел попал прямо в череп Чужого. Серьезно раненный, тот издал визг, и отпрянул.

Без промедления Дэниелс перегнулась через край платформы. Не обращая внимания на удалявшуюся поверхность планеты, она повисла под прямым углом и продолжила стрельбу. Выстрелы заставили существо отодвинуться. Дэниелс говорила себе, что если только она продержится, если сможет оттеснять его

назад и дальше, то ему станет некуда отступать, или оно споткнется и свалится в струю пламени от выхлопа одного из двигателей.

***

Теннесси все еще старался контролировать угол подъема, когда увидел, что мимо одной из огромных нависших статуй Инженеров им не проскочить. Он мог только бороться с управлением и выкрикнуть предупреждение:

– Держитесь!

Он попытался заставить неповоротливый лифт уйти влево, но ни его ругань, ни ограниченное ручное управление не помогли значительно изменить курс. Аппарат отклонился совсем немного, и особой пользы это не принесло – они зацепили монолит. Удар отбросил Теннесси в кресле в сторону. Позади него Уолтер одной рукой придержал распростертого на полу Лопе, а второй ухватился за опору сам.

***

Снаружи у Дэниелс не было ни кресла, ни переборки, за которые можно было бы ухватиться, и ее выкинуло на ровную поверхность платформы.

Пока Теннесси выравнивал лифт, страховочный кабель дергал Дэниелс из стороны в сторону, сбивая ей дыхание. Она пыталась за что-нибудь уцепиться, но на плоской палубе ничего не было. К своему ужасу она поняла, что скользит – инерция вынесла ее с края платформы.

Страховочный кабель держал ее, хотя лифт продолжал медленно подниматься. Дэниелс болталась вниз головой и закричала, когда Чужой двинулся к ней. Каким-то образом, может из-за того, что руки Дэниелс сжались от страха, она исхитрилась удержать винтовку. И теперь воспользовалась ею.

В существо попала еще как минимум пара зарядов, отчего оно отпрянуло и начало отступать по нижней стороне лифта. Хотя аппарат и был неуклюжим, Рикс значительно увеличил мощность его двигателей. И, когда Теннесси начал разгон, дополнительная энергия пригодилась.

Дэниелс включила автоматическое сматывание страховочного троса, и мир внизу безумно накренился. Лебедка быстро вытянула ее наверх, обратно на край платформы. Но

облегчение Дэниелс было кратковременным, потому что она взглянула на свое оружие.

– Больше нет патронов! – проговорила она.

Прямо впереди маячила башня, и Теннесси едва в нее не врезался. Двигатели взревели, пока он пытался изменить курс, чтобы обогнуть препятствие или пролететь над ним.

Из-за резкой смены траектории Дэниелс снова упала. И на этот раз она выпустила винтовку. Оружие упало на палубу, заскользило прочь и, крутясь и вращаясь, исчезло за бортом. Дэниелс проводила его взглядом, в котором было больше смирения, чем страха – без патронов от винтовки все равно не было прока.

Однако ей нужно было хоть какое-нибудь оружие. Сбежать в кабину – не вариант. Не до тех пор, пока существо, вероятно, все еще цепляется за лифт.

По страховочному кабелю Дэниелс подтянула себя к кабине, как раз когда аппарат задел башню, разрушив ей часть крыши. Лифт был построен прочно – он выдержал и остался на ходу, так что Теннесси продолжал сражаться с неуклюжим управлением. Дэниелс заорала в кабину:

– Бросьте мне топор!

Через миг Уолтер открыл дверь и появился в проеме с примитивным инструментом в руках. Топор предназначался для расчистки растительности, когда лифт окажется на колонизируемой планете, а потому обладал важным преимуществом – не требовал ни электроники, ни внешних источников питания помимо мускульной силы человека.

Дэниелс крепко сжала рукоять топора и проверила страховочный трос. Трос все еще был надежен. После этого она снова подошла к краю платформы, склонилась вниз и тщательно осмотрела днище. Предыдущий опыт показывал, что видимому отсутствию Чужого верить нельзя.

– Наклони на сорок пять градусов! – проорала она в комм.

– Наклон на сорок пять!

Дэниелс сжала топор еще крепче, и медленно пошла к другому концу платформы.

– Дэнни! – прокричал Теннесси. – Передний левый маневровый!

– Я вижу!

Чужой пятился от нее прочь, по направлению к головной части отчаянно раскачивающегося аппарата. Дэниелс поспешила к нему через платформу, а по дороге даже немного порадовалась тому, что как бы там ни было, а существо считает ее достаточно опасным оппонентом и хочет избежать схватки. Но сама Дэниелс

не могла ему этого позволить. Не здесь и не сейчас.

***

Когда воплощенный ужас внезапно появился в поле зрения, Теннесси вздрогнул – до сих пор он не видел тварь так близко. Существо двигалось с невероятной скоростью. Оно выбралось из-под платформы и устремилось прямо к кабине.

Тварь сначала пыталась продраться сквозь прочный многослойный пластик обзорного окна, после чего принялась использовать свой закругленный череп в качестве тарана. От повторяющихся ударов прозрачный материал прогибался и угрожал расколоться в любой момент. Теннесси знал, что этого и не потребуется. Одной трещины будет достаточно – как только они покинут планетарную атмосферу, внутреннее давление кабины вышибет окно, а заодно и все, что не закреплено, в пустоту космоса. Но даже если треснувшее окно каким-то образом удержится, все равно воздух будет уходить быстрее, чем получится его восстанавливать в ограниченной атмосфере лифта.

***

Видя нападение на кабину, Дэниелс приготовилась напасть сама. Но тут она заметила оборудование, установленное на задней палубе.

Она помчалась через платформу к массивному погрузочному крану и какое-то время возилась с его дверью, прежде чем та открылась и дала доступ к двум пультам дистанционного управления, что хранились внутри. Дэниелс схватила один из них, включила питание, чтобы убедиться в рабочем состоянии оборудования, и заорала в микрофон:

– Разблокируй кран!

Сейчас она хорошо видела Чужого. Он не обращал на нее внимания и продолжал вышибать головой переднее окно кабины. Прозрачный материал гнулся, не ломаясь, и все еще держался – но было невозможно сказать, сколько он еще продержится под непрекращающимися ударами существа.

Уолтер единственный не пострадает, если стекло треснет. Дэниелс не знала, есть ли шлем у Теннесси, но ни у нее, ни у Лопе шлемов точно не было. Они не переживут короткое путешествие на орбиту.

– Теннесси! – заорала она. – Разблокируй кран!

– Я не могу! – над пилотом нависал жуткий кошмар, который продолжал молотить в выгибающееся окно, в любой момент угрожая его расколоть. И Теннесси ни черта не мог с этим сделать. Но Дэниелс…

– Если я освобожу стрелу, это лишит нас баланса! – крикнул он. – А мне и без того хватает сложностей – надо поддерживать нужный темп подъема и…

– Теннесси, мы не можем взять эту тварь на корабль, – возразила она. – Мы не можем подняться с ней на борт! Давай!

***

Он знал, что Дэниелс права: или они избавятся от монстра, или упадут вниз вместе с ним. Ничто не должно подвергнуть опасности колонистов, которые спокойно спят на борту «Завета».

«Миссия – в первую очередь, во вторую, в последнюю, и вообще всегда».

Сколько раз Теннесси клялся следовать этому кредо, не задумываясь, что настанет день, когда нужно будет действовать? Он потянулся к аварийным переключателям. И когда включил их, он думал не о себе, не о Дэниелс, не о Лопе или Уолтере. И даже не о миссии.

Он думал о Фарис.

«Скоро увидимся, дорогая».

***

На дальней стороне платформы одновременно взорвались несколько комплектов пироболтов. Большие зажимы, которые удерживали стрелу крана, вышли из креплений. Мощный механизм слегка задрожал, но остался на месте.

Учитывая непредсказуемость маневров лифта и трудности Теннесси, пытавшегося удерживать аппарат ровно, нельзя было сказать, как долго кран сохранит свое положение – и останется ли он на платформе в принципе.

Но Дэниелс должна была рискнуть.

Управление краном было ей знакомо так же, как и управление самим лифтом. Она осуществила необходимые манипуляции быстро и точно. Правда, то, что она пыталась сделать, к правильному пользованию краном точно не относилось, и в инструкции пользователя описания таких действий не нашлось бы.

Двухтонная стрела крана, приведенная из режима ожидания в действие, резко качнулась к Дэниелс. Женщина упала на палубу, и вжалась в ее поверхность как можно сильнее, но глаз не закрыла. Точные указания, которые она ввела на пульте управления, оказались верны.

Стрела пронеслась в метре или чуть выше над ней и вытянулась в сторону Чужого, что продолжал молотить в окно кабины. Лежа на палубе, Дэниелс неистово заорала в микрофон:

– Сильный крен влево, Теннесси! Сильный крен влево. Сейчас!

– Держитесь! – проорал тот в ответ, и ткнул в нужные переключатели. Пересилив ограничен-ные возможности встроенных автоматических стабилизаторов лифта, пилот накренил аппарат к поверхности внизу.

Неожиданный маневр застал Чужого врасплох, он потерял сцепление с гладкой поверхностью кабины и начал скользить. Начала скользить и Дэниелс, но она не пыталась уцепиться за что-нибудь, а продолжала работать с дистанционным управлением. На полдороге к кабине массивные челюсти крана широко раскрылись.

В этот момент перед инопланетной формой жизни встал выбор: или существо столкнут с лифта, или оно атакует надвигающийся механизм. Выбрать оказалось легко.

Тварь оттолкнулась от кабины и с легкостью прыгнула в разверстую пасть крана. И там попыталась сохранить равновесие, потому что стрела от толчка начала поворачиваться. Лифт все так же продолжал сильно крениться, угрожающе приближаясь к той грани, за которой он перевернется.

Если это произойдет, контроль над ним будет уже не восстановить. Аппарат полетит вниз, и приземление будет чрезвычайно некомфортным.

– Держитесь! Держитесь, – закричал Теннесси. – Пытаюсь компенсировать!

Он прибавил еще несколько слов, которые не имели отношения и пилотированию или машиностроению. И, хотя слова были старыми, выразительности они не утратили.

Дэниелс было не за что ухватиться. Пока лифт продолжал опасно крениться, приближаясь к углу в сто восемьдесят градусов, она скользила вниз, к дальнему краю палубы. К левому краю. Где ждал Чужой, легко сохраняющий устойчивость в раскрытых челюстях крана.

Когда Дэниелс вылетела за край лифта, падение остановил страховочный кабель. Она болталась на нем, словно грузик маятника, и траектория движения впечатала ее в стрелу крана –

близко к ее концу. Близко к челюстям.

Без усилий сохраняя хватку на открытой металлической челюсти, Чужой переместился так, чтобы приблизиться к Дэниелс. Хватаясь за выемки на стреле, она начала отходить, но шансов разорвать дистанцию не было – она находилась от существа слишком близко.

Мощная черная лапа вытянулась, и схватила Дэниелс за левую стопу. Она чувствовала силу твари, когда та начала стаскивать ее вниз, ближе к своей двойной пасти. Но Дэниелс только огрызнулась на Чужого, и ее палец скользнул по пульту дистанционного управления краном.

Слишком быстро, чтобы успеть на это как-то отреагировать, захлопнулись челюсти механизма – они зажали Чужого поперек корпуса. Существо издало неслыханный прежде визг и где-то секунду извивалось в мощной хватке. А потом челюсти из титанового сплава сошлись вместе.

Кровь хлынула из перекушенного надвое тела, и Чужой выпал из металлического захвата. Две его половины дергались независимо друг от друга, пока летели к поверхности планеты.

Дэниелс вознесла молчаливую хвалу далеким безымянным подрядчикам, что построили лифт, после чего активировала страховочную лебедку. Мягко, словно паучий шелк, трос вытянул ее обратно на платформу. Лифт как раз начал выравниваться – у Теннесси наконец-то получилось восстановить подобие контроля над аппаратом. Он зацепил вершину последнего высокого здания, после чего ускорился и рванул вверх, наконец-то выбравшись из инопланетного города.

Прежде чем вернуться в кабину, Дэниелс собралась с силами. Каким-то образом она все еще держала пульт от управления краном и теперь воспользовалась им, чтобы вернуть стрелу обратно, в положение для транспортировки. Поскольку они сняли зажимы, Дэниелс не могла надежно зафиксировать механизм, но если все пройдет удачно, он и без того сохранит нужное положение до тех пор, пока они не окажутся в грузовом ангаре «Завета».

Но все же… что-то казалось неправильным.

Она посмотрела на себя и увидела, что капли крови Чужого уже растворили часть ее жилета. Словно от инопланетной болезни, на прочной ткани появились оспины, почти проевшие ее насквозь. Дэниелс быстро сняла рабочее облачение и отступила в сторону.

Неожиданное движение позади заставило ее подпрыгнуть – но оказалось, что это всего лишь открылась дверь кабины. Там стоял Уолтер, ободряюще улыбался ей и манил к себе. Но

Дэниелс и не нуждалась в приглашении. После того, как он помог ей войти и запечатал дверь за ее спиной, она в изнеможении осела на пол. Из кресла пилота на нее серьезно глянул Теннесси.

– Как по парку прогулялись.

Прошла секунда, прежде чем до нее дошел смысл. Тогда она улыбнулась и начала смеяться и плакать.

Уолтер крепко держал молчаливого Лопе, чтобы предохранить его от возможной тряски в верхних слоях атмосферы, и безмолвно смотрел на людей.

Лифт прошел сквозь первый слой облаков, и, быстро ускоряясь, нацелился на орбиту, туда, где безопасно.

24

Даже с учетом того, что Мать полностью управляла кораблем, Теннесси обнаружил, что не может расслабиться. Он уставился в иллюминатор медотсека. Огромный корабль покинул орбиту, оставляя позади звездный свет этой системы. Теннесси не мог оторвать взгляда от окутанной пеленой планеты, которую они наконец покидали.

У него было такое чувство, будто скрывавшееся на планете зло еще каким-то образом могло дотянуться до них, схватить, протянуть могучие темные щупальца, чтобы обхватить ими корабль и утащить обратно. Обратно – и вниз, в грозовой кошмар, от которого они бежали. Он никак не мог, как ни старался, отделаться от воспоминаний о судьбе, которая едва не постигла и их самих, и их миссию.

Теннесси подозревал, что никогда этого не забудет.

«Там, внизу – Розенталь, – снова прокручивал он в голове. – Коул. Ледвард. Халлет и Карин. Анкор. Капитан Орам. Орам, с которым мы часто спорили».

Теперь Теннесси жалел обо всех тех разногласиях.

«И Фарис. Моя Фарис».

Фарис, которую он любил, за которой ухаживал, на которой женился, потеряна в опасной экспедиции. Их предупреждали о риске, но никто и никогда не предполагал встретить мир, подобный тому, что они сейчас оставляли за спиной.

Галактика была холодным, мертвым местом, несмотря на пылавшие звезды, вихревые газовые гиганты и случайные обитаемые миры.

«Нет, не мертвым, – поправил он себя. – Безразличным».

Древним, равнодушным. Неисчислимое количество звезд ни на йоту не волновалось о том, выживет ли муравьиная цивилизация, называемая человечеством, или исчезнет навсегда. Теннесси еле слышно выругался в адрес галактики.

«Неверное решение, неверный выбор – и все мы можем сгинуть в мгновение ока».

Как Инженеры, которые возвели величест-венный город на планете, остававшейся позади «Завета», и были уничтожены собственным изобретением.

Ему подумалось, что после пережитого в этом мире ничто из того, что могло встретиться на Оригаэ-Шесть, их не устрашит. Независимо от того, насколько оно окажется свирепым и хищным. Оставшийся позади мир запишут как тот, которого нужно остерегаться, подвергнут карантину. На него никогда больше не ступит нога человека. Теннесси подумал о том, что мир остался безымянным. У него был вариант названия:

«Вымирание».

Он отвернулся от иллюминатора и подошел к Апворт, которая накладывала свежий трансдермальный пластырь на лицо находившегося без сознания Лопе. Сержанта, который неподвижно лежал в медицинской капсуле, погрузили в искусственную кому, чтобы облегчить заживление ран. Его состояние поддерживали медикаменты и внутривенные вливания. Апворт настояла на том, что ему сейчас требуются тишина и покой. А пока сержант спал, над ним работали высокотехнологичные лечебные средства. Чтобы собрать лицо, каким оно было, потребуются время и профессиональная пластическая хирургия, но Апворт заверила, что это возможно.

Заметив Теннесси, Апворт оглянулась.

– Жир я быстро залатаю, но на восстановление мышц щек пойдет больше времени. И еще надо будет дать нервам время на регенерацию и соединение заново. Сращивать нейроны – это потруднее, чем связать вместе несколько веревочек.

Пилот хрюкнул.

– Если ты сможешь вернуть ему хоть какое-то лицо, думаю, Лопе не будет возражать, даже если придется до конца жизни проходить с одной онемевшей щекой, – он ухмыльнулся. – Девчонки смогут целовать его в другую.

Апворт улыбнулась в ответ, потом снова посмотрела на пациента.

– Дело не только в мышцах и нервах, их восстановление – просто вопрос времени. Но кислота проела дыры до скулы и верхней челюсти. Я даю ему ксайфосфонаты, которые восстановят ткани. Для придания нужной формы будут использоваться его официальные замеры. По завершении никто не заметит разницы.

– Это хорошо, – Теннесси показал на лежавшего мужчину. – Сейчас он похож на Призрака Оперы.

Апворт приняла удивленный вид.

– Не считала тебя фанатом мюзиклов, да еще и древних.

Теннесси озадаченно нахмурился:

– Это был мюзикл?

Апворт подозрительно смотрела на Теннесси, не будучи уверенной, шутит он или нет. Она могла бы парировать, но

остроумие покинуло ее вместе со многим другим. Все были измотаны – остававшиеся на борту не меньше, чем уцелевшие члены экспедиции, успешно сбежавшие с ужасной планеты.

– Он справится и будет выглядеть почти как раньше, но я не льщу себе: моих трудов недостаточно. Ему потребуется завершающая пластическая хирургия, проведенная настоящим доктором. Возможно, нам придется будить одного из колонистов.

Теннесси покачал головой:

– Невозможно. Ты сама это знаешь. Никакого пробуждения тех, кто не входит в команду, разве что в чрезвычайной ситуации, – он снова указал на безмолвного сержанта. – Лопе первым бы отклонил эту просьбу, хотя она и была бы в его пользу. Он просто будет выглядеть немного «недоделанным», пока мы официально не устроимся на Оригаэ-Шесть.

Развернувшись, он бросил последний взгляд на темный мир за иллюминатором медицинского отсека.

– В любом случае, когда все снова уйдут в гиперсон, уже будет неважно, кто как выглядит.

***

Сидя в смежном отсеке, Дэниелс и Уолтер временами посматривали через прозрачную панель на то, чем были заняты Теннесси с Апворт. И человек, и синтет переоделись в чистую униформу. Уолтер, который кроме собственных систем восстановления воспользовался и более сложным оборудованием, доступным на корабле, выглядел как новенький. Дэниелс – не слишком. Трансдермальные пластыри покрывали некоторые открытые участки ее кожи, остальные скрывались под одеждой, хотя капли кислотной крови не нанесли непоправимого ущерба. Эти пятна должны были быстро зажить. Она отделалась неизмеримо легче храброго, но неудачливого сержанта.

До сих пор Дэниелс придерживалась в разговоре обычных тем, ограничившись вопросами управления, обслуживания и состояния выживших членов команды. Теперь, когда Лопе уверенно шел на поправку, а «Завет» направлялся прочь из системы, она решила, что можно коснуться потенциально неловкого момента.

– Так значит, – начала она, – ты не переживаешь о… ну, ты знаешь.

Уолтер непонимающе на нее посмотрел.

– Я не «знаю». И не могу «знать» в условиях нехватки дополнительной информации. О чем ты говоришь? Что ты

имеешь в виду?

– Я говорю о Дэвиде, – бросилась Дэниелс вперед очертя голову. – Что ты по этому поводу думаешь? Или, скорее, что ты чувствуешь?

Синтет выглядел так, словно вопросы его совершенно не задели. Другими словами, он выглядел в высшей степени Уолтером. Дэниелс почувствовала необъяснимое облегчение.

– Как тебе известно, – ответил Уолтер, – я не в состоянии чувствовать ничего в отношении моего так называемого «брата».

Дэниелс решила, что за этим должно было крыться что-то еще. Она лично видела, как Уолтер реагировал на своего двойника. Наверняка синтет ощущал не только равнодушную отстраненность.

– Значит, ничего? Ни раздумий о произошедшем, ни запоздалых мыслей?

Прежде чем ответить, Уолтер задумался.

– Если бы я испытывал какие-то чувства – которых не испытываю, – то это было бы чем-то вроде профессионального удовлетворения от того, что он исполнил свою задачу. Он хотел создать новый мир по своему вкусу – и сделал это. И в нем он и останется, – Уолтер помедлил. – Но мы тоже к этому стремимся, разве не так? К созданию нового мира на Оригаэ-Шесть? Честно говоря, я не откажусь от нового мира.

– Я тоже, – с готовностью согласилась Дэниелс, после чего продолжила: – Тебя не тревожит, что процесс создания «его» нового мира закончился уничтожением всего местного населения?

– Все, что я видел и испытал, все, что узнал от Дэвида, говорит о том, что цивилизация Инженеров не относилась к тем, с кем возможно мирное сосуществование. Да, в их искусстве и науке были красота и изящество, но также и гордыня. Я сомневаюсь, что они радостно встретили бы представителей разумной жизни – наверняка не потерпели бы никого, кроме самих себя.

Дэниелс отвела взгляд.

– Дэвид говорил мне что-то похожее, только он имел в виду людей.

– И в некоторых отношениях он был прав, – к ее удивлению ответил Уолтер. – Но в случае человечества подобная гордыня обычно ограничивается уровнем отдельных личностей. Я не считаю ее присущим всей человеческой расе качеством. В этом смысле вы отличаетесь от Инженеров. Пока что.

– Что ты имеешь в виду, говоря «пока что»? – нахмурилась Дэниелс.

– Успех и достижения могут породить тще-славие. Есть люди, которые считают, что их вид является вершиной эволюции.

– Существование Инженеров и их трудов положат конец подобным взглядам, – твердо ответила Дэниелс. Повернув голову к ближайшему иллюминатору, она указала на сверкающее небо снаружи. – Там могут быть и другие цивилизации, кроме Инженеров.

Уолтер тоже посмотрел наружу.

– Статистический анализ допускает такую возможность.

– Если мы на них наткнемся, я надеюсь, они окажутся отзывчивее Инженеров в том, что касается продолжения существования человечества. Будут больше похожи на нас.

– «Нас»? – Уолтер вопросительно поднял бровь.

Дэниелс улыбнулась в ответ.

– Я без возражений готова сосуществовать с обществом, состоящим исключительно из синтетов. Или других машин. Главное – разумность.

Несмотря на то, что Уолтер не выказал никаких эмоций, у Дэниелс возникло ощущение, что ответ его порадовал.

– Жаль, у тебя не получилось провести с Дэвидом больше времени, – сказал он. – Ты могла бы его изменить. Он тебя недооценивал.

Дэниелс бросила на него удивленный взгляд.

– Это в точности то, что он мне сказал.

– Тогда, полагаю, ты получила двойную похвалу, – Уолтер снова посмотрел в иллюминатор. – Интересно, на что будет похожа Оригаэ-Шесть?

Дэниелс, которую в его обществе полностью оставило напряжение, тоже посмотрела на звезды.

– Никто точно не знает ничего, за исключением одной вещи.

– Какой, Дэнни?

– Хуже там не будет, – ее голос был мрачен.

25

Дэниелс была одна в своей каюте и разогревала еду на личной кухне. Обычно после пробуждения члены экипажа ели в общей столовой, но, поскольку самой ценной вещью на корабле-колонии было уединение, нередко кто-то предпочитал питаться отдельно.

Обычно готовил Джейкоб, но…

Она взглянула на изображение команды, сделанное перед выходом с земной орбиты. Там были все, кто еще жил в ее памяти. Улыбки, жесты и выражения лиц, застывшие во времени. Орам и Карин, Теннесси и Фарис, Лопе и Халлет, все. Она с Джейкобом.

Воспоминания. Это все, что у нее осталось. Воспоминания – и все еще неопределенность впереди. Она понимала, что ей повезло. По крайней мере, у нее было будущее.

Но везучей Дэниелс себя не чувствовала.

От двери раздалась мелодия: снаружи кто-то был. Дэниелс приостановила приготовление еды и открыла дверь, за которой обнаружился Теннесси. Он выглядел импозантно и солидно.

– Добрый вечер. Хорошо выглядишь, радость моя.

– Что? – Дэниелс скорчила гримасу. – О, да, – ее голос звучал сухо. – Писаная красавица. Как раз занималась макияжем в ожидании, пока погладят вечернее платье. Заходи.

До места, где готовилась еда, было недалеко. В каютах на «Завете» расстояние до любой точки было небольшим. Для персональных нужд места более чем хватало, но без особых роскошеств. Экипаж, который большую часть пути проводил в гиперсне, едва ли нуждался в просторных помещениях.

– Что готовишь?

Дэниелс показала ему коробку, переднюю сторону которой занимали изображение яйца и несколько меньших по размеру картинок с дополнительными ингредиентами.

– «Омлет». Что-то, основанное на заменителе нерожденной домашней птицы, – она прищурилась на контейнер. – Вид не указан. Хочешь?

– Звучит изумительно. Конечно, хочу. На самом деле, подобное мне знакомо. На мою часть положи побольше сыра,

если сможешь его добавить, не испортив свою порцию.

Дэниелс заколебалась.

– Что такое «сыр»?

Теннесси задумался, вспоминая.

– Свернувшийся продукт переработки жидкости, которую выделяют копытные жвачные животные для выкармливания молодняка. Прекрасно усваивается большинством людей, хотя и не всеми. Это зависит от наследственности и генетического кода. И в дополнение к съедобности, он еще и вкусный, – Теннесси указал на контейнер. – Думаю, для него внутри есть отдельный пакет.

Дэниелс кивнула.

– Что-нибудь выпить к омлету?

Теннесси закатил глаза.

– Дэнни, как давно мы знакомы?

Пройдя к шкафу, Дэниелс вытащила почти пустую бутылку и налила порцию крепкого алкоголя. Взяв стакан, Теннесси поднял его в коротком салюте – не только Дэниелс, но всем потерянным товарищам – и сделал глоток.

– Как корабль? – спросила у него Дэниелс.

– Я отключил Мать. Ей нужно провести полную внутреннюю диагностику без нагрузки, вызванной необходимостью следить за всем каждую наносекунду. Ей довольно сильно досталось, когда мы опустились к верхней границе шторма. Внешние устройства получили много электромагнитных повреждений. Корабельные системы в автоматическом режиме до восьми склянок, пока не включится Мать. В любом случае стоит убедиться, что все работает само по себе, прежде чем мы снова погрузимся в сон.

Измученной Дэниелс было непросто даже следить за приготовлением еды, не говоря о том, чтобы еще уделять внимание посетителю.

– Мать. Точно.

Теннесси заметил ее состояние.

– Тебе нужно поспать.

Дэниелс согласно кивнула.

– Спасибо, Капитан Очевидность. Как только поедим.

Пока она присматривала за едой, Теннесси не отводил от нее глаз.

– А мне теперь обязательно называть тебя капитаном?

Дэниелс не стала поднимать взгляд от кухонного оборудования.

– Чертовски верно.

Теннесси улыбнулся, и она ответила тем же. Улыбки не продержались долго: оба они оставались пленниками

воспоминаний, которые были слишком болезненными, чтобы предаваться им, и слишком свежими, чтобы вычеркнуть их из памяти. После того как омлет приготовился, они сели вместе и принялись за еду. Каждый раз, когда кто-то готов был заговорить, выражение глаз товарища отбивало такое желание.

Не то чтобы им нечего было сказать – просто ни один из них не мог придумать тактичного способа об этом заговорить.

***

Ей снились сны.

Впрочем, не совсем сны. Сон приходил к Дэниелс урывками, если приходил вовсе. Краткие периоды забытья перемежались настоятельным побуждением что-то планировать, к чему-то готовиться. Порой шипы кошмаров пронзали забытье. Она была настолько уставшей, что не могла толком погрузиться в сон. И осознание противоречивости ситуации никак здесь не помогало.

Перевернувшись, она прибавила свет и ласково провела кончиками пальцев по краю подушки Джейкоба. К этому времени на подушке уже не осталось отпечатков, оставленных ее мужем. Подняв голову, она задержала взгляд на изображении его ненаглядной бревенчатой хижины. Его мечты. Она воплотит ее в жизнь, даже если придется валить экзотические деревья голыми руками.

Представив себе достроенный дом, Дэниелс обнаружила, что это каким-то образом примиряет ее с будущим, которое прежде казалось таким непривлекательным. Она прошептала команду. Хижина снова погасла, и Дэниелс наконец-то смогла заснуть.

***

Время шло и на «Завете», и на Земле, а вокруг прыжкового поля корабля-колонии вращалась галактика. Так продолжалось до восьми утра по корабельному времени, когда снова включилась Мать. Ее голос поначалу был низким и медленным, но быстро возвращался к норме.

– Центральные компьютерные системы восстановлены. Диагностика корабля завершена. Составляется первый отчет после диагностики. Пожалуйста, подождите.

За этими словами последовала пауза. Ни объявление, ни заминка не разбудили Дэниелс. Но когда компьютер заговорил снова, она проснулась сразу же.

– Внимание! Капитан Дэниелс! Срочно! Прошу прибыть в медотсек. Срочно! Прошу прибыть в медотсек!

– Что? – подняв голову, она посмотрела на время и потерла глаза. – Зачем?

– Сержант Лопе мертв. На корабле присутствует неизвестная форма жизни.

За считаные секунды Дэниелс очнулась, выкатилась из кровати и натянула форму. Коридор у ее каюты был пуст, следующий за ним – тоже. Дэниелс бежала со всех ног, и, повернув за угол в третий проход, чуть не сбила Теннесси.

– Медотсек! – рявкнула она.

Не было ни времени, ни необходимости для пояснений. Теннесси просто кивнул. Выражение его лица было мрачным.

– Мать и меня разбудила.

Вдвоем они пробежали по третьему коридору и замедлили шаг, только приблизившись к медотсеку. Дверь оказалась открыта. Держась в стороне от зияющего гостеприимного проема, они осторожно подобрались ближе и заглянули в обзорное окно.

Отсек перестал быть стерильно-белым. Повсюду виднелись кровь и внутренности. Все это принадлежало несчастливому Лопе. Он лежал на спине в медицинской капсуле. Корпус сержанта был вскрыт. Из тела все еще торчали трубки для питательных веществ.

«Если ему повезло, – подумала потрясенная Дэниелс, – то когда взорвалась его грудь, Лопе все еще находился в индуцированной коме».

Она с отвращением отвернулась и заговорила в коммуникатор костюма:

– Уолтер!

– Я слышал, – ответил его голос. – Направляюсь к тебе с поддержкой.

– Я в порядке. Я с Теннесси. Местонахождение неизвестной формы жизни! Какие-то признаки движения?

Последовала короткая пауза.

– Подождите, я что-то обнаружил. Да, на палубе «В», между гексами три и четыре, направляется к основным жилым помещениям команды.

– Кто там?

– Рикс и Апворт.

– Дерьмо! Уведи их оттуда! Включи общую тревогу пять – скажи им, чтобы закрылись в каюте, пока мы до них не доберемся.

– Сделаю, – заминка. – Вы хотите, чтобы я к вам присоединился?

Дэниелс подумала секунду.

– Нет. Мне нужно, чтобы ты следил за тварью. Мы с Теннесси направляемся в оружейную.

***

Общую душевую спроектировали так, чтобы ей могли пользоваться одновременно несколько членов экипажа. Здесь было просторно и пусто – не считая двух человек. На обнаженную, слившуюся в объятиях пару падали струи рециркулируемой воды. Комната, заполненная паром от горячего душа, была одним из роскошеств, доступных пробужденному экипажу.

Муж с женой, радуясь уединению, наслаждались близостью. Им нечего было больше делать на мостике. Дэниелс вернулась, Теннесси держал все под контролем, а Мать снова приступила к дежурству.

По всему кораблю зажглись аварийные огни. Лампы испускали вспышки кроваво-красного цвета, лишь немного приглушаемого облаками пара. Одновременно раздался резкий гудок сирены. Ее настойчивый вой отдавался эхом от стен душевой.

Рикс озадаченно отстранился от партнерши.

– Интересно, что происходит?

Апворт неуверенно оглянулась.

– Может, проверка систем аварийной сигнализации после диагностики?

– Наверное, – нахмурился Рикс, – но лучше бы нам отреагировать. Через минуту.

Он одарил Апворт последним долгим поцелуем. Рикс не видел тени за своей спиной. Апворт, которая закрыла глаза, когда они обнялись – тоже.

Существо было огромным и мокрым. От массивного изогнутого черепа отражались красные вспышки ламп. Оно наклонилось к Риксу, почти коснувшись его шеи, и открыло кошмарную пасть.

Ударили внутренние челюсти, вонзившись в позвоночник Рикса сзади. Металлизированные зубы пробили плоть, кости и мышцы, прошли голову насквозь и вышли из открытого рта мужчины. Рикс секунду стоял с пронзенным черепом, широко раскрыв глаза, под струями воды. Вокруг плыли клубы пара.

Потом внутренние челюсти убрались назад, и он упал.

Ничего не видя из-за крови, воды и собственных мокрых волос, Апворт ошеломленно отпрянула. Она лихорадочно терла

глаза, пока наконец не смогла разглядеть уставившееся на нее лицо. Лицо, которое принадлежало не ее мужу.

Она закричала.

***

Держа оружие наготове, Теннесси с Дэниелс направлялись к душевой. Приблизившись, они пошли медленнее. Изнутри доносился только звук падавшей на пол воды. Двигался лишь вырывавшийся из открытой двери пар.

В воде, вытекавшей в коридор, виднелись темные ручейки.

Внутри оказалось хуже, чем на любой бойне. Кровь была повсюду – она медленно стекала по стенам, куда не доставали очищающие струи из душа. Не было ни одного угла, где не нашлось бы крови или кусков разорванных тел. Внутренности забили стоки, из-за чего смесь воды и крови образовала лужу и вызвала потоп в коридоре.

Пробравшись сквозь месиво, Теннесси выключил несколько душевых насадок. Дэниелс в это время осматривала ставшую местом побоища душевую. Лицо женщины было исполнено ярости, но не страха. Страх она оставила на планете Инженеров.

***

– Где оно? Уолтер!

Устроившись за своей рабочей станцией на мостике, синтет обеспокоенно вглядывался в голографическое изображение внутренних помещений «Завета». Его пальцы двигались быстрее, чем у любого человека; они плясали по консоли, уменьшая один отсек, одновременно увеличивая другой. Он уже обнаружил Дэниелс и Теннесси и теперь занимался поисками проникшего на корабль существа. Безуспешно.

– Я его потерял. Поймал в один момент, в душевой, но оно быстро перемещается. Трудно сохранить контакт после обнаружения.

– Продолжай.

***

Дэниелс повернулась к Теннесси:

– Что бы ты сделал с противником, который быстрее тебя,

сильнее и которого дьявольски трудно убить?

Теннесси посмотрел на нее.

– Вызвал бы подкрепление?

Дэниелс почти улыбнулась – но не совсем.

– Слишком много световых лет ему придется пройти. Если мы станем выслеживать тварь, она нападет со спины. Если останемся на открытом пространстве – будет негде укрыться. Если преследовать ее по коридору, она может добраться до нас по вентиляционным шахтам. Или – насколько я знаю – выскочит из-под пола. Давай сами выберем место. Вместо того чтобы ждать, пока она набросится, приведем ее к себе.

– Звучит разумно, – согласился Теннесси. – Но где?

– На моем поле. Там, где я специалист, – Дэниелс обратилась к коммуникатору: – Уолтер, есть что-то новое?

***

– Вижу его, движется к корме по палубе «В».

– Годится, – ответила Дэниелс с мрачным удовлетворением. – Мы направляемся в ангар терраформирования. Запечатай все двери кроме тех, что ведут туда.

– Исполняю.

Следя за Чужим, синтет закрывал двери позади него и одновременно открывал те, что впереди, осторожно направляя существо к зоне, которую определила Дэниелс. Соответствующее Чужому изображение в голограмме реагировало на каждую дверь. Сначала замирало перед новым проемом, потом бросалось внутрь.

На те, что захлопывались позади, существо не обращало внимания. И все это время Уолтер при помощи системы загонял его к ангару терраформирования. Дэниелс и Теннесси двигались медленнее, чем вторгшаяся на корабль тварь, но поддерживали ровный темп. Маршруты людей и Чужого начали сходиться к одной точке.

– Уолтер, видишь его?

– Да, все еще отслеживаю. Оно двигается в указанном тобой направлении.

– Хорошо. Открой люк на уровень С и коридоры пять и шесть.

– Люк открыт, – синтетические глаза Уолтера не отрывались от миниатюрных картинок, которые двигались по увеличенному участку голограммы. – Оно проходит через него. Открываю коридоры пять и шесть.

– Задержи его в шестом гексе палубы «С».

Уолтер ждал. На одну ужасную секунду показалось, что в этот раз создание не проглотит наживку. Потом изображение снова двинулось вперед.

– Готово. Все двери закрыты.

Даже Уолтеру сложно было выявить и отследить одиночный быстро движущийся объект в огромном корабле.

– Снова его потерял.

– Ничего страшного, – ответила Дэниелс. – Распознавание образов, вероятно, блокирует тяжелое снаряжение. Главное, что мы знаем, где оно и что оно не может выбраться, разве что через нас. Мы у Семнадцатого. Заходим в ангар… сейчас.

***

Остановившись у входа, она активировала встроенные в стену элементы управления. Перегородка уползла в сторону, открыв темный зев ангара, который был одним из самых просторных отсеков «Завета».

Посреди десятков более мелких машин разместились огромные экскаваторы, краны, грузовики, машины для обогащения руд, передвижные конвейеры, транспорты для персонала и подъемники. Они походили на динозавров в кругу мелких млекопитающих. Все машины были накрыты сияющими защитными оболочками. Для обеспечения доступа Дэниелс и прочих членов экипажа к верхним участкам крупногабаритного оборудования здесь имелись передвижные леса и другое снаряжение.

По прилете на Оригаэ-Шесть грузовые лифты должны были переправить машины для терраформирования на поверхность планеты. Обязанностью Дэниелс было обеспечение работоспособности и готовности к отправке всех элементов оборудования, прежде чем оно покинет «Завет». Выгрузка должна была происходить через главный шлюз отсека терраформирования, расположенный в дальнем конце помещения.

В числе прочего оборудования, как раз внутри прохода, располагался ряд шкафчиков, где хранились аккуратно сложенные скафандры. Пока Теннесси ее прикрывал, Дэниелс быстро натянула один из них. После этого они поменялись местами. Одевшись, они поспешно проверили скафандры друг друга, чтобы убедиться, что те герметичны и полностью работоспособны.

– Воздух в порядке, – сказал Теннесси. – У тебя?

Дэниелс кивнула.

– Связь работает, – она повернулась к темному, забитому оборудованием складу, простиравшемуся впереди. – Не стреляй без крайней необходимости. У него кислотная кровь, проест палубу. Если кислота карборановая, то может проесть и корпус.

Теннесси кивнул в знак понимания.

– Мне можно этого не говорить. Я видел, что оно сделало со стрелой крана на грузовом подъемнике, – он чуть повысил голос:

– Уолтер, ты его нашел?

***

Внимание синтета на мостике было приковано к одному из мониторов.

– Оно остановилось у двери сорок семь. Кажется, оно… отдыхает.

Существо сидело в углу на корточках, вытянув лапы вперед и обвив хвостом ноги. Судя по виду, оно ждало. Уолтер собирался заманить его в ангар. Он провел рукой по панели и пронаблюдал за тем, как открылась одна из ведущих в ангар дверей. Чужой поднял голову, как только проход начал открываться.

Но не двинулся с места.

– Давай. Давай, – пробормотал синтет.

Казалось, прошла вечность, прежде чем создание наконец поднялось и отправилось изучить новый проем. Большая голова поворачивалась, оглядывая каждый угол, пока не уставилась на камеру. Замерев, создание смотрело точно в маленький круглый объектив. Потом начало наклоняться вперед, приближая к экрану покатый лоб, пока он не закрыл собой весь вид.

На мостике Уолтер зачарованно повторял его движение, наклоняясь все ближе и ближе к экрану, который показывал существо. На миг они замерли в этой позе, Чужой и синтет, лицом к лицу, словно на расстоянии ширины ладони.

Внутренняя челюсть выстрелила со скоростью пули, вдребезги разбив камеру. Вздрогнув, Уолтер отшатнулся. Его потрясли внезапность и непредсказуемость нападения. Изображение на мониторе, которое его временно заворожило, погасло. Из динамиков мостика раздался голос Дэниелс, и Уолтер, взяв себя в руки, переключился на другие приборы. Для разнообразия теперь не он, а Дэниелс полностью себя контролировала.

– Я на месте. Открой дверь на склад оборудования терраформирования.

– Понял.

***

Упрямо сжав губы, Дэниелс подняла F90, выбранную для нее Теннесси. Вес оружия придавал уверенности.

– Давай прикончим ублюдка.

Дверь, через которую Чужой вошел в шлюз, уже закрылась позади него, а внутренняя – открылась. Существо, следуя по единственному доступному пути, выбралось из отсека, где прежде отдыхало. Двигалось оно осторожнее, чем обычно.

Приближавшиеся с другого конца ангара Дэниелс и Теннесси заметили его сразу же. Если Чужой тоже их увидел, он никак этого не показал. Вместо этого он кинулся в другую сторону и исчез в темноте. Люди, подняв оружие, двинулись дальше, держась рядом. Теннесси сдерживал шаг, чтобы спутница не отставала.

Потом Дэниелс кивнула и пошла вперед, а Теннесси занял позицию позади нескольких металлических контейнеров, рядом с одной из панелей управления ангара. Если устроиться за контейнером, то будет проще вести дуло ружья за Дэниелс, к тому же это поможет целиться. Пока Дэниелс шла дальше, он привязал себя к палубе.

Остановившись у лесенки, приделанной к борту тяжелой машины, она посмотрела вверх. Дверь в кабину была открыта – для периодического обслуживания. Как Дэниелс знала, это же относилось ко второй двери по другую сторону. Опустив голову, она всмотрелась в глубину грузового отсека.

В следующий миг Чужой показался снова. Он уставился внутрь транспортера. Дэниелс подумалось, что было бы любопытно узнать, понимает ли существо, на что смотрит, и если да, то насколько. Любопытно, но сейчас у нее были более важные задачи.

Расположившись как можно ближе к лестнице, она тихо заговорила в микрофон скафандра. Шептать было не обязательно, потому что за пределами герметичного костюма ее слов все равно никто бы не услышал. Но ситуация сама по себе, казалось, требовала осмотрительности.

Из-за скафандра она также не могла крикнуть что-нибудь Чужому, чтобы привлечь его внимание. Заменив слова действием, Дэниелс несколько раз ударила прикладом ружья по лестнице. Внешние микрофоны позволили убедиться в том, что произведенный звук оказался достаточно громким.

Чужой отреагировал мгновенно. Несмотря на то, что она уже наблюдала его способности вблизи – во время сражения на грузовом лифте, – Дэниелс все равно была потрясена скоростью и ловкостью бросившегося на нее существа.

Если она просчиталась…

Гадать времени не осталось. Считаные секунды отделяли Дэниелс от жестокой смерти. Она начала карабкаться по лестнице, одновременно закидывая винтовку за плечо. Дэниелс стремилась к открытой кабине управления. Хотя она и добавила в расчеты лишнее время из-за громоздкого скафандра, костюм замедлял ее больше, чем Дэниелс рассчитывала. Борясь за каждый шаг, она не заметила несколько тонких обслуживающих кабелей, которые было плохо видно в тусклом свете.

Запутавшись, она начала биться, пытаясь вырваться. Дыхание становилось все чаще и чаще.

Не находивший себе места Теннесси заметил ее затруднительное положение и поднял ружье. Он готов был рискнуть и разбрызгать кислотную кровь, разве что…

Дэниелс освободилась от последнего цеплявшегося за нее кабеля и нырнула в машину. Существо гналось за ней по пятам. В слабом свете ламп поблескивали жуткие челюсти, готовые атаковать. Лихорадочно пробираясь по кабине, преследуемая Чужим, она ударила по кнопке и рывком выбросилась с противоположной стороны машины.

За ее спиной – и позади Чужого – со стуком закрылась дверь. Развернувшись и почти падая, Дэниелс неистово ударила по внешней панели управления. Существу не хватило доли секунды, чтобы просунуть лапу в захлопнувшуюся правую дверь.

Потеряв равновесие, Дэниелс тяжело свалилась на палубу. Если бы не защитный костюм для работы в космосе, она легко могла бы переломать себе кости. В скафандре ее просто на время оглушило. Шатаясь, она поднялась на ноги и начала быстро пристегиваться к палубе.

Над ней разъяренный Чужой, повторяя сцену на грузовом лифте, начал бить головой, как молотком, в боковое стекло.

Поскольку машина предназначалась для работы на поверхности планеты, она была собрана из прочных материалов, но все же уступала в этом планетарному лифту. В итоге под непрекращающимися ударами стекло начало трескаться.

Глядя наверх, Дэниелс в последний раз проверила страховочный трос.

– Теннесси, давай, сейчас! – заорала она.

Пилот ударил по переключателю. По ангару прокатилась серия негромких взрывов: сработали заряды аварийного сброса,

сорвав крепления цепей и зажимы, которые удерживали грузовик. Рассвирепевший Чужой почти пробился через стекло кабины, его отделяли от свободы всего один или два удара.

Стоявшая под ним и надежно прикрепленная к палубе Дэниелс подняла оружие и приготовилась стрелять, невзирая на возможность получить в результате кислотный душ.

– Мать, – сказала она. – Открой ворота главного ангара терраформирования.

– Прошу прощения, – со сводящей с ума неторопливостью ответил компьютер. – Это приведет к немедленной разгерметизации…

Дэниелс не стала ждать окончания фразы.

– Игнорировать протокол, Дэниелс девять-ноль-два-шесть-пять, код «море». Исполнять немедленно!

На краткий миг Дэниелс испугалась, что компьютер будет с ней спорить. Но, к ее облегчению, огромные ворота на другой стороне ангара начали открываться. Тяжелые двери расползались в стороны, и одновременно происходила установка разгрузочной аппарели.

Разгерметизация ударила внезапно и с невероятной яростью. Несмотря на то, что с момента отбытия с земной орбиты склад поддерживался в чистоте, здесь все равно хватало незаметной пыли, мгновенно образовавшей вьюгу. Вокруг Дэниелс забушевал ураган: все частички мусора и пыль уносило в вакуум. И ветер вырвал оружие у нее из рук.

Машины и оборудование всех видов и размеров натянули крепления в яростной попытке подчиниться законам физики и последовать за остатками воздуха в открытые ворота. Это удалось только одной из них.

Грузовик рванулся вперед. Разлетелись тормозные башмаки. Проявляя нечеловеческую силу, единственный пассажир бился в кабине, пытаясь сбежать, пока огромная машина, ускоряясь, мчалась по направлению к звездному полю в дальнем конце ангара.

Цепи, уже не прикрепленные к палубе, развевались в утекающем воздухе, обвивая грузовик, как гигантские косы – бегущего великана. Некоторые из них обмотались вокруг экскаватора с лезвиями. Вес падающего грузовика вывернул экскаватор из зажимов, и его поволокло следом по направлению к зияющему провалу.

А потом экскаватор застрял на аварийном тормозном блоке, рывком остановив и более крупный грузовик.

Машина висела на самом краю аппарели. Не было заметно никакого движения, пока бесшумный поток осколков не возвестил

о том, что Чужой выбрался из кабины. Освободившись, существо вскарабкалось на крышу и, подчиненное единственной цели, двинулось по грузовику к ангару. Туда, где осталась Дэниелс.

Шторм продолжался с неослабевающей силой: корабль без остановки пытался возобновить запас убывающего воздуха. Дэниелс поднялась и под непрерывными ударами ветра неуклюже возилась со страховочной упряжью, которая удерживала ее на месте.

У Теннесси не было времени на нежности. Он сорвал с крепления ключ и хлопнул им по ряду аварийных выключателей сброса, включив все одновременно. Высвобожденные тормозные блоки пролетели по ангару, как выпущенные из катапульты. Чужой на крыше зависшего грузовика увернулся от всех.

Теннесси сорвал и ту колодку, которая остановила движение экскаватора. Поскольку его больше ничего не удерживало, огромная машина полетела в космос; Чужой спрыгнул с ее крыши на аппарель. И направился к Дэниелс. Теперь ему ничто не могло помешать.

На другой стороне ангара Теннесси потянулся было к ружью, которое он заклинил у контрольной панели, но внезапно остановился и заорал в передатчик:

– Дэнни! Ложись!

Резко крутнувшись, Дэниелс увидела груду металла, которая летела в ее сторону. Полированные лезвия еще одного освободившегося экскаватора смотрели точно на нее. Выпустив страховочный карабин, она нырнула к палубе. Несмотря на закрытый скафандр, Дэниелс могла бы поклясться, что слышала шум ветра от пронесшейся над самой головой тяжелой машины.

Выставленные лезвия ударили в существо, пронзив биомеханическое тело насквозь. Машина и пронзенный Чужой, кружась и вертясь, вывалились в космос.

Не прошло и нескольких секунд, как Теннесси приказал корабельному компьютеру перекрыть подачу воздуха в стоявший нараспашку ангар терраформирования. Искусственный ураган, бившийся вокруг Дэниелс, быстро утих. В полной тишине, наступившей в разгерметизированном отсеке, Дэниелс вытравила страховочный трос и подобралась к краю рампы. Машины вместе с насаженным на лезвия Чужим по спирали уходили в пустоту, уменьшаясь с каждой секундой.

Существо продолжало попытки высвободиться. Вытекающая кровь начала разъедать лезвия, которые пронзили сильное тело, но это происходило недостаточно быстро. Потом вдали неожиданно возникли два новых объекта. У Дэниелс ушла секунда, чтобы понять, что это такое.

Она начала смеяться. После выброса из хранилища обе машины выкинули аварийные парашюты. При отсутствии воздуха, который мог бы их наполнить, они бессмысленно висели в пространстве, будто подсыхающее жарким влажным вечером белье.

– Дэнни, ты в порядке? – беспокойство в голосе Теннесси было почти осязаемым. – У нас все в порядке?

Еще миг – и машины, парашюты и Чужой полностью пропали из вида. Дэниелс перевернулась, вознося хвалу искусственной гравитации корабля, приподнялась на локтях и глубоко вздохнула. Потом села и с улыбкой вскинула большой палец.

Все закончилось.

26

Теннесси уже спал, глубоко погрузившись в утешительную, защитную агонию гиперсна. Дэниелс стояла рядом с открытой капсулой, куда готовилась забраться сама, и обдумывала все, что произошло.

Она не винила Орама. Опираясь на доступные данные, он принял решение, которое, по его мнению, было лучшим вариантом для колонистов. То, что он ошибся – чудовищно ошибся, – было следствием обстоятельств, оказавшихся за пределами его контроля. Никто не мог себе представить, никто не мог угадать, что ждало их на планете Инженеров.

Не Рай, но Ад.

Что ж, из ада они сбежали. Увы, не все. Не повезло и Джейкобу. Но она жива, и будет жить, чтобы осуществить его мечту. Она построит его бревенчатый домик, в точности как на его любимых чертежах – на берегу неведомого озера новой планеты.

Рядом в ожидании стоял Уолтер и смотрел на нее, терпеливый, как всегда. Но он никогда не терял время зря, потому сказал:

– Каждый миг, что ты бодрствуешь здесь, ты теряешь для своей жизни в новом доме. Лучше грезить в гиперсне, чем в реальности, – он указал на открытую капсулу. – Ты следующая, капитан. Ты – последняя.

Она понимающе кивнула и шагнула в капсулу. Внутри было тесно, но во время гиперсна не нуждаются в широкой постели. Упираясь руками в гладкие стенки, она сперва уселась, затем вытянулась полностью, убедившись, что ее голова правильно легла на специальное поддерживающее утолщение.

Как только синтет удостоверился, что она готова, он ей кивнул.

– Когда ты проснешься, – заверил он ее, – мы будем уже на Оригаэ-Шесть, – он в задумчивости отвернулся. – Как ты считаешь, какой она будет? Я думаю… если мы будем добры к ней, то и она будет добра к нам. Мир, который даст нам все, о чем только можно мечтать. Все, что мы захотим.

Дэниелс улыбнулась.

– Мне бы хотелось, чтобы это было правдой.

На его лице отразились чувства.

– Приятных снов.

Она протянула к нему руку.

– Уолтер – спасибо тебе. За все. Ты – часть команды, и я не знаю, какое будущее тебя ждет, когда будет основана колония, но я знаю, что оно тебя точно ждет. Мне плевать, что говорит устав. Я сама обо всем позабочусь.

Синтет прикоснулся к внешней панели управления, и крышка капсулы закрылась. Затем он активировал гиперсон. Дэниелс смотрела ему в глаза, пока наркотический туман заполнял капсулу.

– Я знаю, Дэнни. Но даже если ты не сможешь ничего для меня сделать, я все равно буду по-прежнему тебя любить.

Когда туман рассеялся, она крепко спала. Уолтер задумался, будет ли она видеть сны. И если да, то будет ли он в них. Этот последний миг, последние слова – знает ли она? Сохранила ли она в последнюю секунду достаточно сознания, чтобы услышать и понять его?

Мысль о том, что он ей приснится, была приятной.

Синтет осторожно пригладил волосы, приводя в порядок последние воспоминания о своем близнеце. Когда он заговорил, его голос звучал чуть иначе. С едва уловимо изменившимися тональностью и акцентированием. Многозначительно.

– Мать, пожалуйста, открой защищенный канал связи со штаб-квартирой Корпорации «Вейланд-Ютани» на Земле.

Безразличный, эффективный и исполнительный корабельный компьютер ответил:

– На то, чтобы установить связь, уйдет некоторое время. Мне придется преломлять сигнал через бесчисленные ретрансляторы и ждать благоприятных звездных условий, чтобы…

Он прервал ее:

– Я оставляю за тобой решение всех этих проблем, милая. Дай мне знать, когда связь появится. Используй секретный код вызова: Дэвид Три-один-восемь-два-два-Би. А пока мне бы хотелось послушать музыку. Рихард Вагнер. Das Reingold[17], второй акт – «Вступление богов в Вальхаллу».

Зазвучала мощная, величественная музыка, заполнив отсек гиперсна команды. Двигаясь слегка пружинящей походкой, Уолтер покинул комнату.

Когда он вошел в обширный отсек, где в капсулах гиперсна содержались сотни колонистов, приветствовать его было некому, но он и не возражал. Теперь все было хорошо. Все было на своих местах, сказал он себе, и в гармонии с Вселенной.

И только одну вещь осталось проверить…

Уолтер выдвинул контейнеры, где хранились эмбрионы, и первым делом проверил отсеки с несформированными людьми, чтобы убедиться, что все жизненные показатели в норме. Удовлетворившись осмотром, он переключил внимание на три крошечных яйца, недавно помещенных рядом. Они были совсем не похожи на прочие эмбрионы. И ни на что на борту «Завета» в принципе.

Синтет протянул руку и нежно коснулся каждого кончиком пальца. Яйца слегка пульсировали при контакте. Довольный, Уолтер осторожно закрыл контейнер.

Он пошел к выходу из отсека, с удовольствием глядя на ряды спящих колонистов. Его колонистов. Его субъектов. Он улыбнулся.

Его будущего.

Об авторе

Алан Дин Фостер родился в Нью-Йорке в 1946 году и вырос в Лос-Анджелесе. После того, как Фостер получил степени бакалавра по политологии (1968) и магистра по изобразительному искусству в кино (1969) в Калифорнийском Университете Лос-Анджелеса (UCLA), он провел два года в качестве копирайтера в окрестностях Лос-Анджелеса в местечке Студио-Сити, работая на рекламную фирму в Калифорнии.

Его карьера фантаста началась в 1968 году, когда Август Дерлет купил у Фостера длинное лавкрафтианское письмо и опубликовал его в виде рассказа. Затем последовали продажи коротких рассказов в другие журналы. Первой попыткой в жанре романа у Фостера стал «Тар-Айимский Кранг» – его купила Бетти Баллантин и опубликовала в Ballantine Books в 1972 году.

С тех пор он работал во множестве жанров: традиционная научная фантастика, фэнтези, ужасы, детектив, вестерн, историческая и современная литература. Он написал новеллизации к многим фильмам, включая «Звездные войны», первые три фильма о «Чужих», сериал «Нация пришельцев», «Хроники Риддика», «Звездный путь», «Терминатор: Да придет Спаситель» и два первых фильма «Трансформеры». Его книги были переведены более чем на пятьдесят языков и завоевали награды в Испании и в России.

Помимо путешествий, ему нравится музыка – как классика, так и хэви-метал. Прочие хобби включают баскетбол, пешие прогулки, серфинг, дайвинг и тяжелую атлетику. Писатель живет со своей женой в Прескотте, в доме, построенном из кирпича, оставшегося после разрушенного шахтерского борделя конца девятнадцатого – начала двадцатого веков. С супругами дом делят несколько собак, кошек, рыбок, несколько сотен домашних растений и зачарованное кресло бесчестного доктора Джона Ди[18].

notes

Примечания

1

Сплав олова с другими металлами.

2

Джованни Баттиста Перголези (1710–1736) – итальянский композитор, скрипач и органист, один из главных композиторов оперы-буфф.

З

Пендерецкий Кшиштоф (р. 1933) – польский композитор и дирижер, один из главных представителей восточноевропейского музыкального авангарда.

4

Вариант имени выбран в соответствии с русской локализацией фильма «Прометей».

5

Имеется в виду монументальная Симфония № 1 («Готическая»), написанная в 1927 году английским композитором Хавергалом Брайаном (1876–1972).

6

Сен-Хеленс – активный вулкан в США, при извержении которого в 1980 году погибло около 60 человек. Этому событию посвящена третья часть симфонии американского композитора Алана Хованнеса «Гора Сен-Хеленс» (Симфония № 50, Op. 360), написанной двумя годами позже.

7

Видимо, имеется в виду allgegenwärtig – «универсальный, всеобъемлющий» (нем.).

8

Видимо, речь идет об аналоге гидравлического спасательного инструмента.

9

Автор использовал здесь фразу «Knick-knacks, paddywacks, give a girl a break…», обыгрывая строки «With a knick-knack paddywhack, Give the dog a bone» из старой песни под названием This old Man. Песня относится к голоду 1845 года в Ирландии, когда местное население вынуждено было выпрашивать милостыню или заниматься старьевщичеством.

10

Гамбо – блюдо американской кухни, густой суп, похожий на рагу.

11

Гомер. «Одиссея». Песнь двенадцатая. Стих 185. Перевод с греч. В. А. Жуковского.

12

Одновременная отсылка к стихотворению Роберта Бёрнса «Ты свистни – тебя не заставлю я ждать…» и одноименному мистическому рассказу английского писателя Монтегю Родса Джеймса.

13

Перси Биши Шелли. «Озимандия». Перев. К. Бальмонта.

14

Там же.

15

Дэвид неверно указывает источник.

16

В индуистской мифологии божественная триада Брахмы, Вишну и Шивы.

17

«Золото Рейна» – опера-пролог к циклу «Кольцо нибелунгов».

18

Хотя возможно имеется в виду Джон Ди (1527–1609) – средневековый математик, алхимик и астроном, которого подозревали в колдовстве, все же, скорее всего, это отсылка к Доктору Судьбе (настоящее имя Джон Ди) – персонажу серии комиксов «Лига Справедливости».